

В. ПУТИН:
«ЭТО НАШ ПРАЗДНИК»

№ 9(99), 1-15 МАЯ 2015
ISSN 2222-5382

16+

Общероссийский молодёжный журнал

Наша Молодёжь

**МУЗА
НА ФРОНТЕ**

**НЕПРИДУМАННЫЕ
ИСТОРИИ ВОЙНЫ**

**МЫ ПАМЯТЬ
ХРАНИМ**

**СВОБОДА
ПОБЕДА
ЖИЗНЬ**

Участники акции «Поезд памяти» почтили память героев войны

В Александровском саду прошло возложение цветов к Могиле Неизвестного солдата. Участники акции — Ветераны Великой Отечественной войны, представители Росмолодёжи, Агентства по делам молодёжи Калининградской области, а также молодежь Калининграда. Всего в мероприятии приняли участие более 450 человек.

Глава Росмолодёжи Сергей Поспелов, обращаясь к участникам мероприятия, призвал молодое поколение вступать в волонтерский корпус 70-летия Победы и отметил уникальную возможность общения с Ветеранами: «Я хочу вам сказать, что вы последнее поколение, которое в живую может общаться с Ветеранами, добывшими для нас эту Победу невероятными усилиями. Мне бы хотелось, чтобы с осознанием этой мысли вы жили всю жизнь, чтобы передавали правдивую историю, которую услышали от участников сражений, своим детям. Это поколение отстояло мир ценой сотен тысяч жизней, они сумели доказать, что только объединив усилия, можно победить зло».

«Поезд Памяти» — ежегодная акция, организованная Агентством по делам молодёжи Калининградской области при поддержке Росмолодежи. В этом году маршрут поезда — Калининград — Москва — Минск — Калининград. В каждом городе запланированы торжественные мероприятия, посвященные 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

«Ни один фильм не дает молодому поколению такого опыта, столько эмоций и знаний, сколько эта недельная поездка. Дети и Ветераны находятся постоянно вместе, у молодёжи есть возможность записать видео с героями, взять интервью, мы создаем Книгу Памяти, которая передается в городские музеи. 450 человек становятся единой семьей, Ветераны отмечают, что у нас замечательная, внимательная, образованная молодёжь. Ребята с интересом слушают рассказы Ветеранов, интересуются историей, стараются больше узнать о военных годах», — рассказала Татьяна Васильева, руководитель Агентства по делам молодёжи Калининградской области.

В рамках московского этапа акции «Поезд памяти» в Общественной палате РФ прошло обсуждение молодёжных общественных объединений в рамках патриотического воспитания и вопросов актуализации гражданской позиции.

Общероссийский молодежный журнал
НАША МОЛОДЕЖЬ
 № 9(99), 1–15 мая 2015
www.nasha-molodezh.ru

Главный редактор
 Петр Алешкин
 Заместитель главного редактора
 Татьяна Жарикова
 Ответственный секретарь
 Геннадий Мишин
 Верстка
 Евгений Коротков
 Дарья Тихонова
 Корректор
 Надежда Ионина
 Зав. отделом патриотического воспитания
 Иван Горбунов
 Зав. отделом культуры и искусства
 Лилия Варюхина

Специальные корреспонденты:
 Виктор Власов, Антон Гагарин, Лия Гильмутдинова, Дания Давлетова, Артем Егоров, Ангелина Жукова, Анастасия Зверева, Кристина Зыбина, Айгуль Кабулова, Эмма Кравцова, Анастасия Лицоева, Олеся Лукьянова, Татьяна Попадьева, Елена Потапова, Родион Самарин, Елена Серебрякова, Ксения Федорова, Нарине Шахбазян (собор в Европе)

Выпускающий редактор номера:
 Лилия Варюхина

Фото на обложке
 Дмитрия Вороширина

За недостоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Телефон/факс:
8 495 625-44-61
e-mail:
nasha-mol@mail.ru

Адрес редакции:
 127486, Москва, Коровинское ш., д. 6, корп. 1, офис 23.

Учредитель:
 ООО «Наша молодежь».

Издатель:
 Гуманитарный фонд информационной поддержки государственной молодежной политики «Наша молодежь».

Мы в соцсетях:

vk.com/nashamolodezh
facebook.com/nasha.molodezh
twitter.com/Nasha_molodezh
youtube.com/user/nashamolodezh

Дорогие друзья!

Поздравляю с величайшим праздником нашей страны — праздником Победы! Особые поздравления и благодарность ветеранам Великой Отечественной войны, которые приняли на себя всю силу удара фашистской Европы, остановили гитлеровцев и защитили нашу Отчизну!

Мощь фашистских государств по всем показателям во много раз превосходила нашу страну, потому никто из политических деятелей даже дружественных нам держав не верил, что СССР выдержит фашистский натиск.

Министр США Г. Стимпсон считал, что «с русскими будет покончено минимум в один, максимум два месяца». У Черчилля по этому поводу писал: «Почти все авторитетные военные специалисты полагали, что русские армии скоро потерпят поражение и будут в основном уничтожены. Президента Рузвельта сочли очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт, и Москва не будет взята. Замечательное мужество и патриотизм русского народа подтвердили правильность этого мнения».

Но советский народ был уверен в своей победе с первого дня войны. Александр Зиновьев, один из самых известных диссидентов, в книге «Русская судьба, исповедь отщепенца» писал: «Должен заметить, что даже в самые трудные периоды войны ни у меня, ни у тех, кто окружал меня, не было сомнений в будущей победе. Воспитание, какое мы получили в школе тридцатых годов, давало знать о себе, несмотря ни на что».

И произошло чудо! Враг был разбит! Родина спасена!

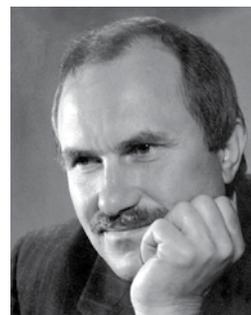
Этот номер мы почти полностью посвятили Великой Победе. Мы печатаем главы из книги воспоминаний ветеранов войны о своей боевой молодости. Эту книгу создали молодоговардейцы «Единой России». Замечательную идею осуществляет «Молодая гвардия»! Пока ещё живы ветераны, надо как можно больше общаться с ними, записывать их воспоминания на бумагу и на пленку.

Наши корреспонденты в преддверии праздника тоже встречались с ветеранами ВОВ, записывали их рассказы о боевой юности и теперь вы можете познакомиться с ними.

Вечная память павшим за Родину! Вечная слава живым ветеранам!

«Навстречу знамёнам, навстречу полкам / Вернувшейся армии нашей / Пусть песня победы летит к облакам, / Пусть чаша встречается с чашей. / И грозную клятву мы ныне даем / И детям ее завещаем, / Чтоб мир благодатный, добытый огнём, / Стал нашим единственным раем!» (Анна Ахматова).

С праздником Великой Победы!

Главный редактор
 Пётр Алёшкин

Читайте архив журналов на

nasha-molodezh.ru/pages/archive

В НОМЕРЕ

Молодежная политика в действии

03 **Владимир Путин:** «Это наш праздник»

К 70-летию Великой победы

04 «Дневник ветерана.

Непридуманная история войны»

12 **Виктор Масленников.** Наш долг — хранить память и учить уроки истории

17 **Нина Лычкина.** Спасибо деду за победу!

20 Вот такое «Буратино»

21 Женщины на войне

24 Отклик на вступительное слово главного редактора к 97 номеру

27 **Елена Козина.** **Виктор**

Николаевич Вышеславский:

«В Германии каждое дерево «под номером»

30 **Олеся Арамелева, Ирек Сабитов.**

Тамара Матвеевна Коновалова:

«У меня в сумке тряпки были, я их веревочкой свернула и руки фашистам связала»

32 Муза на фронте

35 Забвению не подлежит

Особое мнение

36 **Татьяна Жарикова.** Как была уничтожена великая держава

Литература

39 **Геннадий Белов.** За кулисами флота

42 **Геннадий Гусев.** Странствие великой мечты

44 **Рауль Мир-Хайдаров.** Переводчики

47 Мы

48 **Евгений Сорокин.** Связь восстановлена

50 **Ярослав Кауров.** Величальная... Нижнему Новгороду

ЗОЖигаем

52 **Ильдар Садриев.** Будущее Земли зависит от нас!

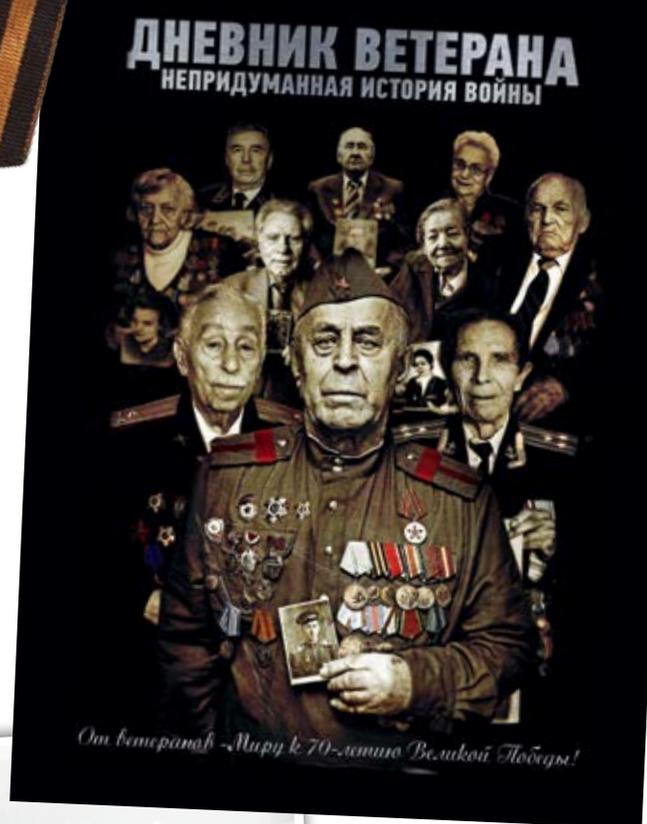
Мы действуем

54 **Кирилл Дягилев:** «Я могу быть полезным для города — и это здорово!»

с. 4

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ ВОЙНЫ

с. 21

ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ

с. 20

ВОТ ТАКОЕ «БУРАТИНО»

Редакционный совет журнала

Сопредседатели редсовета: **Ливанов Д. В.**, министр образования и науки РФ; **Мединский В. Р.**, министр культуры РФ.

Заместители председателя редсовета: **Мутко В. Л.**, министр спорта РФ; **Поспелов С. В.**, руководитель Федерального агентства по делам молодежи РФ.

Члены редсовета: **Аршинова А. И.**, заместитель Председателя Комитета по образованию Государственной Думы РФ; **Жидких В. А.**, заместитель губернатора Томской области; **Ильинский И. М.**, ректор Московского гуманитарного университета; **Левитская А. А.**, ректор Северо-Кавказского федерального университета;

Мендоса-Бландон М. О., президент Благотворительного фонда «Энциклопедия Серафима Саровского»; **Осипов В. О.**, член Высшего Творческого Совета Союза писателей России; **Тараканов П. В.**, заместитель губернатора Тюменской области; **Чуев С. В.**, заместитель руководителя «Росмолодёжи»; **Шевцова Л. И.**, зав. кафедрой литературы МГГУ им. М.А. Шолохова.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-35743 от 31 марта 2009 г. Подписано в печать 21.04.14. Формат 60×90 %. Печ. л. 7,0. Тираж 4500 экз. Цена свободная. Отпечатано в ООО «Типография «Новое время», г. Орел, ул. Итальянская д. 23.

Владимир Путин: «Это наш праздник»

Из ответов на «Прямой линии».

М. Ситтель: У нас в России есть тема, которая практически ни у кого не вызывает сомнений и кривотолков: это Великая Победа в Великой Отечественной войне. Потому что у каждого гражданина России в его семье есть свой герой, и потому всеобщее отвращение вызывает любая попытка, изощрённая деятельность по переписыванию истории Великой Отечественной войны. В этой истории СССР поставлен на одну доску с гитлеровской Германией, а Красная армия выступает уже не как освободитель, а как оккупант. Владимир Владимирович, Вам как сыну фронтовика каково слышать это и видеть?

В. Путин: Сложные чувства. И об этом можно много говорить, я постараюсь кратко.

Во первых, конечно, невозможно ставить на одну доску нацизм и сталинизм, потому что нацисты прямо, открыто, публично объявили одну из целей своей политики — уничтожение целых этносов: евреев, цыган, славян.

Цели уничтожения народов никогда сталинский режим перед собой не ставил, и попытка поставить на одну доску одних и других не имеет под собой никакой почвы. Это первое.

Второе, и, может быть, не очень приятное для нас. Всё-таки мы, не мы, а наши предшественники дали определённый повод для этого. Почему? Потому что после Второй мировой войны мы пытались навязать многим восточноевропейским странам свою модель развития — и делали это силой, надо это признать, и в этом ничего нет хорошего, и это нам аукается сегодня. Кстати говоря, примерно так же ведут себя сегодня американцы, пытаясь навязывать свою модель практически по всему миру, и их тоже ждёт неудача.

В. Колесов: Я воевал под Сталинградом командиром батареи, было мне в то время 19 лет. Первые годы войны наша Красная армия, наш советский народ воевали со всей Европой в одиночку, но воевали нашим, советским оружием. Да, у нас были союзники, но они слишком поздно открыли второй фронт, хотя они с нами были заодно.

Владимир Владимирович, а у нас сейчас есть союзники в борьбе с возрождающимся фашизмом?

В. Путин: Напомню слова Александра III, нашего императора, который сказал, что у России есть только два союзника: армия и военно-морской флот. И в напутствии своему сыну потом говорил, что нашей огромности все бояться. Это, кстати, тоже имеет под собой определённые основания.

У нас есть очень хорошие отношения в рамках различных объединений — например, БРИКС, которое объединяет Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку. Есть Шанхайская организация сотрудничества.

Это не военные организации, но это наши друзья, с которыми мы очень плотно работаем и развиваем наши отношения. И, наконец, у нас есть Организация Договора о коллективной безопасности. Это уже военно-политический союз: это бывшие республики Советского Союза, с которыми у нас очень близкие, надёжные, союзнические отношения и есть взаимные обязательства, в том числе и в военной сфере.

Но я исхожу из того, что мы воевать ни с кем не собираемся, но будем укреплять, безусловно, свою обороноспособность как раз для того, чтобы ни у кого не возникло никакого желания воевать с Россией.

М. Мягков: Приближается светлый праздник Победы, 70-летие. Но многие лидеры не приедут на наш праздник, не приедут в Москву. Может быть, и не стоит обращать на это внимание? Не приедут — и не приедут. В конце концов,

это наш праздник, это наша Победа. Ведь своим действием таким они оскорбляют память ветеранов, освободительную миссию Красной армии. В конце концов, мы их освобождали! В конце концов, освобождали от той фашистской чумы, иначе бы «Хайль!» кричали до сих пор.

Как Вам кажется, каков должен быть сегодня адекватный ответ России на такие выпады, недоброжелательные к нашей стране? Что Россия должна предпринять в этом отношении?

В. Путин: Вы же ответили. Это выбор каждого конкретного политического деятеля, выбор страны, которую он представляет. Кто-то сам не хочет, допускаю, а кому-то не разрешают из «вашингтонского обкома», говорят: «Нельзя», — они все раз: «Не поедем». Хотя многие хотят. Но это выбор, и мы всегда будем к этому выбору относиться с уважением.

Если люди в любой форме проявляют желание продемонстрировать уважение к жертвам нацизма и отдать дань освободителям и победителям нацизма, мы будем это приветствовать, повторяю, в любой форме, в любое время, в любом месте. Кто хочет, пусть приезжает. Кто хочет, пусть не приезжает.

Это наш праздник. Мы отдаём дань уважения поколению победителей. Мы делаем это для того, чтобы нынешнее поколение и в нашей стране, и за рубежом никогда об этом не забывали и не допускали ничего подобного в будущем. **НМ**

«ДНЕВНИК ВETERАНА. НЕПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ ВОЙНЫ»

Идея создания такой книги была обусловлена многочисленными фактами искажения истории по поводу роли советского народа в победе над фашистской Германией в ходе Второй мировой войны. Представители некоторых стран (политики, писатели, историки, кинорежиссеры и др.) порой позволяют себе громкие заявления, ставящие под сомнение истинную роль России и ее народа в Великой Победе. Поэтому кто как не ветераны Великой Отечественной войны — непосредственные участники этих событий — смогут донести до всех людей истинную правду о том, как все было на самом деле, чего до этого никто не делал. Именно им предстоит поставить точку в вопросе перевертывания фактов истории. Для этого будет проделана огромная работа по сбору историй ветеранов ВОВ о войне и о победе над фашизмом, которые лягут в основу этой уникальной книги.

Книга будет вручена всем мировым лидерам стран (Президентам), известным зарубежным и отечественным кинорежиссерам, сценаристам, писателям, политикам, историкам и др. Именно они станут основной аудиторией, к которой будет обращено это послание ветеранов ВОВ. Кроме того, в дальнейшем книга будет распространяться в школах, библиотеках, будет выставлена на продажу

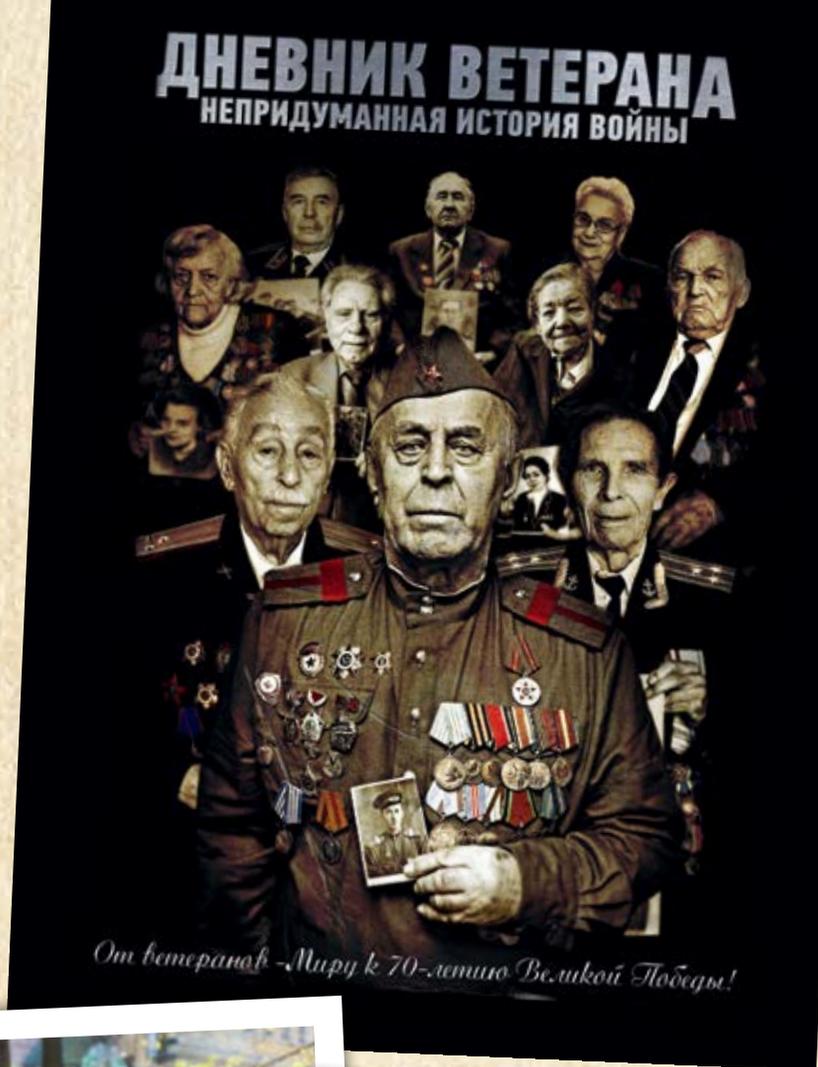

фото Дмитрия Вороширина

в книжных магазинах и т.д. Книга станет обращением участников войны ко всему Миру: пока живы те, кто помнит и знает какой ценой добыта победа, мы должны сделать все, чтобы их услышал весь мир.

Основной оператор проекта — ВОО «Молодая гвардия Единой России». Соорганизатором создания книги выступает Фонд «КИТ» (кино, интернет, телевидение), учредитель — Заслуженный российский сценарист, лауреат государственной премии РФ, член Союза кинематографистов Зоя Анатольевна Кудря.

Официальный старт проекта состоялся 16 марта 2015 года. Работа по сбору историй ветеранов запущена по всей стране — все они публикуются на специальном сайте, с историей каждого ветерана можно ознакомиться.

Параллельно с этим запущен автопробег «Южно-Сахалинск — Севастополь» — группа энтузиастов намерена проехать через всю страну и заехать во все крупные города. Там будут проводиться встречи с ветеранами ВОВ, которые собственноручно будут вкладывать в книгу истории о войне.

Содержание книги:

★ обращение к людям всего мира по поводу сохранения исторической правды;

★ истории ныне живущих ветеранов Великой Отечествен-

ной войны, которые будут представлять собой воспоминания о войне, составленные в хронологической последовательности — от момента вторжения фашистских захватчиков до взятия Берлина.

В процессе создания книги примут участие ветераны ВОВ по всей стране, в том числе из стран СНГ

К процессу создания книги планируется привлечь известных кинорежиссеров, историков, писателей, сценаристов, студентов журналистских и исторических факультетов вузов.

Этапы создания книги:

Март-апрель: запуск проекта, активная фаза сбора историй ветеранов, которые будут публиковаться на сайте Проекта (все присланные истории будут опубликованы), проведение автопробега «Южно-Сахалинск — Севастополь»;

Май (в преддверии 70-летия Великой Победы): проведение пресс-конференции, на которой будет презентована Книга «Дневник ветерана. Непридуманная история войны»;

Июнь: отправление книги президентам всех стран, известным режиссерам, писателям, политикам и др. (приурочено к дате начала Великой Отечественной войны). Выпуск книги для широких масс читателей, распространение. **НМ**

Воспоминания **Белозеровой Александры Дмитриевны**

Когда началась война, я была еще совсем молодой девчонкой. Призвали меня в 18 лет, зимой 1943 года.

Прошла от Москвы до Берлина. Я, правда, в атаки не ходила. Служила регулировщицей. Посты у нас были километров через тридцать друг от друга. Кто-то мост охраняет, кто-то на развилке дороги службу несет.

Тяжело было. У нас зачастую даже воды попить-то не было, не то чтобы умыться. Вот бывало танк пройдет, борозда от него останется. В нее вода наберется. А в ней чего только нет — и грязь, и мошки! Так мы марлю возьмем, процедим воду и пьем. И, представьте себе, не болели!

В самом конце войны наша часть стояла на трассе, километрах в пяти от Берлина. Нашей задачей была проверка проезжающих машин. Проверяли всех, кроме легковых машин со звездочкой на лобовом стекле. В них старший командный состав ездил. А тут со штаба фронта приходит приказ: проверять всех поголовно, без исключения!

И вот стою я на посту, ночью. Фонарь у меня — красный свет, зеленый свет. Вижу, едет легковая машина со звездочкой. Я выхожу, сигналию, приказываю ей остановиться. Она прет, и тормозить не думает. Ну, я скидываю с плеча автомат: раз стреляю в воздух, два. А потом — очередь по машине и попадаю в колесо. Водитель — по тормозам. Останавливается. Из нее выскакивает генерал и с пистолетом в руках бежит ко мне. Матерится. Кричит, обещает меня тут же пристрелить. Сердце у меня в пятки ушло. Ну, думаю: точно застрелит! А он поорал, поорал, остыл немного и спрашивает мою фамилию и номер моей

воинской части. Я, конечно, все ему сказала. Шофер машину сделал. Они с генералом уехали.

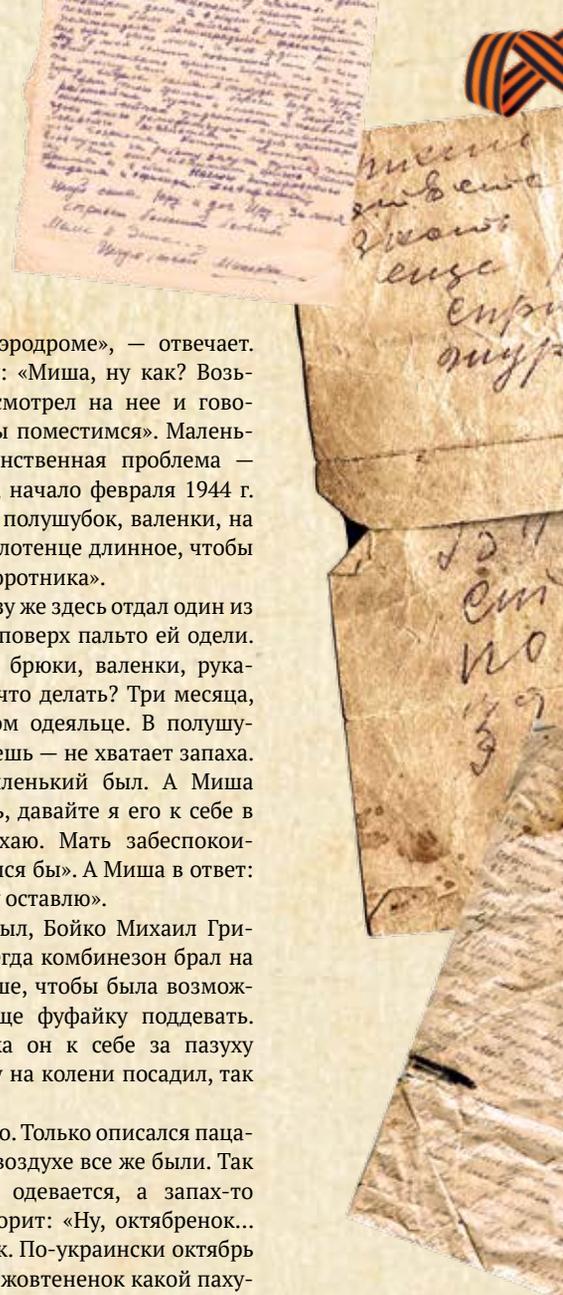
На следующий день вызывают меня в наш штаб. Я сразу поняла, что гауптвахты мне не избежать. А командир всех построил и за добросовестное выполнение обязанностей перед строем объявил мне благодарность.

А вот еще случай был. Война уже закончилась. Затишье. Нас расквартировали под Берлином. И вот в мое дежурство, на мой пост вдруг выходят сто шестьдесят немцев. Они, оказывается, выходили из окружения. Все молоденькие, тощие, измотанные. Построились и идут прямо на меня. Я растерялась, не знаю, что делать; думаю, что вот и все, пришел мне конец. А немцы метров пятьдесят не дошли, остановились, кричат: «Russische frau gut!» («Русские женщины хорошие!»). Ну, тут у меня от сердца отлегло. Я позвонила в штаб, доложила. Приехал генерал с солдатами и всех немцев забрал.

Трудно все это вспоминать. В нас и стреляли, и ноги зимой мы обмораживали. Молодые были. Ни любви не знали, ничего! Вся юность в войне прошла. Многие погибли, но меня Бог миловал, жива осталась. А закончить рассказ я хочу своими стихами:

*Семьдесят лет с собой ношу войну
Она в моем измученном сознании.
Листы кровавых дней переверну
А сердце вам оставляю, на прощанье! ★*

Воспоминания **Сускина Николая Ивановича**

Войну я встретил курсантом летной школы. Мне было 18 лет. Зимой, в феврале 1941 г., прошел летную комиссию, и нас отправили обратно доучиваться, получать среднее образование.

Сначала нас учили в Канске, а потом перевели в Петропавловск, это западная область Казахстана. Когда прошли обучение, нас — 20 человек — направили в распоряжение 15-й воздушной армии, которая была на Брянском фронте. В ноябре 1942-го г. я попал служить в 638-й авиационный полк ночных бомбардировщиков. Вначале был «безлошадным». Свой самолет У-2 я получил только в марте 43 г.

Начались тренировочные полеты. Нужно было научиться как следует летать именно ночью. 31 июня 1943 г. я совершил свой первый боевой вылет. Мы бомбили станцию Ворошилово, южнее города Орел. Так в 638-м полку я и служил вплоть до его расформирования. За время войны я выполнил 406 боевых вылетов, шесть раз летал к партизанам.

Помню, как-то раз вывезли мы от партизан молоденькую женщину с трехмесячным ребенком. Партизаны базировались где-то в 80 километрах от Вильно. Мы летали на пределе дальности. Чтобы долететь туда и вернуться обратно, горячего едва хватало. Подвешивали нам на самолет мешок килограммов 120–130 весом. Что там было — не знаю, да и не положено было интересоваться. Садились мы в заданном районе, партизаны этот мешок снимали, и мы сразу же улетали обратно.

И вот однажды подвели к нам небольшую девчонку — молоденькую совсем, в демисезонном пальтишке, в сапогах. На ней шапка-ушанка только была хорошая. И старший, кто нас встречал, говорит, дескать, нужно отвезти нашу партизанку с ребенком в тыл. Я спрашиваю: «А разрешение с Большой земли есть?» — «Есть.

Ее встретят на аэродроме», — отвечает. Ну, я к штурману: «Миша, ну как? Возьмем ее?». Он посмотрел на нее и говорит: «Да, с ней мы поместимся». Маленькая, щуплая. Единственная проблема — холодно. Зима же, начало февраля 1944 г. Говорю: «Давайте полушубок, валенки, на шею шарф или полотенце длинное, чтобы завязать поверх воротника».

Полушубок сразу же здесь отдал один из присутствующих, поверх пальто ей одели. Принесли ватные брюки, валенки, рукавицы. А с дитем, что делать? Три месяца, в одном легоньком одеяльце. В полушубок его не запахнешь — не хватает запаха. Мужик тоже щупленький был. А Миша и говорит, дескать, давайте я его к себе в комбинезон запишаю. Мать забеспокоилась: «Не задохнулся бы». А Миша в ответ: «Да я ему дырочку оставлю».

Он украинец был, Бойко Михаил Григорьевич, и он всегда комбинезон брал на два размера больше, чтобы была возможность под низ еще фуфайку поддевать. Словом, ребеночка он к себе за пазуху положил, мамочка на колени посадил, так и полетели.

И все нормально. Только описался пацаненок, два часа в воздухе все же были. Так Миша на завтра одевается, а запах-то остался, он и говорит: «Ну, октябренок... Нет, не октябренок. По-украински октябрь как? Жовтень! Во, жовтененок какой пахучий». Миша старше меня был, и, наверное, у него какие-то отцовские чувства уже были.

Вот не спросили тогда, как зовут девушку и ее ребенка. А может и спросил, да забыл уже? А вот слово это — жовтененок — помню! Хорошее слово — детское, мирное. ★

Воспоминания **Еминой Яхны Вульфовны**

Мне 96 лет. Когда говорю о блокаде Ленинграда, то неизбежно плачу, понимаю, что неприлично, но не могу остановиться.

Мы с сестрой — двойняшки. Сестра, к сожалению, в 80 лет умерла. Жизнь моя всегда была очень хорошей, спокойной, пока не началась война. Нас с сестрой война застала в институтах. Мы успели закончить только три курса. Мы решили, что война будет недолгой. Папа нас успокоил, что, мол, не волнуйтесь, пройдет какое-то время, все быстро стабилизируется. Но он ошибся. Папа ушел добровольцем на фронт. Ушел в таком возрасте, в каком уже не призывали, к тому же у него плоскостопие всю жизнь было. И его через две недели отправили обратно.

Когда началась война, у нас было все вплоть до какао. Мы решили, что несколько дней-то мы точно продержимся. 8 сентября 1941 г. сгорели Бадаевские склады. Мы с сестрой ехали в гости, и в это время упал первый снаряд. И вдруг мы видим жуткую пламя за нашим домом. Сразу не поймешь, наш дом горит или нет. Первым делом в панике побежали в магазин прятаться от бомбежек. Потом побежали домой, думая, что сгорел наш дом. А это горели склады.

Все бы ничего, но когда был очередной обстрел, я поехала на трамвае по делам. Так как я боялась, то вышла на площадку трамвая и встала внизу, чтобы выскочить. Трамваи-то были не такие, как сейчас, а открытые. Еду по Фонтанке, и вдруг слышу — пули свистят. Это говорится долго, но на самом деле там секунды какие-то успевали пройти. И я, испугавшись, прыгнула с трамвая. И тут поблизости оказался милиционер. Он упал, я следом. Люди из трамвая выскочили, бросились в укрытие — в подворотню. И пули за ними туда же. Всех убило. А мы с милиционером

остались живы. Это на всю жизнь воспоминание. Первое спасение от смерти.

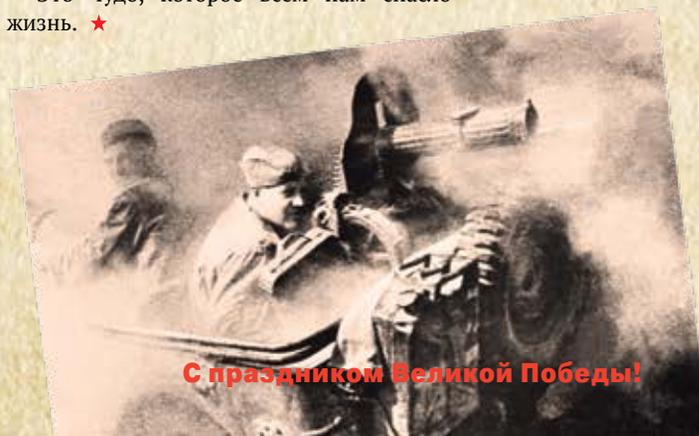
Начались уже и холод, и голод. Сестре к тому времени выдали справку о том, что она может преподавать русский язык и литературу, и предложили всем нам эвакуироваться. Мы с мамой и сестрой собрали кое-какие вещи, сели в поезд и поехали. А к нам в вагон посадили мальчишек-ремесленников. Зеленые, несчастные, голодные... Так вот, они сразу же схватили наши мешки и убежали. Мы остались безо всего.

На одной из станций я видела жуткую картину. Стоит там магазин продовольственный. А неподалеку лежит человек, с протянутой рукой к этому магазину. Не смог дойти, умер.

В конце концов, приехали мы в какое-то маленькое село. В один дом не пустили, в другой, в третий. Мы же — евреи, а в глубинке многие относились к нам с предубеждением. Я смотрю, последний дом стоит, дальше идти некуда. Вхожу и с порога говорю: «Здравствуйте! Мы — евреи. Пустите нас, пожалуйста». Эффектная женщина в очках смотрит на меня и говорит, что не пустит. Я в расстроенных чувствах кричу сестре, которая осталась дожидаться меня на улице: «Лиля, и здесь — нет!». А эта женщина вдруг как закричит: «Лилька, иди сюда!». Сестра, не расслышала, спрашивает у меня: «Чего, Тамара?». Женщина тут же: «Так, ты Тамарка? Заходи!»

Оказалась, что имена двух ее дочерей совпали с нашими — Тамара и Лиля. В быту меня все звали Тамарой. И, что самое удивительное — имя этой женщины совпало с именем моей мамы — Анна.

Это чудо, которое всем нам спасло жизнь. ★

Воспоминания **Шишкина Константина Георгиевича**

Родился я в Тобольской губернии в деревне Шишкино. Фамилия моя от этой деревни. Началась война. Пришла мне повестка из военкомата, я прошел медкомиссию, и меня направили на учебу в авиашколу.

В 1943 году мы стали выпускниками, нам присвоили звание младших лейтенантов и отправили на фронт. Попал я служить в 994-й ночной бомбардировочный авиационный полк 2-го Украинского фронта, который обеспечивал танковую армию генерала Ротмистрова.

Летал я на самолете ПО-2, с офицером связи вдоль линии фронта. Подбирали место для посадки. Офицер связи выходил, вручал пакет тому, кому он предназначен, и мы улетали обратно.

А потом наш полк передали в 5-ю Воздушную армию, 231-ю авиационную дивизию легких бомбардировщиков. И тут у нас сразу же поменялось предназначение. Теперь мы бомбили фашистские войска, летали на разведку.

И вот однажды прилетел к нам в полк представитель командования фронтом, выстроил нас на аэродроме — 10 экипажей. Вручил всем разные задания. Я должен был найти танки, определить их количество, место сосредоточения и направление движения. Мы полетели.

Мы со штурманом полетели в район Хайлигенбайль. Обнаружили там шесть или девять танков, замаскированных деревьями, отметили их на карте, летим дальше. Подлетаем к Браунсбергу, нас обстреливает зенитная батарея противника.

Первый снаряд попадает в нижнее левое крыло. Второй — в правое крыло, стараемся вырваться из этого обстрела, но ничего не получается, по нам бьют. Третий снаряд залетает штурману под сиденье. Разрешетило ему всю нижнюю часть тела. Мне осколки достались: два — в правую ногу (один и сейчас там сидит), и один — в левую ногу. Как ни пытались, не смогли

вырваться. Четвертый снаряд получили в двигатель.

Все! Машина падает! Что делать? Самолет нужно разбить. Мы над Браунсбергом. На станции стоят вагоны. Думаю: «Сейчас я в эти вагоны врежусь, повторю подвиг капитана Гастелло!». Но вижу, что не хватает высоты. Я бью самолет о деревья и из пулемета стреляю по вагонам. Вагоны не горят, не рвутся, а у нас в самолете патроны небитые всяких. И зажигательные, и бронебойные, и простые! Но вагоны не загораются.

Из вагонов выскакивают немцы и бегут к самолету. Я стреляю в них из пулемета. Смотрю, ко мне фашист на серой лошади подъехал. Я сразу за пистолет. Он испугался, развернулся, и от меня. Тут меня ранило. Я уже стоять не в состоянии, упал. Думаю: «В плен не сдамся». Достая пистолет, хотел выстрелить себе в висок, но тут немец подлетает и выбивает у меня из руки пистолет. Подбежали еще солдаты и начали меня пинать, бить прикладами по голове. Потом поднимают и говорят: «О, руссо офицер». И давай по новой мутузить.

Подошла грузовая машина. Нас со штурманом забросили в кузов и привезли в Браунсберг, в лагерь для военнопленных. Бросили и все, никакой медицинской помощи. Пролежал я там 30 дней. На 31-й день наши войска захватили этот лагерь и освободили нас. Меня направили в медсанбат на излечение.

И вот однажды лежу я в госпитале, ночью слышим — стрельба. Все подскочили, уже были готовы к чему угодно. Вдруг слышим, кричат: «Победа! Конец войне!»

Я был демобилизован с военной службы 25 декабря 1945 г. ★

Воспоминания **Зюзиной Евы Степановны**

В 1941 году я закончила семь классов. Хороший выпускной учителя организовали. А через неделю — война, а в августе мы уже были оккупированы немцами.

Казалось бы, добрыми людьми были наши соседи, жили дружно. А все вдруг стали полициярами. Сосед через дорогу стал старостой. Он-то и распорядился отправить нас, еще детей, на работу в Германию.

Привезли нас сначала в Варшаву. В итоге там и оставили. Ехали мы в товарном вагоне. Холодно было. Когда останавливались, нас отпускали сходить по нужде. Охраняли нас немцы с автоматами и с собаками. Не убежишь. Но один парень мне сказал: «Ева, не горюй, мы вернемся!». Я говорю: «Как же мы вернемся?». А он мне шепчет: «Я знаю, ты никому не скажешь. С нами едет партизан, он нас вывезет!».

И вот поселили нас всех в бараки. Днём выгоняли перебирать бурты с мороженой картошкой и свеклой. А есть-то хотелось. В общем, поела я этой картошки, и мой желудок расстроился. Ночью встала тихонечко и пошла в туалет, а надзирательница-немка это заметила. Вставать-то ночью было нельзя. Так она меня избила так, что я три дня не поднималась — ни ела, ни пила.

И вот тот парень, узнав о том, что меня так зверски избили, и приказал нашим девочкам во чтобы то ни стало поднять меня на ноги. «Иначе, — сказал он, — заберут ее в концлагерь, а оттуда ей никогда уже не выйти!»

Девочки пришли, расшевелили меня, умыли, я и оклемалась. Так и выжила. А скоро за нами приехали. Ночью погрузили в товарники и повезли. Везли через Польшу до Минска. Город был оккупирован немцами, видимо, работу нам хотели там дать. Ну вот, поставили состав в каком-то тупике и ушли. Забыли про нас. Вдруг кто-то открывает дверь поезда и говорит: «Ну, дети, бегите кто куда! Кому куда надо!». Наверное, это тот партизан был, о котором парень-то мне говорил. Я стою у вагона своего и не знаю куда бежать. Подходит ко

мне мужчина и говорит: «А что, внученька, стоим?». Я ему отвечаю, что не знаю, куда мне надо бежать? Он спросил, откуда я родом, вывел меня на дорогу и говорит: «Вот иди прямо-прямо, никуда не сворачивай, и придёшь домой. Только в богатую хату не заходи, там тебя не примут. Заходи к старушке в гнилушку».

А зима, холодно. Вот я и пошла. Сколько я шла, я не помню. Двести семьдесят километров протопала ножками. Пришла в свою местность, спустилась в какую-то деревню. Постучалась в хату. Бабушка дверь открыла, покормила меня. Посидела я какое-то время, согрелась и собралась уходить, а старушка мне и говорит: «Не ходи ты никуда. Поспи, а утром пойдёшь. Вон полицаи пьяные гуляют, орут по деревне. Они же тебя по дороге убьют» — «Не убьют! А убьют — черт с ними, все равно я пойду к маме!»

Полицаи меня, конечно, догнали. Едут, орут пьяные, кричат песни. Увидели меня: «Да эту бабку в канаву». А бабушка эта мне дала палочку — посошок и сказала, чтобы я сгорбилась, чтоб на старушку была похожа. Полицаи в канаву меня пихнули и дальше поехали. Я выкарабкалась из канавы и пошла.

Подошла к своему дому, постучалась. Оказывается, никто и не спал. Мама меня встретила. Утром сосед-староста приходит. Мы с мамой сидим в обнимку, рады, что встретились. А он мне и говорит: «Что вернулась? В следующий раз так отправлю, что не вернешься!». Мой отец не любил его, запрещал всем нам называть его господином: «Какой он господин?! Немецкий прихвостень! Ты, думаешь, немцы их, предателей, любят?».

А уже в 1944 году, после освобождения, у нас организовали банно-прачечный отряд. Мы раненых мыли, одевали. Из Освенцима заключенных привозили. Вот это страшно было. На людей они не походили. Вот чем мы в войну занимались. ★

Виктор
Масленников

Наш долг — хранить память и учить уроки истории

Американский философ и писатель испанского происхождения Джордж Сантаяна написал в одной из своих работ: «Кто не помнит своего прошлого, обречён пережить его снова». Мне могут возразить: если данный материал посвящён рассказу о героическом подвиге нашего народа в Великой Отечественной войне и преступлениях нацизма против нашей страны, так какую историю мы можем повторить? Я отвечаю: во время войны против нашей страны на стороне немцев сражалось большое число предателей. Генерал Власов и его сподручные, «РОА», «РОНА» возникли не на пустом месте. Не из небытия в нашей стране появились и неонацистские организации, предшественники которых «работали» уже во времена СССР. Кроме того, не стоит забывать и преступления большевиз-

ма по отношению к собственной стране. Разрушенные храмы и монастыри, «Красный террор», Бутовский полигон и бесчисленные захоронения подобного типа по всей стране, Валаамский дом инвалидов — всё это и многое другое говорит о пренебрежении к человеческой жизни и человеческому достоинству, собственной истории и культуре. И тут еще раз задумываешься: не стало ли это одной из причин распада огромной страны в 1991 г.?

Поэтому, чтобы не повторить трагедии прошлого, нам необходимо изучать и знать историю своей страны, конкретные предпосылки и исторические причины тех или иных событий. Нам нужно понимать дух времени, понять, как народ, оставшийся без внутреннего духовного стержня и фактически обезглавленный годами террора и социальных

экспериментов, сумел одержать Победу над врагом, под пятой которого лежала почти вся Европа.

Источником памяти, наряду с документальными материалами, являются наши ветераны, которые могут из первых уст рассказать нам частичку Правды о тех страшных годах. Поэтому я считаю большим счастьем для себя лично и окружающих, что на территории функционирования ТОС «Центр-11», председателем Комитета которого я являюсь, живёт замечательный человек, участница Великой Отечественной войны — **Раиса Фёдоровна Цыбизова**. Об её жизненном пути и бессмертных подвигах, служащих примером для всех нас, я и хочу написать данное повествование.

Раиса Фёдоровна Цыбизова (Шарапова) родилась 31 мая 1922 г. в селе Набережное Рязского района Рязанской области

(по современному административно-территориальному делению). Её родители — Фёдор Алексеевич Шарапов и Мария Ивановна Шарапова (Новикова) — были простой рабочей семьёй. Раиса Фёдоровна была старшей среди трех детей Шараповых — её брат Виктор Фёдорович родился в 1924 г., а сестра Юлия Фёдоровна — в 1932 г. К сожалению, их уже нет в живых. Отец и брат Раисы Фёдоровны также участвовали в защите нашей Родины: первый — в Первую мировую войну, а второй — в Великую Отечественную, был участником Битвы на Курской дуге.

На рубеже 30-х годов маленькая Раиса с семьёй переехала в Подмоскowie, в поселок Болшево, являющейся ныне районом г. Королёва. Там Раиса Фёдоровна в 1931 г. и пошла в первый класс. Десять классов обучения были окончены летом 1941 г., почти одновременно с началом войны. В те напряжённые предвоенные года имелся специальный урок «ГТО» — «Готов к труду и к обороне», идея которого незаслуженно забытая в 1990-е годы, начала возрождаться сейчас. На нём девочек учили оказывать первую помощь раненым, а ребята упражнялись в обращении с огнестрельным оружием.

Эти знания и навыки им всем скоро пригодились — 22 июня 1941 г. началась война, равной которой для нашей страны ещё не было. Раиса Фёдоровна и сейчас, спустя более 70 лет, как сегодня помнит тот день. «В этот день было страшно... Все наши школьные надежды и планы рухнули, у многих, как оказалось в дальнейшем, оказалась прервана или исковеркана и сама жизнь», — сказала Раиса Фёдорова. — Я очень хотела стать медсестрой или преподавателем немецкого языка, который хорошо знала. Неплохо в школе шла у меня и математика. Одна из моих учительниц как-то посоветовала мне идти работать в конструкторское бюро».

В начале войны Раиса Фёдоровна и её одноклассники (13 юношей и 8 девушек) дружно решили встать на защиту Родины

и отправиться на фронт. Придя в военный комиссариат, как положено, попросили зачислить их в действующую армию. Но начальника комиссариата на месте не оказалось, а его заместитель сказал: «Я не могу таких детей, как вы, отправить на фронт. Если не передумаете, приходите завтра, когда будет начальник комиссариата». Никто из нас не передумал, и на следующий день все были на месте. Комиссар, оформив все необходимые документы, сказал нам: «Чтобы вы все остались живы и пришли ко мне на следующий день после окончания войны». Однако комиссар не дождал до Победы. Он погиб в бою, как и 12 из 13 ребят и две из 8 девушек. На этом примере видно, какую страшную цену заплатили наш народ и страна за Победу.

Подумав, Раиса Фёдоровна добавила: «Я сравнительно легко «отделалась». Многие погибли, у многих были тяжелейшие ранения. У меня — «всего» контузия и большая на всю жизнь нога,

С 21-м одноклассником Раиса Фёдоровна отправилась на фронт. Вернулись только семеро. На этом примере видно, какую страшную цену заплатили наш народ и страна за Победу

простуженная в Полесских болотах... Думаю, — продолжила Раиса Фёдоровна, — что это благодаря благословлению матери и маленькому образу Владимирской иконы Божией Матери, которую я носила с собой всё время. Естественно, я во всём и всегда уповала на Бога и молилась Ему».

Нужно сказать, что в год начала войны, в 1941 г., в семье Раисы Фёдоровны произошла тяжёлая утрата — скончался отец Фёдор Алексеевич. До февраля 1942 г. Раиса Фёдоровна и многие её одноклассники были в тылу — учились военному и медицинскому делу в подмосковной Кубинке и участвовали в гражданской обороне Москвы и близлежащих мест — сбрасывали с крыш горящие снаряды, собирали немецкие листовки, сброшенные с самолётов... Потом из сборного пункта всё в той же Кубинке

их отправили на фронт. Вынести из-под обстрела раненого солдата, оказать ему первую помощь, доставить в медсанбат — вот героическая роль вчерашних школьниц, которую взвалила на них война. Раиса Фёдоровна говорит, что по сути, так и не смогла смириться со смертью, с ужасом и несправедливостью войны. Под столицей Украины — городом Киевом она помнит солдата, увидев которого и пощупав ему пульс, она, не сдержав себя, упала в обморок. Неизвестный солдат, которому не было на вид и 20 лет, лежал мёртвый с распоротым снарядом животом... И таких, чья судьба, чья молодость и чья жизнь оборвала война, было множество.

Раиса Фёдоровна отметила ещё один случай. Командир полка после прибытия на фронт новобранцев на построении сказал им: «Сейчас идёт война. Война не на жизнь, а на смерть. Поэтому о личной жизни забудьте. Всё будет после войны — и семейное счастье, и дети...».

С теплотой вспоминает Раиса Фёдоровна К.И. Шульженко, на одном из концертов которой ей посчастливилось быть.

Раиса Фёдоровна помнит бои под Смоленском, Николаевом, Киевом... Помнит одиноко стоящие печные трубы сгоревших

домов и целых сёл... Помнит чёрных, исхудалых, измученных людей, выползающих из подвалов... Ей запомнилось форсирование Днепра её 2-м Украинским фронтом, взломавшим «Восточный вал», с помощью которого оккупанты надеялись остановить наступление советских войск. Помнит, как под непрерывным обстрелом и авианалётами советские инженерные части строили понтонные переправы, по которым на другой берег переплавлились войска.

После освобождения Киева часть, в которой служила Раиса Фёдоровна, приняла участие в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. Здесь, недалеко от Минска, они оказались в окружении отступающих немцев.

В освобождённом Минске у Раисы Фёдоровны и её сослуживцев был праздник — впервые после отправления из Москвы они смогли переночевать не в полевых условиях, а в помещении и полноценно помыться.

Здесь они смогли и сполна подлечиться — у многих из-за недостатка витаминов кровоточили десны, вываливались зубы от развивающейся цинги. Местные жители и белорусские партизаны привозили из близлежащих лесов дубовые и еловые ветви, можжевельник...

Под Минском, в холодной воде Раиса Фёдоровна серьёзно повредила ногу, которая даёт о себе знать и по сей день. Поэтому впервые она ненадолго попала в медсанчасть, врачи которой смогли, путём огромных усилий, спасти начинавшую отказывать ногу. Медики предложили демобилизацию по медицинским показаниям, но Раиса Фёдоровна отказалась. Тогда её направили для дальнейшего прохождения службы в полевой хлебозавод. Так как она не умела печь хлеб, то стала работать экспедитором, выдавая готовую продукцию воинским соединениям. Но разлука со своими однополчанами не давала ей покоя. И спустя три недели с согласия начальства Раиса Фёдоровна последний раз отпустила хлеб в качестве экспедитора и уехала с ним в свою родную часть на присланной машине.

Дальше был Данциг (Гданьск), многие малые и большие польские и немецкие города, и, наконец, Берлин. В самом штурме города она не участвовала. Часть, в которой она служила, осуществляла «прочёсывание» города в поиске прячущихся вражеских солдат. В самом конце войны, на переправе через Одер Раиса Фёдоровна получила второе ранение — тяжёлую контузию. Её последствия проявляются даже сейчас, спустя много десятилетий, — у ветерана проблемы со слухом.

Помимо работы санитаром, негласно, по распоряжению руководства Раиса Фёдоровна работая, при «I отделе» полка, помогала контрразведке фронта. На память ей всплыли два случая «войны иными средствами». «Уже будучи за пределами СССР, кажется, на территории современной Польши, мы остановились на отдых в одном населённом пункте. Несколько человек из числа местного населения, поляки, принесли нам подарок — колбасу из недавно тяжело раненой лошади. Командир полка, почуввав неладное, предложил им самим сперва попробовать «угощение», но они есть «деликатес» категорически отказались». В другой раз, по рассказу ветерана,

всё оказалось намного трагичнее. В одно время в медсанчасти не хватало бинтов для перевязки раненых. Группу солдат из четырёх человек послали в оставленные немцами дома, чтобы добыть простыни, наволочки и т.д., пригодные для производства бинтов. Зайдя в один из таких домов, группа наткнулась на винный погреб и решила, по-видимому, попробовать напиток. Из подвала живыми они не вышли — вино было отравлено.

За время войны Раиса Фёдоровна несколько раз издали видела Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского.

Крепко в память рядовой Шараповой врезался концентрационный лагерь, освобождённый нашими войсками весной 1945 г., в котором содержались дети. «На территории лагеря мы увидели большую гору человеческих костей. На наш вопрос один из пленных немцев ответил, что кости планировалось перемолоть и использовать как фосфор для удобрения захваченных земель нашей страны», — с содроганием в голосе сказала Раиса Фёдоровна. На примере этого факта можно сделать очень важный, на мой взгляд, вывод. Основой для человеческого развития должны быть фундаментальные религиозные и культурные ценности. При отбрасывании и видоизменении их мы получаем именно такую высокотехнологичную бездушную машину. Перед этой машиной не стоит вопрос о человеческой жизни — её заботит, сколько килограммов фосфора из человеческих костей потребуется на удобрение поля или в какие сроки заключённые должны построить Беломоро-Балтийский канал. У этих процессов одна производная — пренебрежение к человеку, но разный объём и формы воплощения их в жизнь.

А дальше была Победа. Раиса Фёдоровна помнит этот день, 9 мая 1945 года так же хорошо, как и 22 июня 1941 г.

В день Победы были огромная радость и грусть от огромных потерь, о миллионах смертей.

В заключение, Раиса Фёдоровна решила сказать следующие слова сегодняшней молодёжи: «Вам надо хорошо учиться, это основа вашего будущего. Вы должны быть разносторонними людьми. Никогда не склоняйте голову перед трудностями, преодолевайте их, на то вы и личности. Помните, ува-

«На территории лагеря мы увидели большую гору человеческих костей. На наш вопрос один из пленных немцев ответил, что кости планировалось перемолоть и использовать как фосфор для удобрения захваченных земель нашей страны»

жайте и защищайте свою страну, свою историю, культуру и веру. Немцы презрительно нас называли «Russische schwaime» — русские свиньи. К сожалению, сейчас отчасти это правда. Посмотрите на отношение к некоторым

ветеранам в нашей стране, нуждающимся в помощи, которых давит машина безразличия. Посмотрите на памятники павшим, территория вокруг которых завалена мусором. Посмотрите на наши леса и луга, некоторые из которых напоминают свалку...». К этим бессмертным словам мне добавить нечего, всё и так ясно.

После демобилизации в 1945 г. Раиса Фёдоровна пришла в тот

самый военкомат, из которого в 1941 г. она со своими одноклассниками просилась на фронт. По её словам, в обычной жизни четыре года — относительно небольшое время, но четыре года войны показали всем вечностью.

Заместитель комиссара, не хотевший отправлять тогда вчерашних школьников на фронт и ставший к тому времени руководителем военкомата, искренне обрадовался Раисе Фёдоровне — живой и «почти» невредимой пришедшей с войны. Раиса Фёдоровна твёрдо сказала: «Хочу учиться!», попросив помочь с получением жилья в Москве. Комиссар подумал, и спустя неделю Раиса Фёдоровна получила место в коммунальной комнате на Красных воротах. Я не ошибся — в комнате уже проживали два человека. Поступив сразу после окончания войны в один из медицинских институтов Москвы, Раиса Фёдоровна смогла проучиться в нём недолго — дали знать о себе больная нога и обнаруженное малокровие. Учёбу пришлось оставить и лечь в больницу. Выписавшись, она так и не вернулась к учёбе (сил на то, чтобы одновременно учиться и работать, не было). Устроилась на работу в ЦКБ им. Н.А. Семашко медицинской сестрой. Там Раиса

Фёдоровна применяла свой опыт работы в войну — делала перевязки больным.

В Москве Раиса Фёдоровна жила одна — мать и сестра по-прежнему жили в Болшево и особой помощи оказать не могли. Но её не забывали и поддерживали — помогли сшить новое пальто, ведь до этого она, в том числе и зимой, ходила в гимнастёрке или в перекрашенной в чёрный цвет оставшейся с войны шинели.

В 1950 г. Раиса Фёдоровна вышла замуж за Петра Васильевича Цыбизова, фронтовика, участника Битвы на Курской дуге. Тогда она и переехала в Балашиху.

От этого брака родились четыре дочери, которых супруги Цыбизовы воспитали достойными гражданами нашей страны, нежно любящими своих родителей.

Посмотрите на отношение к некоторым ветеранам в нашей стране, нуждающимся в помощи, которых давит машина безразличия...

После того как дети подросли, Раиса Фёдоровна устроилась на завод «Рубин» гальваником, покрывала поверхность производимых предметов тонким слоем металла для защиты их от коррозии. Там она проработала до 1977 г., когда вышла на пенсию.

Но и дома она не «сидела сложа руки» — помогала в воспитании родившихся внуков. Когда внуки подросли, Раиса Фёдоровна, никогда не любившая «сидеть на скамейке у подъезда», занялась общественной работой. Помог случай. Подвал и нижний этаж её дома занимала санитарно-эпидемиологическая служба, которая хранила в подвале ядохимикаты. По вентиляционным ходам запахи от них поднимались в квартиру Цыбизовых и остальных жителей дома. После многочисленных

обращений супругов в различные инстанции ядохимикаты были увезены прочь. После этого Раиса Фёдоровна и её супруг заслужили уважение не только жителей дома, но и руководства «оппонента» — санитарной инспекции. Видя настойчивость и принципиальность Раисы Фёдоровны, ей предложили работать санитарным инспектором. На данной должности она проработала всего около года — сказались большие ноги и эмоциональная тяжесть работы. После этого Раиса Фёдоровна по-настоящему взялась за общественную работу — в 1988 г. она приняла активное участие в работе Совета ветеранов завода «Рубин» (потом — авиакорпорации). Почти одновременно, помня её заслуги в решении «химического» вопроса в доме, жители избрали её старшей по дому. На данном посту Раиса Фёдоровна проработала больше 20 лет, до 2010 г., когда она с лёгким сердцем начала передавать дела в доме новому поколению активистов. Раиса Фёдоровна и поныне принимает активное участие в работе ТОС «Центр-11», помогая советом.

Слушая ветерана, невольно поражаешься следующему: везде говорят, «что сейчас трудное время, тяжело жить, поэтому, например, много детей в семье вырастить трудно». А когда нам было легко жить? По сравнению с теми послевоенными годами, я не говорю про военное время, наша современность — просто образец комфорта. Самое

главное, как мы относимся к трудностям, какой у нас «запал» и воля к их преодолению. Ведь если бы наши предки, ахали и охали, смотря на мощь германской армии и существующие трудности, мы бы никогда не одержали Победу. Но наши предки не думали о трудностях — они решали их.

Раиса Фёдоровна овдовела в 1994 г. — «скорая помощь» ехала к умирающему от инфаркта ветерану больше 45 минут...

Раиса Фёдоровна всегда была верующим человеком и в годы гонений, и во время Возрождения. После смерти супруга она решила принять участие в восстановлении пребывавших в печальном состоянии храмов Подмосковной земли. Начала с расположенной неподалёку от Балашихи деревни Алмазово Щёлковского района церкви во имя Сергия Радонежского. Но в чём могла помочь восстановлению церкви обычная пенсионерка? «Мы ещё сильны, — говорит Раиса Фёдоровна. — Я лично организовывала людей, находила благодетелей, жертвователей. Да и просто помочь с уборкой на месте строительства приятно и полезно». После восстановления Алмазовской церкви, поражающей своим великолепием, в которую я недавно с ней ездил, она не оставила этого благого дела. Потом ветеран принимала посильное участие в восстановлении Троицкого собора в соседнем Щёлково и многих других церквей и строительстве новых, например, Ксении Петербургской на берегу Медвежьих озёр и церкви во имя Иконы Божией Матери «Всецарица» на территории Московского областного онкологического диспансера в микрорайоне «Южный» нашего города. Кроме того, на попечении Раисы Фёдоровны находятся семь лежачих больных, которым она, например, помогает продуктовыми наборами, приобретёнными за счёт спонсорской поддержки. **ИМ**

Нина Лычкина

Спасибо деду за победу!

Давно поросли травой окопы, истлело в земле смертоносное железо. Но память наша — память и тех, кто пережил огненное лихолетье, и тех, кто родился после того, как отгремели бои, — она не слабеет с годами. Напротив, мы всё пристальнее вглядываемся в даль времени, стараясь досконально разобраться в существе той или иной крупной битвы и с равным интересом выяснить судьбу участников былых сражений.

Васильевне, в котором он описывает события того лета:

«17.01.1943 г. Здравствуйте дорогие родители!

Поздравляю вас с Новым 1943-м годом. Пусть в 1943-м году немцы ещё раз узнают, что русский народ нельзя победить.

Почти всё лето я воевал на своей родине, был и на ст. Лиски. Приказ... выполнил, изгнал всех немцев с вост. берега р. Дон, за что представлен к награде.

...в августе я был ранен под Коротяком. Снарядом ослепило глаза, но сейчас вижу хорошо. А вчера

За годы Великой Отечественной войны в сводках Совинформбюро было названо много имён рядовых бойцов и командиров, отличившихся в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Над расшифровкой, выяснением судеб названных в сводках людей работают историки, краеведы, журналисты и юные следопыты. Никто не должен быть забыт, ничто не должно быть забыто!

И вот передо мной пожелтевшие от времени вырезки из газет и журналов военной поры, письма и фотографии. Они повествуют о незаурядном человеке, о мужественном и отважном воине — о моём дедушке. Вот эта сводка информбюро от 31 августа 1942 г.

«В районе Воронежа наши танкисты под командованием старшего лейтенанта тов. Лоленко совершили внезапный налёт на населенный пункт, занятый

противником. Воспользовавшись паникой среди гитлеровцев, танкисты уничтожили 16 орудий, 8 миномётов, 25 пулемётов, 15 автомашин, 45 повозок и истребили до 300 немецких солдат и офицеров».

Война распорядилась так, что Ивану Лоленко (моему деду), пришлось воевать в родных местах. Он родился в селе Лиски, в городе Лиски кончил школу и участок фронта «в районе Воронежа», упомянутый в сводке, проходил как раз по знакомым ему с детства местам. Ещё в июне, до дерзкого августовского налёта, навсегда вписанного в Совинформбюро в историю войны, Иван Лоленко, применив излюбленный тактический приём, ворвался на рассвете в родное село и обратил в бегство обосновавшихся там фашистских войск. Сохранилось письмо эвакуировавшимся из села родителям Фёдору Ивановичу и Наталии

три вражеские пули пронзили мне кисть левой руки. Рука скоро заживёт и дней через 10 буду здоров. По-прежнему буду уничтожать немцев...»

Участвовал Иван Лоленко и в широко известном налёте на крупный аэродром противника близ станции Тацинской, где находилось более двухсот немецких транспортных самолётов, готовых к вылету. Но взлететь им так и не удалось, они были раздавлены нашими танкистами. Армейская многотиражка рассказывала тогда:

«...Немец так спешил, что сидя в самолёте, не знал, за что хвататься. Он был настолько растерян, что у него дрожали руки, а по спине пробегали мурашки... И прежде, чем он потянул на себя рукоять управления, сзади задрожала земля, заскрежетало железо: немец оглянулся и увидел советский танк, спокойное лицо танкиста. Это был гвардеец Иван Фёдорович Лоленко. Его машина опередила вражеский самолёт, раздавив ему хвост.

Холодея от страха, немецкий офицер торопливо вылез из самолёта и с поднятыми руками подошёл к танку. Так Иван Лоленко захватил в плен немецкого офицера и гусеницами искрошил более десятка самолётов и несколько десятков солдат и офицеров противника».

Бить ещё было немало. И после освобождения Ельни батальон Лоленко с боями шёл дальше на запад, участвовал в освобождении Белоруссии, Прибалтики. И каждый бой был отмечен командирской смекалкой, личным мужеством и отвагой комбата. Журнал «Красноармеец», чествуя прославленного танкиста в 1944 г., поместил фотографию улыбающегося Ивана Лоленко и адресовал ему стихотворение:

*«Капитан, капитан улыбнитесь...»
Так мы в песне певали не раз.
И с портрета прославленный витязь,
Улыбаясь, взирает на нас.
Здесь легко угадать без ошибки,
Почему капитан так хорош,
Потому что от этой улыбки
У фашистов повальная дрожь!»*

Вот так воевал с гитлеровскими захватчиками мой дед Иван

Лоленко. Он встретил радостный праздник Победы и после войны продолжил службу в Вооружённых Силах СССР. Его боевые заслуги перед Родиной отмечены орденами Кутузова III степени, Александра Невского, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Прожил подполковник Иван Фёдорович Лоленко до обидного мало: умер на сорок втором году. Сказались все семь ранений, полученных на войне.

Быть внучкой такого деда очень почётно. Поэтому моя семья особенно трепетно относится к истории и чтит этот великий праздник — День Победы.

Но сколько таких историй можно вспомнить? Наверняка, у большей части людей кто-то в семье воевал, будь то дед или прадед. Или, может, дядя двоюродный. И пока мы помним свою историю, она будет жива. История про моего деда ещё раз доказывает, какой он был — русский солдат и как благодаря им мы с вами живём на этой земле. И как мало осталось ветеранов, о которых надо помнить и почитать их.

Надо дорожить своей историей...

И вот наступает этот великий день. День гордости и скорби, день светлой памяти и безмерного поклонения героям. Уже в 70-й раз мир будет чтить тех, кто избавил планету от коричневой чумы фашизма, ценой невероятных жертв и беспримерного героизма сломал хребет самому бесчеловечному в истории режиму.

День Победы — наш общий праздник. И тех, кто ценой собственной крови, а нередко и жизни с оружием в руках защищал родную страну от нашествия врагов. И тех, кто, не щадя сил, трудился в тылу, заменяя ушедших на фронт отцов, братьев, мужей и сыновей. И тех, кто, оставшись не по своей воле на оккупированной территории, терпел ужасы фашистской неволи.

Все они верили в Победу. И этот светлый день, оплаченный

миллионами жизней, наступил. Теперь и мы, не видевшие войны, родившиеся много лет спустя, отмечаем каждую годовщину мирной жизни, которой бы у нас никогда не было, если бы не они — Победители. Да и нас самих, наверное, не было бы, и весь ход времени пошел бы по-другому.

Эту Победу у нас никто не отнимет — как бы ни старались так называемые «государственные деятели» других стран и приспособленцы, именующие себя учеными, переkreить и подтасовать факты в угоду политической конъюнктуре. Мы не позволим зачеркнуть этот великий праздник! За нами — все они, павшие на поле битвы и выжившие, сражавшиеся на переднем крае и в партизанских отрядах в тылу врага, принесшие мир и свободу народам Европы, умершие от фронтовых ран и ушедшие из жизни в мирные дни, надорвав здоровье в военное и послевоенное лихолетье, принявшие мученическую смерть в печах Освенцима и Дахау, Равенсбрюка и Маутхаузена, пережившие плен и радость освобождения.

Всем им — низкий поклон и безмерная благодарность! Мы перед ними в неоплатном долгу! Вечная слава павшим, долгих лет и здоровья ветеранам! Память о вашем беспримерном подвиге не умрет, пока живы мы, наши дети, внуки и правнуки. Значит, она будет жить вечно.

Как выяснилось, к седьмому десятку лет со дня взятия Берлина, кроме России, о случившемся в мае 1945 г. помнят хотя бы немногие. Даже в школьных учебниках истории разных стран события конца Второй мировой войны искажены до неузнаваемости.

Так, например, в учебнике истории Украины, написанном Сергеем Синило, даже само понятие «Великая Отечественная» заменено на «советско-германскую войну». И рассказ о ней начинается так: «На территории Западной Украины многие украинцы вначале встретили немцев приветливо — слишком свежи были в памяти зверства коммунистов. Члены ОУН начали формирование украинских органов власти».

Прибалтийские страны никогда не отличались симпатиями к СССР, и Великая Отечественная для них в лучшем случае смена одной оккупации другой, как трактуют события лета 1941 г. литовские учебники. В Эстонии шагнули еще дальше. Вот, например, «Поворотные моменты истории Эстонии», учебник для гимназий:

«Никогда ранее наш народ не относился к немецкому вторжению иначе как с решительностью выступить на защиту своей земли, однако когда Молотов дрожащим голосом сообщил о немецком нападении, эстонцы чувствовали все, кроме сочувствия. Наоборот, у многих появилась надежда. Население Эстонии воодушевленно приветствовало немецких солдат как освободителей».

В Европе тоже участие советских солдат в Победе, мягко говоря, преуменьшается. Или того хуже. Во французском учебнике, написанном Карпантье, про СССР во Второй мировой вообще нет ни слова. Там долго рассказывается, насколько необходимо было капитулировать перед Гитлером, а потом освещена высадка союзников.

В канун Дня Великой Победы во многих странах и даже бывших социалистических республиках налицо явное, предъюбилейное обострение антипобедной аллергии, одним из главных признаков которой является горячее желание «аллергиков» одолеть правду о Победе новой «правдой» о войне. Рассчитана эта «правда», конечно, не на старшее поколение, а на юных, манипулируя сознанием которых ниспровергатели исторической истины надеются достичь главной цели — вытравить из родовой памяти молодых то, чем нужно гордиться. Что же знает о той страшной войне и Великой Победе интернет-поколение нового века? Оно отличается от поколения отцов — хотя бы тем, что нынешние мальчишки не попросят прадедушек дать поносить гимнастерку военных лет и не будут глядываться в лица их однополчан на старых фотографиях, не приложат к груди медали ветеранов. И не потому, что им

это неинтересно, а по той простой причине, что уже нет в живых многих дедушек и прадедушек, да и солдатские гимнастерки давно истлели...

И задумываясь обо всём этом, находит просто тоска. Как люди, которые живы и свободны благодаря победе наших дедов, могут так коверкать историю? Ведь это их корни и истории множества семей, и не дорожить ими — это просто кощунство.

Тех, кто подарил нам ясное небо над головой, осталось немного. Каждый год ветераны, не изменяя традиции, приходят к мемориалам в своих городах. Можно только представить, что происходит в их сердцах, когда с трибуны звучат торжественные, но, увы, фальшивые речи, а в толпе мелькают агитационные флаги и кепки. Сгиснув зубы, они выстаивают официальную часть до конца для того, чтобы потом к ним подошел малыш и, протянув гвоздику, сказал: «Спасибо тебе, дедушка, за победу!» Тогда их добрые лица озаряются светом, разглаживаются морщинки. Наша благодарность для них — эликсир молодости.

Мы помним подвиги отцов...

Всё дальше уходят в историю суровые годы Великой Отечественной войны, но память о ней, о доблестных деяниях дедов, отцов наших, мужественно защищавших Родину, всё самое святое и дорогое, нетленна.

С каждым годом 9 мая 1945 года от нас все дальше, но День Победы продолжает глубоко волновать людей всех возрастов. Он наполняет нас и радостью за Победу, одержанную над фашистскими захватчиками, и гордостью за наши народы, в тяжелейших условиях на фронте и в тылу отстаивавшие свое право на свободу и жизнь, и скорбью о миллионах тех, кто погиб на полях сражений, в плену, на пепелищах дзержень, под развалинами разрушенных городов...

Все последующие поколения должны помнить об уроках Великой Отечественной войны. Самое

малое, что мы сегодня можем сделать ради тех, кто сражался и погиб, — не допускать почитание и героизацию фашистских преступников и бережно хранить память о невероятном подвиге советских солдат, защищавших свою Отчизну.

Подвиг советского солдата навсегда останется для потомков примером невиданной силы духа, мужества, подлинной ответственности за Родину, умения сплю-

Священная память о Великой Победе навеки вписана в мировую историю и будет всегда объединять народы наших стран

титься и дружить. Дружба помогла на войне победить, а в послевоенные годы — возродить из пепла разрушенное Отечество.

Священная память о Великой Победе навеки вписана в мировую историю и будет всегда объединять народы наших стран, одинаково опаленные огнем той страшной войны, бок о бок воевавшие, жертвовавшие собой во имя мира на Земле.

Патриотизм...

И что бы ни говорили, но наша молодежь ценит и гордится этой Победой. Стоит только в преддверии праздника выехать на магистрали, и за день увидит сотни автомобилей с георгиевскими ленточками и с надписями на стёклах «За Победу...», «Спасибо деду за Победу» и др.

Мы все с гордостью смотрим 9 мая парад на красной площади по телевизору или идём сами на парад. При этом не забывая прикрепить георгиевскую ленточку на верхнюю одежду.

А всем известная акция «Бесмертный полк», собравшая в прошлом году тысячи людей (преимущественно, молодежь), ещё раз доказала — мы патриоты! Мы гордимся победой и переписать историю никогда не дадим. Уже сейчас в летопись полка записано 103 723 имени. **НМ**

Вот такое «Буратино»

А вы знали, кем были в жизни наши любимые герои из сказки про Буратино?

1. Папа Карло (Николай Гринько) родился в семье актёров Рабоче-крестьянского передвижного театра на Украине. В 1940 году призван в РККА, направлен в 619 БАО. На фронте Гринько служил стрелком-радистом на бомбардировщиках дальнего действия (АДД ВВС СССР, главного маршала авиации Голованова) и был комсоргом полка. Гвардии старшина. Награжден орденом «Отечественной войны...» 2-й степени, медалью «За боевые заслуги».

2. Джузеппе Сизый нос (Юрий Катин-Ярцев) родился 23 июля 1921 года в Москве. Представитель древнего дворянского рода Катиных-Ярцевых — потомственных дворян Рязанской губернии, первые упоминания о которых относятся к 1594 году.

В 1939 году поступил в театральное училище имени Б.В. Щукина, но через месяц учёбы был призван в Красную Армию. Старший сержант, помощник командира взвода 63-го мостового железнодорожного батальона. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

3. Черепаха Тортилла (Рина Зелёная) родилась 7 ноября 1901 года в Ташкенте. Во время войны ездила на передовую в составе фронтовых артистических бригад, за что в 1944 году награждена орденом Красной Звезды. Сергей Михалков, будучи военным корреспондентом, в одной из заметок написал, что на передовой услышал горестный разговор солдат о том, как «чертовы фрицы вдребезги разбили Рину Зеленую».

...На крыше дома, где жила Рина Зелёная, появилась зенитная батарея. Немцы

старались попасть именно в нее. Дружинниками в доме были все оставшиеся мужчины: режиссеры, актеры и писатели. Они тушили зажигалки и убрали осколки снарядов от зенитки, установленной на крыше. Шлемы дружинникам не полагались, и Рина Васильевна просила мужа: «Ты надень хоть кастрюлю, а то тебе голову пробьет». На что супруг отвечал: «Я — дворянин. Я не могу умирать с кастрюлей на голове!» А осенью 1945 года в Берлине Зелёная расписалась на Рейхстаге. Она рассказывала: «Мне удалось втиснуться между фамилиями бойца-пехотинца и матроса на одной из колонн».

4. Карабас-Барабас (Владимир Этуш) родился 6 мая 1922 года в еврейской семье московского элпмана. Награжден орденом Красной Звезды, лейтенант. Из наградной: «В боях за социалистическую Родину против немецких оккупантов показал себя смелым и решительным командиром. В наступательных боях в районе Моспино 07.09.1943 г. командованием полка, тов. Этуш был послан на помощь в батальон, имевший сложную обстановку в выполнении поставленной боевой задачи. Тов. Этуш, бесстрашно, не щадя своей жизни, воодушевляя бойцов, смело повёл роту на врага, причём своим умелым манёвром выбил противника из района Городок при этом уничтожил 30 солдат и офицеров, захватил ручной пулемёт. Тов. Этуш, работая начальником штаба по тылу на всём протяжении наступательных боёв, обеспечил нормальную работу тыла и его передвижения. Бесперебойно доставлял боевым подразделениям продовольствие и боеприпасы. Хорошо обеспечил приём и эвакуацию

раненых. 15.09.1943 г., наступая на районный центр Куйбышево, лично с группой бойцов первым ворвался в село и в уличных боях уничтожил 8 солдат и офицеров противника».

В 1943 году под Токмаком (село Жовтневое) в Запорожской области был тяжело ранен. После госпиталя получил вторую группу инвалидности и был комиссован.

5. Дуремар (Владимир Басов) родился 28 июля 1923 года (на самом деле он родился 28 июля 1924 года, а год себе приписал, чтобы уйти на фронт) в Валуйском районе Белгородской области в русско-еврейской семье. Отец был красным командиром (погиб в 1931 году, будучи командиром пограничной заставы в Средней Азии).

На войне с 1941 года. Награжден медалью «За боевые заслуги» и «За победу над Германией», орденом «Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды.

Организованный им ансамбль художественной самодеятельности дал более 150 концертов для бойцов. В звании старшего лейтенанта был командиром батареи 424-го миномётного полка 36-й миномётной бригады 28-й артиллерийской дивизии прорыва РККА.

23 февраля 1945 года, во главе штурмовой группы, обеспечил захват опорного пункта немецкой обороны, в бою был тяжело контужен, за свой подвиг награжден орденом Красной Звезды. Был заместителем начальника оперативного отдела 28-й отдельной артиллерийской дивизии прорыва Резерва Ставки Верховного главнокомандования (воинское звание: капитан). **НМ**

ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ

Воспоминания женщин-ветеранов из книги Светланы Алексиевич, собранные блогером Натальей Радуловой (radulova)

«У нашей матери не было сыновей... А когда Сталинград был осажден, добровольно пошли на фронт. Все вместе. Вся семья: мама и пять дочерей, а отец к этому времени уже воевал...»

«**О**дин раз ночью разведку боем на участке нашего полка вела целая рота. К рассвету она отошла, а с нейтральной полосы послышался стон. Остался раненый. «Не ходи, убьют, — не пускали меня бойцы, — видишь, уже светает». Не послушалась, поползла. Нашла раненого, тащила его восемь часов, привязав ремнем за руку. Приволокла живого. Командир узнал, объявил сгоряча пять суток ареста за самовольную отлучку. А заместитель командира полка отреагировал по-другому: «Заслуживает награды». В девятнадцать лет у меня была медаль «За отвагу». В девятнадцать лет поседела. В девятнадцать лет в последнем бою были прострелены оба легких, вторая пуля прошла между двух позвонков. Парализовало ноги... И меня посчитали убитой... В девятнадцать лет...»

У меня внучка сейчас такая. Смотрю на нее — и не верю. Дите!»

«У меня было ночное дежурство... Зашла в палату тяжелораненых. Лежит капитан... Врачи предупредили меня перед дежурством, что ночью он умрет... Ушла и вернулась через час. Он лежит мертвый. И та улыбка у него на лице...»

«И когда он появился третий раз, это же одно мгновение — то появится, то скроется, — я решила стрелять. Решилась, и вдруг такая мысль мелькнула: это же человек, хоть он враг, но человек, и у меня как-то начали дрожать руки, по всему телу пошла дрожь, озноб. Какой-то страх... Ко мне иногда во сне и сейчас возвращается это ощущение... После фанерных мишеней стрелять в живого человека было трудно. Я же его вижу в оптический прицел, хорошо вижу. Как будто он близко... И внутри у меня что-то

И девчонки рвались на фронт добровольно, а трус сам воевать не пойдет. Это были смелые, необыкновенные девчонки

противится... Что-то не дает, не могу решиться. Но я взяла себя в руки, нажала спусковой крючок... Не сразу у нас получилось. Не женское это дело — ненавидеть и убивать. Не наше... Надо было себя убеждать. Уговаривать...»

«И девчонки рвались на фронт добровольно, а трус сам воевать не пойдет. Это были

смелые, необыкновенные девчонки. Есть статистика: потери среди медиков переднего края занимали второе место после потерь в стрелковых батальонах. В пехоте. Что такое, например, вытащить раненого с поля боя? Мы поднялись в атаку, а нас давай косить из пулемета. И батальона не стало. Все лежали. Они не были все убиты, много раненых. Немцы бьют, огня не прекращают. Совсем неожиданно для всех из траншеи выскакивает сначала одна девчонка, потом — вторая, третья... Они стали перевязывать и оттаскивать раненых, даже немцы на какое-то время онемели от изумления. Часам к десяти вечера все девчонки были тяжело ранены, а каждая спасла максимум два-три человека. Награждали их скупое, в начале войны наградами не разбрасывались. Вытащить раненого надо было вместе с его личным оружием. Первый вопрос в медсанбате: где оружие? В начале войны его не хватало. Винтовку, автомат, пулемет — это тоже надо было тащить. В сорок первом был издан приказ номер двести восемьдесят один о представлении к награждению за спасение жизни солдат: за пятнадцать тяжелораненых, вынесенных с поля боя вместе с личным оружием, — медаль «За боевые заслуги», за спасение двадцати пяти человек — орден Красной Звезды, за спасение сорока — орден Красного Знамени, за спасение восьмидесяти — орден Ленина. А я вам описала, что значило спасти в бою хотя бы одного... Из-под пуль...»

«Что в наших душах творилось, таких людей, какими мы были тогда, наверное, больше никогда не будет. Никогда! Таких наивных и таких искренних. С такой верой! Когда знамя получил наш командир полка и дал команду: «Полк, под знамя! На колени!», все мы почувствовали себя счастливыми. Стоим и плачем, у каждой слезы на глазах. Вы сейчас не поверите, у меня от этого потрясения весь мой организм напрягся, моя болезнь, а я заболела «куриной

слепотой», это у меня от недоедания, от нервного переутомления случилось, так вот, моя куриная слепота прошла. Понимаете, я на другой день была здорова, я выздоровела, вот через такое потрясение всей души...»

«Меня ураганной волной отбросило к кирпичной стене. Потеряла сознание... Когда пришла в себя, был уже вечер. Подняла голову, попробовала сжать пальцы — вроде двигаются, еле еле продрала левый глаз и пошла в отделение, вся в крови. В коридоре встречаю нашу старшую сестру, она не узнала меня, спросила: «Кто вы? Откуда?» Подошла ближе, ахнула и говорит: «Где тебя так долго носило, Ксения? Раненые голодные, а тебя нет». Быстро перевязали голову, левую руку выше локтя, и я пошла получать ужин. В глазах темнело, пот лился градом. Стала раздавать ужин, упала. Привели в сознание, и только слышится: «Скорей! Быстрей!» И опять — «Скорей! Быстрей!» Через несколько дней у меня еще брали для тяжелораненых кровь».

«Мы же молоденькие совсем на фронт пошли. Девочки. Я за войну даже подросла. Мама дома померила... Я подросла на десять сантиметров...»

«Организовали курсы медсестер, и отец отвел нас с сестрой

туда. Мне — пятнадцать лет, а сестре — четырнадцать. Он говорил: «Это все, что я могу отдать для победы. Моих девочек...» Другой мысли тогда не было. Через год я попала на фронт...»

«У нашей матери не было сыновей... А когда Сталинград был осажден, добровольно пошли на фронт. Все вместе. Вся семья: мама и пять дочерей, а отец к этому времени уже воевал...»

«Меня мобилизовали, я была врач. Я уехала с чувством долга. А мой папа был счастлив, что дочь на фронте. Защищает Родину. Папа шел в военкомат рано утром. Он шел получать мой аттестат и шел рано утром специально, чтобы все в деревне видели, что дочь у него на фронте...»

«Помню, отпустили меня в увольнение. Прежде чем пойти к тете, я зашла в магазин. До войны страшно любила конфеты. Говорю:

— Дайте мне конфет. Продавщица смотрит на меня, как на сумасшедшую. Я не понимала: что такое — карточки, что такое — блокада? Все люди в очереди повернулись ко мне, а у меня винтовка больше, чем я. Когда нам их выдали, я посмотрела и думаю: «Когда я dorасту до этой винтовки?» И все вдруг стали просить, вся очередь:

— Дайте ей конфет. Вырежьте у нас талоны.

И мне дали».

«Уезжала я на фронт материалисткой. Атеисткой. Хорошей советской школьницей, которую хорошо учили. А там... Там я стала молиться... Я всегда молилась перед боем, читала свои молитвы. Слова простые... Мои слова... Смысл один, чтобы я вернулась к маме и папе. Настоящих молитв я не знала, и не читала Библию. Никто не видел, как я молилась. Я — тайно. Украдкой молилась. Осторожно. Потому что... Мы были тогда

другие, тогда жили другие люди. Вы — понимаете?»

«Формы на нас нельзя было напасть: всегда в крови. Мой первый раненый — старший лейтенант Белов, мой последний раненый — Сергей Петрович Трофимов, сержант минометного взвода. В семидесятом году он приезжал ко мне в гости, и дочерям я показала его раненую голову, на которой и сейчас большой шрам. Всего из-под огня я вынесла четыреста восемьдесят одного раненого. Кто-то из журналистов подсчитал: целый стрелковый батальон... Таскали на себе мужчин, в два-три раза тяжелее нас. А раненые они еще тяжелее. Его самого тащишь и его оружие, а на нем еще шинель, сапоги. Взвалишь на себя восемьдесят килограммов и тащишь. Сбросишь... Идешь за следующим, и опять семьдесят-восемьдесят килограммов... И так раз пять-шесть за одну атаку. А в тебе самой сорок восемь килограммов — балетный вес. Сейчас уже не верится...»

«Я потом стала командиром отделения. Все отделение из молодых мальчишек. Мы целый день на катере. Катер небольшой, там нет никаких гальюнов. Ребятам по необходимости можно через борт, и все. Ну, а как мне? Пару раз я до того дотерпелась, что прыгнула прямо за борт и плаваю. Они кричат: «Старшина за бортом!» Вытащили. Вот такая элементарная

мелочь... Но какая это мелочь? Я потом лечилась...»

«Вернулась своими седа. Двадцать один год, а я вся беленькая. У меня тяжелое ранение было, контузия, я плохо слышала на одно ухо. Мама меня встретила словами: «Я верила, что ты придешь. Я за тебя молилась день и ночь». Брат на фронте погиб. Она плакала: «Одинокое теперь — рожай девочек или мальчиков».

«В восемнадцать лет на Курской дуге меня наградили медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды, в девятнадцать лет — орденом Отечественной войны второй степени. Когда прибывало новое пополнение, ребята были все молодые, конечно, они удивлялись. Им тоже по восемнадцать-девятнадцать лет, и они с насмешкой спрашивали: «А за что ты

**У нашей матери не было сыновей...
А когда Сталинград был осажден, добровольно пошли на фронт. Все вместе. Вся семья: мама и пять дочерей, а отец к этому времени уже воевал...»**

получила свои медали?» или «А была ли ты в бою?» Пристают с шуточками: «А пули пробивают броню танка?» Одного такого я потом перевязывала на поле боя, под обстрелом, я и фамилию его запомнила — Щеголеватых. У него была перебита нога. Я ему шину накладываю, а он у меня прощения просит: «Сестричка, прости, что я тебя тогда обидел...» **НИИ**

Отклик на вступительное слово главного редактора к 97 номеру

Дорогой Петр!

К Вам обращается Боровиков Николай Иванович, 1931 г. рождения, в молодости летчик-истребитель. Хочу поделиться с Вами своими мыслями и воспоминаниями.

Вы очень правильно оцениваете морально-психологическую обстановку в начале войны. Население СССР и Красная Армия не были готовы психологически к схватке с жестоким врагом. К тем причинам того благодушного состояния, которые упомянули Вы, необходимо добавить существовавший лозунг классовой солидарности. История показала, что это был ошибочный лозунг. Он порождает иллюзии взаимопонимания.

Нельзя сказать, что повально все население не понимало, что предстоит жестокая война. Это было бы неправдой. Страна готовилась к отпору, и многое делалось и в воспитании людей в духе любви к Родине и самоотверженности в ее защите. Поэтому и проявился массовый героизм и стойкость русских

солдат с первых дней войны. Не забываем мужественный пример защиты Брестской крепости.

Необходимо также помнить и понимать, что пятую колонну внутри страны к началу войны ликвидировать до конца не удалось. Она продолжала пакостить, и многие наши неудачи в 1941 г. обеспечены предательством. Поделюсь с Вами своими воспоминаниями о том, что довелось мне увидеть и пережить в том грозном 41-м году.

Мне было десять лет, когда началась война. Она застала нас в поселке Оленино Калининской области. Оленино расположено в 50 км западнее древнего русского Города воинской славы — Ржева. В начале июля 1941 г. мой отец, Иван Иванович Боровиков, 1899 г. р., и старший брат Сергей, 1922 г. р., ушли в Красную Армию. Мать с троими детьми осталась одна.

Октябрь 1941 г. Фашисты рвались к Москве. Канонада гремела рядом. Мы решили уходить. В райкоме комсомола

нам дали лошадь с повозкой. Поезда на Москву уже не ходили. К нам присоединилась еще одна семья, соседка с двумя детьми. Быстро погрузили кое-какие домашние вещи и двинулись на Ржев. Через день мы подошли ко Ржеву. Кругом гремели бои. В городе были видны следы жестоких бомбежек, сгоревшие и разрушенные дома.

Мы узнали, что дорога на Москву перерезана вражескими частями, и повернули на Калинин. По проселочной дороге сплошным потоком шли беженцы. Внезапно из-за леса на бреющем полете появилась пара мессершмиттов с черными крестами на крыльях и фюзеляже. По дороге полоснули пулеметные очереди. Все бросились с дороги в канавы, в поле. Но не все успели убежать, некоторые больше не поднялись. Плач, крики, суета, окровавленные раненые...

Спустя некоторое время колонна беженцев двинулась дальше. Еще не раз налетали мессершмитты, расстреливая безоружных женщин и детей. Несколько

дней пути, и мы были уже недалеко от Калинина. Вдруг стало известно, что мы вместе с нашими войсками попали в окружение. Немцы впереди высадили десант и перерезали пути отступления. Две подводы, наша и еще одна, на которой были две семьи из наших мест, свернули с «большака» на узкую проселочную дорогу, чтобы на время спрятаться в какой-нибудь маленькой деревушке.

Вскоре мы пришли в такую деревню, называлась она Саполовский бережок. Деревенька стояла на высоком берегу речки Саполовка. В этой деревне мы неожиданно столкнулись, мягко выражаясь, с недоброжелательным отношением к нам. Нас никто не пустил на ночь. Выход предложила моя сестра, ей было 15 лет тогда: «Занимаем правление колхоза, это советская территория». Так и сделали.

Четыре семьи расположились в деревянном доме. Сосед-старик вдруг пригрозил нам: «А, большевики, от спасителей убегаете! Я подожду вас!»

Два дня стояла тишина, только вдалеке была слышна канонада. Наши войска отошли за реку. В один из дней тишины перед боем к нам зашел раненый красноармеец. Он был слабый, тихий, исхудавший. Но винтовку не бросал. Сказал, что он сибиряк, пытается выйти к нашим. Мама накормила его, сестра перевязала раненую руку, и он ушел. К деревне подошли немцы. Говорили, что на этом участке действуют финны, что они зверствуют больше, чем немцы.

Деревенька оцепенела от страха. Началась стрельба. Немцы били с одной стороны, наши отвечали огнем с другой. Деревня попала под перекрестный огонь. Три дня шел бой. К вечеру все стихло, и в деревню ворвались немцы.

Это было 24 октября 1941 г. Солдаты обыскивали каждый дом. Зашли к нам, растрепали наши узлы, забрали понравившиеся вещи. Очевидно, были голодные, только и слышалось: «Матка, млеко, яйка!» Лошадей наших сразу забрали. Навсегда осталась в памяти картина непонятной тупой жестокости: по деревне идет солдат с закатанными рукавами, в руках у него курица, которую он только что поймал, курица рвется, кричит от боли, а он идет и рвет из нее, живой, перья.

Когда стих бой мы увидели на улице тело того красноармейца, который заходил перед боем к нам. Он был весь истерзан, окровавлен. Видно, немцы его долго пытали, а затем убили. Три дня его не разрешали хоронить. Это была первая

встреча с безмянным героем, не предавшим Родину.

Немцы быстро «перевоспитали» соседа-старика. Автоматчик вломился к нему в дом, увидел во дворе двух коров и стадо овец и положил всех из автомата, да вдобавок, наделал в капусту. После боя старик ходил по деревне с солдатским котелком и ложкой собирал патроны,

когда уже выпал снег, мы вернулись в родное Оленино. Дом наш разграбили, даже некоторые оконные рамы унесли. Пол устлали разорванные книги (у отца была большая библиотека), портрет Сталина на стене был прошит автоматной очередью. В поселке пока не наблюдалось большого количества фашистских войск, но виселицы на площади перед

Когда стих бой мы увидели на улице тело того красноармейца, который заходил перед боем к нам. Он был весь истерзан, окровавлен. Это была первая встреча с безмянным героем, не предавшим Родину

рассыпанные по земле. Мы, мальчишки, бегали за ним и подсмеивались. А он отвечал: «Я им еще покажу!».

Через несколько дней нам приказали вернуться домой, в Оленино. Жители деревни так и не разрешили нам остаться. Враждебное отношение со стороны жителей деревни, которая была зажиточной, к беженцам, женщинам с маленькими детьми, говорит о том, что здесь поработал враг, пятая колонна. Они ждали немцев, как освободителей, которых быстро их перевоспитали.

По разбитым дорогам, по которым только что прошел фронт, мы пошли назад. Жуткое зрелище открывалось нам: сожженные дотла деревни, разбитая техника, завалы и воронки от взрывов. Вдоль дороги вместо домов — ряды обгорелых печек с обвалившимися трубами. Наступали холода. Одежды и обуви теплой не было, мы замерзали. В ноябре,

посоветом уже стояли. Зима с 1941 на 1942 год была очень суровой, не было продуктов, свирепствовал тяжелейший голод. Из поселка никого не выпускали.

В начале 1942 года мы узнали, что фашистский карательный отряд уничтожил деревню Гусево в Оленинском районе, где проживала семья моего дедушки Ивана Борисовича Боровикова. О гибели деревни Гусево мы впервые узнали от фашистского карателя. В поселке было много наших пленных. Некоторых пленных немцы отпускали побираться. К нам заходил один из них, который сказал, что он из Западной Украины. Был он в нашей форме. И вдруг в один из дней он пришел в немецкой форме, объяснил, что согласился пойти на службу к немцам, т.к. они победили. Две три недели его не было. Потом он вдруг пришел и рассказал про уничтожение партизанской базы в деревне Гусево. Он рассказал, что

в отряде были его земляки, попавшие в плен к немцам и перешедшие к ним на службу. Мама не подала виду, но когда он ушел, горько расплакалась и сказала, что, вероятно, бабушка и вся его семья погибли. Впоследствии мы узнали подробности той зверской операции карателей. Деревню Гусево, расположенную в лесном массиве по дороге на Смоленск, в один из морозных январских дней окружил карательный фашистский отряд. Все население деревни — женщин, стариков, детей — согнали в два дома. Стариков вывели во двор и тут же расстреляли, а женщин и детей заперли в этих домах и заживо сожгли. Так трагически погибли все жители русской деревни Гусево, в том числе и семья моего дедушки: он сам, бабушка и две их дочери — Аня и Лида, 14 и 16 лет, в том числе и мальчик из Ленинграда, школьник 11 лет, приехавший на каникулы в деревню к бабушке и бабушке. О подробностях этой огненной трагедии рассказала нам впоследствии моя тетя, сестра моего отца, Елизавета Ивановна Боровикова, которая совершенно случайно спаслась от гибели. Когда стариков повели во двор, она пошла следом. Во дворе был глубокий снег. Она увидела, что один из карателей ее заметил и поднял пистолет. Прозвучали очереди из автоматов по старикам. С первым выстрелом она потеряла сознание и упала в снег. Видно, выстрел карателя прозвучал на какую-то долю секунды позже выстрелов по старикам. Партизаны нашли ее и привели в сознание. Она осталась с ними, а в потом вступила в Красную Армию и воевала до конца войны.

Почти полтора года мы были в фашистской оккупации. Многого довелось увидеть: и подлое предательство противников советской власти, и героизм наших людей.

Оставленное в поселке партизанское подполье было предано одним из его руководителей — Нестеровым, который до войны заведовал аптекой. Немцы назначили его обербургомистром поселка и наградили за это предательство «Железным крестом с дубовыми листьями». Нестеров предал и своего друга Ивана Ивановича, ветеринарного врача (к сожалению, фамилию его не знаю), тоже оставленного руководить подпольем. Гестаповцы замучили Ивана Ивановича, он погиб, не выдав никого из товарищей. Я видел,

как немцы и полицаи вели на расстрел по нашей улице его восемнадцатилетнюю дочь и шестнадцатилетнего сына. Они шли вдвоем, окруженные целым взводом фашистов, истерзанные пытками, в изорванной одежде, окровавленные, с вывернутыми за спину и связанными проволокой руками.

Когда девушка, изнемогая, опустила голову на грудь, парнишка толкнул ее локтем и высоко поднял голову. Она собрала все свои силы и тоже подняла голову. Они прошли по нашей улице на казнь с высоко поднятыми головами и шагнули в бессмертие. Очень хотелось бы не вспоминать о гнусных предателях. Но наше время показывает, что забывать о них рано. Но все-таки, лучше говорить о героях.

Памятный случай. Фашисты заставили наших пленных разгружать эшелон с боеприпасами. Молодой пленный лейтенант приказал всем покинуть вагон, а сам привел в действие мину и бросил ее под ноги, она взорвалась, стали взрываться боеприпасы, вагон за вагоном. Долго, почти всю ночь гремел салют в память героически погибшего лейтенанта. Ценой своей жизни он спас сотни наших воинов, уничтожив целый эшелон боеприпасов врага.

Фашисты планомерно уничтожали население района. По нашей улице в 1942 г. почти каждый день вели наших людей на расстрел. Возле поселка был построен концлагерь, куда за колючую проволоку сгоняли жителей деревень. Молодежь эшелонами отправляли в Германию, остальные были обречены на голодную смерть в лагере. Выжили немногие. Когда наши войска в марте 1943 года освободили район, в нем не осталось почти ни одной деревни, все были уничтожены. Отступая, гитлеровцы взрывали железную дорогу через каждые 50 метров, взрывали и сжигали все более-менее крупные дома, оставляя за собой выжженную пустыню. Часть населения фашисты угнали с собой, в том числе вместе с другими мою сестру. Мы с матерью и младшим братом прятались в тот день в подполе. Тревога за ее жизнь (ей было тогда 17 лет) не оставляла нас. Она возвратилась только летом 1944 года после разгрома фашистов в Белоруссии. Ей удалось бежать от фашистов в Минске, спрятавшись в сарае с дровами.

Поселок Оленино был освобожден нашей Армией 4 марта 1943 года. Бой

за поселок был скоротечный, недолгий. После боя красноармейцы зашли в наш дом. Один из них посадил меня на колени, и я им рассказывал о немцах. О том, как они издавали газету «Колокол» на русском языке. Я прочитал им частушку из этой газеты

*Когда Ленин умирал,
Сталина наказывал,
Чтобы хлеба не давал,
Мясо не показывал.*

Все дружно смеялись над глупостью фашистов.

Вскоре после освобождения пришло известие, что 9 сентября 1941 года на фронте под Ленинградом погиб мой отец Иван Иванович Боровиков, красноармеец-пулеметчик. В тот день немцы штурмовали Ленинград, штурм был отбит, но не все вернулись с поля боя.

В конце апреля 1943 года с фронта на несколько дней приехал мой старший брат, Сергей. Ему было в то время 20 лет, он уже был капитаном, начальником артиллерии стрелковой дивизии. Его часть располагалась недалеко, и ему разрешили краткосрочный отпуск. Какая это была радость для всех! Но видели мы его в последний раз. В августе того же года в жестоком бою под Смоленском его батареи отбили несколько атак вражеских танков. В этом бою он погиб. Мы всегда будем помнить о подвиге наших отцов и братьев, отдавших жизнь за Родину. И пусть эта память связана с глубокой печалью, но эта печаль светла, а память зовет нас быть достойными наших героических предков.

В настоящее время Россия находится в более сложной обстановке, чем СССР перед войной в 1941 г. Запад уже развязал против нас войну, пока информационную и экономическую. «Пятая колонна» фактически во многом правит страной. Только в последние годы наметилась линия отстоять независимость России. Настоятельная задача встала перед каждым честным журналистом и писателем — раскрыть историческую правду о Великой Отечественной войне, о тех предателях, которые привели к крушению Советский Союз. В первую очередь, эта правда нужна молодежи.

От души желаем Вам, Петр, успехов в этой многотрудной работе. Да поможет Вам Бог! **НМ**

Николай Иванович

Виктор Николаевич Вышеславский: «В Германии каждое дерево «под номером»»

В апреле 1945 года в лесу, неподалеку от немецкого концлагеря Бухенвальд, американская разведка нашла двух прогуливающихся... заключенных. На этом удивительная встреча не закончилась. Американцам показали лагерь. На воротах, с винтовками, стояли бывшие узники в полосатой форме. Колючая проволока по забору давно была сорвана. А в одном из барakov находились 125 связанных эсесовцев! За пару дней до этого в Бухенвальде произошло восстание. Оказавшиеся рядом американские войска развернули полевую лазарет, благодаря которому Виктор Вышеславский остался жив.

«Путь» в Бухенвальд

— Виктор Николаевич, как вы попали в Бухенвальд?

— Город Николаев, на Украине, где мы с семьей жили, с самого начала войны был оккупирован немцами. После Сталинградской битвы, когда фашистские полчища покатались назад, они угоняли в Германию советскую молодежь. Дважды мне удалось вернуться, а третий раз и меня схватили. Погрузили в эшелон, и в Германию!

Привезли нас в Тюрингию, в г. Эрфурт. Построили и говорят: «Токаря есть?» Мы с приятелем решили отозваться: подумали, лучше в цех под крышу, чем в шахты под землю.

— А как объяснялись, порусски или по-немецки?

— Через переводчиков. Хотя в школе я немецкий учил (он у нас начинался с 5-го класса), и три года в оккупации ходил заниматься к знакомой учительнице в соседний дом. Она мне сразу сказала, что знать язык врага — это крайне важно.

Нас отвезли в г. Зуль, на маленькую частную фабричку. Там работало человек пятьдесят — чехи, французы, бельгийцы, русские. Выпускали детали, скорее всего, к моторам.

Однажды подошел ко мне мастер и приказал починить дверной замок в канцелярии. Ходить туда просто так мы не могли. Я явился с инструментами и принялся за работу. Там

сидели три немки и что-то печатали на машинке. Вещал приемник. В сводке новостей передавали, что немецкие войска оставили Николаев для выравнивания линии фронта. А это же моя родина! Когда я возвратился вечером в барак, не мог сдержать ликования: «Ребята, Николаев освободили! Отступают немцы — Красная Армия гонит их! Скоро и войне конец!» Через три дня меня забрали в гестапо.

Проект «Диалог поколений»

«Диалог поколений» — это искренний разговор молодежи с участниками и очевидцами Великой Отечественной войны. Рассказ о фронтовых судьбах наших бабушек и дедушек, родственников, знакомых — ветеранов. Школьники и студенты самых разных специальностей, начинающие и будущие журналисты из разных городов России берут интервью у обычных и в то же время уникальных людей. Это летчики, танкисты, артиллеристы, разведчики, пехотинцы, моряки, медсестры, партизаны, узники концлагерей, труженики тыла, дети войны... Они рассказывают невероятные истории из своей жизни: о самых трудных боях и рискованных заданиях, о том, как спасали товарищей, как бежали из плена, как любили, как выживали несмотря ни на что. Воспоминания ветеранов, дополненные фотографиями из семейных архивов и документами из музейных фондов, объединяются в сборники серии «Говорят герои великой Победы. Диалог поколений». Книги бесплатно поступают в библиотеки, музеи, учебные заведения страны.

Проект начал федеральной социально-аналитической газетой «Аргументы недели» в 2010 году и будет продолжаться до тех пор, пока диалог возможен. Мы приглашаем всех желающих принять участие в настоящем, «живом» разговоре, узнать о великих событиях из первых уст и поделиться этим с тысячами читателей.

Журналисты «Наша молодёжь» Лилия Варюхина, Иван Горбунов, Евгения Кинтушева принимали активное участие в проекте и брали интервью у ветеранов. Их истории можно найти на сайте проекта.

— Настучали?

— Сто процентов! Сдали «добрые» люди... Засадили меня в камеру и без конца таскали на допросы.

Когда в Германию угоняли, я захватил с собой учебник по радиотехнике и маленький немецкий словарь. При обыске в моем бараке их обнаружили и решили, что я нечист. Пытались выбить из меня ответ: «С кем вы связаны?! Где радиостанция?» А что я скажу? Ничего у меня нет! Били, конечно.

Потом перевезли меня в городскую тюрьму, старинную такую, из красного кирпича. Три месяца отсидел. И в одно утро раздался два звонка: мы уже знали, что один звонок — это криминальная полиция, а два — гестапо, своих заключенных забирает. Меня увезли на вокзал. В сопровождении немца я сел на обычный поезд, с гражданскими. Он дал мне в руки развернутую газету, чтобы не привлекать

внимания. Мы приехали в г. Ваймар. Для меня тогда это все равно что город на Луне — никаких названий я не знал. Не знал и что такое Бухенвальд. В Ваймаре погрузили в настоящий тюремный вагон, с решетками, там ехали стоя. И прибыли в Бухенвальд. На воротах была немецкая надпись, которая переводится на русский — «каждому свое».

«Каждому свое»

— Что это значит?

— Кому-то жить, кому-то умирать. И там умирали тысячами...

Нас, вновь прибывших, оставили у ворот лагеря. В это время туда как раз возвращались все рабочие команды. Строились в шеренги по десять человек и проходили внутрь. Эсэсовец с длинным бичом отсчитывал ровно десятерых и ударял об землю. Если построились неправильно, кому-то попадало кнутом по спине, по голове.

После регистрации нас отправили в парикмахерскую. Волосы выщипывали характерно — чтобы сделать нас заметными и исключить всякую возможность побега. Было, так сказать, два «фасона», на выбор: либо машинкой выщипывали дорожку посередине (заключенные называли это «автобан»), либо, наоборот, сбрасывали все, кроме этой самой дорожки.

Дальше была дезинфекция. С закрытыми глазами, заткнув уши и нос, мы с головой окунались в ванну с карболовой кислотой. Один пожилой осужденный немец никак не мог нырнуть, его ударили прикладом и так и утопили там...

В огромной бане нам на 15 минут пустили ледяную воду. Все прыгали, как зайцы, и не могли никуда спрятаться. Потом выгнали в коридор, швырнули каждому полосатые брюки с рубашкой, такие тоненькие: к свету поднесешь — как марля, просвечиваются! Надели деревянные колодки на ноги и в карантин. Немцы страшно боялись эпидемии, ведь это самый центр Германии! Поэтому всех новых заключенных запирали в специальном бараке на 19 дней.

После злополучного душа у меня началось воспаление легких. И выхаживал меня заключенный-немец, Герман Бриль. Социал-демократ, он сидел в Бухенвальде с 1937 года. А был уже 1944-й! Ему помогал врач-француз: вместе они мочили одеяла, выкручивали их и полностью заматывали меня. Никаких лекарств не было. К концу карантина я стал приходить в себя, потихоньку передвигался, на двух палках — от слабости. Но, конечно, на рабочую единицу еще не тянул — меня должны были убить. И, представляете, в это время один из заключенных заболевает сыпным тифом и карантин продлевают еще на 19 дней! Это меня спасло. Я попал в 25-й рабочий барак. Там были одни русские.

— Строго по национальностям расселяли?

— В основном, да. Союзные войска как раз в это время устроили воздушный налет — все небо было черно от самолетов. Лагерные заводы смели подчистую. Очень много людей погибло в каменоломне. Там была большая каменная дробилка, может, ее сочли за установку военную, и как бабахнули туда! Сгорело и единственное дерево в лагере — так называемый дуб Гёте (поэт когда-то жил в Веймаре). От него остался только пенек стабличкой. Было очень много умерших: крематории без перерыва

три дня работали, сжигали трупы. И по всему лагерю стоял страшный запах горелого — его невыносимо было ощущать!

Потом нас, заключенных, заставили разбирать разрушенные казармы буквально по кирпичику, чтобы потом использовать строительный материал еще раз.

В ноябре 44-го в г. Ордруф, в 60 км от Бухенвальда, стали строить подземный завод. Многих узников распределили туда, образовав в окрестностях два лагерных «филиала» — южный и северный. И вот, что я вам скажу, если в Бухенвальде был ад, то здесь был ад в квадрате. Нас в 4 часа утра будили и гнали на работу 8 км пешком. Целый день долбили горы — сооружали 25 штолен! Через некоторое время мы построили узкоколейную ж/д, и люди перемещались в вагонетках. По 24 человека в каждой! Буквально друг на друге сидели. Их таскал маленький паровозик, который работал на коксе. У него из трубы сыпался сноп искр — загоралась одежда, а спрятаться от этого огненного дождя было некуда. Но самое страшное, что вагонетки переворачивались. Не проходило и дня без покаленных ног, сломанных рук...

— А переломы, я так понимаю, были равносильны смерти?

— Работать-то с ними уже нельзя, — значит, убьют. — Людей

с травмами отвозили в лазарет. А вот там они лежали и умирали. На соломе, раздетые донага: одежды на всех не хватало, поэтому ее срывали с больных и отдавали новым заключенным.

До апреля 45-го я пробыл на этих работах. Полгода жили без бани! Народу было так много, что мы спали на полу и переворачивались по команде.

Ордрюф потом брали американцы. Они провели все население города через этот лагерь, через горы трупов. Провели и главу Ордрюфа с женой — потом их нашли повешенными у себя дома. А мы? А мы ведь не умерщвляли себя, мы пытались выжить...

Из этого ада периодически пробовали бежать, но все попытки были тщетны. В Германии каждое дерево «под номером»! Наказывали повешением. Однажды русскому парню накинули петлю на шею, а он крикнул: «Да здравствует наша Советская Родина!» — и плюнул в лицо коменданту на виду всего лагерного начальства. Тот разрядил в него всю обойму...

Перед тем как трупы убитых сбросить в огромную яму, их проверяли на наличие золотых зубов! Помню я такую картину. На столе стоят весы, портфель, банка большая, с азотной кислотой. Сидит немец с книгой. Зима уже, трупы замерзшие, рты сжаты. Их рубили топором — челюсть отпадала, клещами выламывали золотые зубы, бросали в банку с кислотой. Кость растворялась, а золотая коронка миг вылавливалась — на весы, потом в портфель. Все под запись. Вот как создавалось золото СС...

«Тодес-марш»

— Виктор Николаевич, что такое «марш смерти»?

— Так называют наше возвращение в Бухенвальд. Немцы проносили «тодес-марш». «Тодес» — смерть, значит. Пятитысячная колонна двигалась из Ордрюфа. Тех, кто не мог идти, стреляли на месте. Вся дорога и канавы вокруг были усыпаны телами.

Когда я шел, растер себе ногу колодкой так, что на ней образовался огромный нарыв. Не вру — величиной с кулак! Боль была дикая, температура тоже. Но я терпел. И мысль была одна: покосей бы за ворота с этой роковой надписью «Каждому свое».

Людей разместили не в бараках, а прямо на огромной площади. Так и ночевали на земле, вставать нельзя — убьют. Вокруг ходили часовые. А я пополз к баракам. И что вы думаете? Я увидел моего спасителя, Германа Бриля! Он меня узнал и только шепнул: «Ползи к бараку». И я потерял сознание...

Очнулся под брезентом... с трупами, с самого краю. Сознание то приходило, то уходило. Помню, что кто-то дважды еду давал в котелке. Потом я очутился в бараке.

— Это Бриль вас спас?

— Он уже пожилой был — один бы меня точно не дотащил. Видимо, попросил кого-то из своих ребят помочь.

Мне ведь там сделали операцию. Военнопланный русский хирург использовал в качестве наркоза эфир. На лицо клали маску и лили его на матерю. Вдыхаешь и начинаешь задыхаться! А он меня спрашивает: «Какой сейчас год?» Медленно соображаю: «45-й!» — «Крепкое сердце!» После этого я очнулся в бараке, весь перебинтованный. Туда ворвался Бриль, с криком: «Товарищи, мы свободны!» Как раз в эти дни произошло восстановление.

Что немцы успели сделать со всеми теми людьми на площади, не знаю. Скорее всего, уничтожили. А я приходил в себя в развернутом американцами лазарете.

— Какой была Германия после войны?

— Разбито все. Я после освобождения и советских проверок до 51-го года служил там. Наша часть обслуживала вывозку оборудования, которое шло в счет репараций в Союз. Прошли мы Силезию, Саксонию. Многие мирные жители тоже были несчастные

люди — они лишились всего. Я видел разбитый Дрезден, разбитый Хемниц, Кенигсберг, заваленный баррикадами из трамваев и автомобилей.

Как-то, во время работ в Ордрюфе, началась очередная

До апреля 45-го я пробыл на этих работах. Полгода жили без бани! Народу было так много, что мы спали на полу и переворачивались по команде

бомбежка, и нас под вой сирены загнали в подвал. Туда же запустили и обыкновенных горожан-немцев. Они такие аккуратные, в костюмчиках. И мы напротив них, в своих, пропитанных грязью и потом, полосатых робах. Смотрим друг на друга. А я сижу и думаю: «Вот сейчас жажнет сюда бомба и всех помирят». **НМ**

Олеся Арамелева
Ирек Сабитов

Тамара Матвеевна Коновалова: «У меня в сумке тряпки были, я их веревочкой свернула и руки фашистам связала»

Золушка, защитница Родины, мать-героиня — всё это один человек, уфимка Тамара Коновалова, в девичестве Смольянинова.

«Ночевала на маминной могиле»

— Расскажите о своей семье, Тамара Матвеевна.

— Я выросла в Уфе. Отец работал железнодорожником, мать — медсестрой. Были старший брат и две сестрёнки. В 1932-м мама умерла, а год спустя похоронили младшую сестру. Отец привел в дом женщину с дочерью. И жизнь с тех пор стала для меня мучением. В зал и в спальню заходить стало нельзя, ночевали на кухне. Уходя из дома, мачеха выгоняла нас на улицу. Соседи начали её стыдить. Тогда она продала всё, что можно было, и купила квартиру в частном доме. Жила я в сарае, в дом пускали только в морозы. Летом часто ходила ночевать на мамину могилку... Чтобы не пропасть от голода, пасла коз. Хозяйка расплачивалась едой, которую я делила с сестренкой и братом. Однажды (мне было 15) соседи дали одежду, из которой выросла их дочка — юбку, чулки, рубашку и туфли. Вечером смотрю, мачехина Шурка в моей обнове расхаживает. Я к ней: «Отдай!» А мачеха мне: «Ты же грязнуля, зачем тебе?» Я не унимаюсь. Тогда она говорит своей дочери: «Отдай, а я тебе денег дам, поедешь завтра с дядей Иваном в Булгаково, он тебе все новое купит». Шурка одежду в меня швырнула и на следующий день уехала с мачехиным братом.

А дальше случилось несчастье. Шура пропала. Через три дня её тело нашли в реке Уршак. Что там произошло, неизвестно, но на меня накинута вся родня мачехи — мол, наслала беду. Даже убийцей называли, не дали к телу подойти для прощания. Хоронили 21 июня 1941-го...

— Как вы попали на войну?

— Брата Диму сразу забрали на фронт. Мачеха, желая быстрее от меня избавиться, изменила в метрике год рождения с 1926-го на 1925-й и отправила меня в железнодорожное училище. В общежитие городских не пускали — я ночевала в классе. В 1942-м перевели на паровозоремонтный завод — стала работать сверловщицей. Делала головки к снарядам, спала в цеху. Однажды подошёл комсорг: «Призыв объявляют. В армии шофера нужны. Пойдешь?» Я сразу согласилась, лишь бы сбежать от голода и неприютности. Училась в автошколе в Уфе, потом в Подмоскowie. Летом 1944-го посадили нас в эшелон и отправили на 1-й Белорусский фронт.

Бомбы и шпионы

— Чем запомнился первый день на фронте?

— Шпионов послали ловить!

— Вы же водителем были...

— Попала я в 4-ю батарею 87-го полка 64-й отдельной зенитной дивизии. Эшелон пришёл в Ковель (это на Западной Украине) ночью. Командиры нервничали, торопили при разгрузке. Станцию часто бомбили — говорили, что по наводке немецкой агентуры. У меня был американский грузовичок «Додж», я на нём потом 37-миллиметровую зенитку возила. Выгрузились нормально, расположились неподалеку от станции. А утром — бомбёжка. Сарай загорелся, а рядом наши машины со снарядами. Я их скорей отогнала в безопасное место.

Потом троих раненых в госпиталь отвезла. Вернулась — вызывает командир батареи капитан Осадчий: «Вот тебе,

переодевайся». И выходит из блиндажа. Юбка какая-то длиннущая, босоножки... Ничего не понимаю. Снаружи высокий парень ждёт. «Вот тебе кавалер, пойдешь с ним гулять, — говорит капитан. — Как будто вы влюбленные. Вон, видите, железнодорожник в красной фуражке? Идите за ним, он поздоровается с одним штатским. Это вам знак: проследите за тем человеком». Точно, вскоре железнодорожник поздоровался с мужчиной лет 35-ти... Ну, мы за ним. Кавалер меня то обнимет, то даже на руки возьмёт! Первый раз в жизни парень меня обнимал... А «наш» дядька заходит в какой-то дом. Мы следом... Слышим, морзянка запищала! Дверь на чердак открыта. Потихоньку поднимаемся. Пусто! Ясно — он с рацией в трубе (в тех краях трубы толстые делают и печным дымом мясо коптят). Мы притаились. Вот рация замолчала. В трубе дверца открывается, и этот выскакивает. Мой парень — бац ему по шее! Руки спереди связал, да ещё пуговицы с ширинки скрутил. Тут не сбежишь — штаны надо держать...

Привели к начальству. Оказыва-ется, в тот день целую операцию в городе провели, человек десять выловили, работавших на немцев.

Долго их не допрашивали, свезли на станцию и выстроили на краю канавы. А напротив — нас, молодых солдат, которые их ловили. Подполковник Кузнецов, из штаба дивизии, говорит: «Объявляю благодарность! Эти агенты нам здорово вредили. Вы их поймали, вы с ними и разбирайтесь». У нас автоматы в руках. Только никто не выстрелил. Ну, вы сами подумайте, мне 17 лет — как я могу в человека стрелять? Один среди нас опытный оказался — после ранения прибыл, ему и в рукопашную ходить приходилось. Но и он безоружных не смог убивать! Подполковник вздохнул: «Дети вы, дети... Как победу добывать будем?» Загнали шпионов на грузовик и увезли.

А мне капитан Осадчий новое задание даёт: «Вот по этой улице поедешь, потом направо, до крайних домов, разворачивайся и назад. Автомат оставь, возьми пару гранат на крайний случай». Опять мне ничего не понятно! Доезжаю до места, разворачиваюсь. Выскакивают из ворот четверо солдат, закидывают три мешка с мясом в кузов, привязывают корову: «Давай, поехала!» Ну, еду. С коровой особо не разгонишься. Вдруг какие-то люди на дорогу выходят. В нашей форме, но явно не наши. Один ко мне в кабину: «Ого, тут девка!» Другие за мешки хватаются. Тут как из-под земли — солдаты с автоматами. Налетчиков повязали, а мне дальше велели ехать...

Позже я поняла: на окраине города наши заготовители работали. Перевозку продуктов «пасли» то ли бандиты, то ли дезертиры. А на бандитов устроили засаду наши ребята — может, из пехоты, может, из СМЕРШа...

Или герой, или враг

— Что для вас было страшнее всего?

— Что поломка случится, и я приказ не выполню. «Додж»

— машина отличная. Но я совсем неопытным шофером была, плохо ещё её знала. Однажды на марше заглох двигатель. Рядом со мной — комвзвода Юра Завьялов, уфимский парень, кстати. Разозлился он страшно. Достает пистолет и говорит: «У тебя, Смолянинова, три минуты на размышления!» Понятно, ему-то тоже несдобровать, если приказ не выполнит! Руки трясутся, открываю капот. Бензопровод цел, стеклянный отстойник в порядке... Смотрю — там ещё фильтр в железном цилиндре, нам про него и не говорили на учебе! Открутила — он весь песком забит! Прочистила, завела мотор, поехали. С тех пор ничего у моего «Доджа» не ломалось... Вскоре двинули нас на Польшу. Мой «Додж» — первый в полковой колонне. Сплошная темень, фары включать нельзя. Дорога всё хуже. Потом вообще в болото заехали. Юра выходит: «Я пешком, а ты давай за мной потихоньку». Оказывается, саперы гати сделали — настили из бревен. Чуть рулем вильнешь, и всё — застрянешь, дорогу всем переродишь. Расстреляют тут же, как врага народа! Сколько мы тащились, не помню. Никогда потом не было так страшно, как в ту ночь. Проехали благополучно. Заняли позиции. Утром артподготовка. Началось большое наступление. Для фашистов оно стало полной неожиданностью. Дошли мы до Вислы, пехота мост захватила, наш полк его прикрывал от авианалетов. Там мне медаль «За отвагу» вручили. «За что это?» — спрашиваю Завьялова. «А ты не догадываешься?» — «Нет, — говорю. — Я же просто приказы выполняю». «Ну, ты дурочка бестолковая...»

«Пани, хенде хох!»

— Мы знаем, что вы даже пленных брали. Расскажите об этом.

— В какой-то польской деревне я поехала к местному кузнецу, чтобы выправить погнутый бампер. Он с готовностью взялся помочь. Он работает, а тут вдруг прибегает какой-то хлопчик:

«Пани, хенде хох! Хенде хох!» И на край села показывает. Смотрю — два немецких солдата идут. Ну, я автомат беру — и к ним. Они безоружные, сразу руки вверх. У меня в сумке тряпки были, я их веревочкой свернула и руки фашистам связала. И ещё пуговицы со штанов скрутила (как мой ковельский «кавалер» при задержании шпиона). Одного в кабину посадила, другого на крыло — и на батарею, к капитану Осадчему. Фрицев допросили. Оказалось, неподалеку лагерь русских военнопленных. Эти двое были из охраны, то ли сдаваться, то ли прятаться шли... Они сообщили, что всех узников собираются убить. Капитан скорей к радиции, связался с начальством, пехоту подняли, и по машинам.

Сколько раз покрышки простреливали, на дисках на батарею приезжала. Но страха не было. Я в кабину матрац да подушки приспособила: говорят, пух пули не пропускает...

Немцев ко мне в кузов: дорогу показывать. Ворвались наши в лагерь, спасли тех, кто там ещё оставался...

Дошли до Одера, там меня орденом Славы III степени наградили. А за что? Я делала то же, что и другие. Правда, я почему-то смерти не боялась. Бывало, едешь со снарядами или с ранеными по понтонному мосту, а его за тобой в щепки разносит... Самолёты за нами гоняться любили. Давишь на газ, он вот уже близко — тут по тормозам! Он проскакивает... Сколько раз покрышки простреливали, на дисках на батарею приезжала. Но страха не было. Я в кабину матрац да подушки приспособила: говорят, пух пули не пропускает...

Победу я встретила на Эльбе. После войны вышла замуж и вырастила семерых дочек и троих сыновей. В 1966-м году мне вручили орден «Мать-героиня»... **НМ**

Муза на фронте

Михаил Исаковский

В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

С берез — не слышен, невесом слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон» играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы, и, словно в забытыи,
Сидят и слушают бойцы, товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном любили мы подруг.
Под этот вальс ловили мы очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы, когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал в лесу прифронтовом,
И каждый думал и молчал о чем-то дорогом.
И каждый думал о своей, припомнив ту весну,
И каждый знал: дорога к ней ведет через войну.

Пусть свет и радость прежних встреч нам светит
в трудный час.

А коль придется в землю лечь, — так это только раз.
Но пусть и смерть в огне, в дыму бойца не утрашит,
И что положено кому, пусть каждый совершит.

Так что ж, друзья, коль наш черед, да будет сталь
крепка.

Пусть наше сердце не замрет, не задрожит рука.
Настал черед, пришла пора, идем, друзья, вперед,
За все, чем жили мы вчера, за все, что завтра ждет!

С берез — не слышен, невесом слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон» играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы, и, словно в забытыи,
Сидят и слушают бойцы, товарищи мои. ■

Владимир Высоцкий

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Почему все не так, вроде все, как всегда,
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять — кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, — не про то разговор,
Вдруг заметил я — нас было двое.
Для меня будто ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, будто из плена, весна,
По ошибке окликнул его я:
— Друг, оставь покурить! — А в ответ — тишина:
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло для обоих.
Все теперь одному. Только кажется мне,
Это я не вернулся из боя. ■

Автор неизвестен

Их расстреляли на рассвете,
когда еще белела мгла...
Там были женщины и дети,
и эта девочка была.

Сперва велели всем раздеться,
а после встать ко рву спиной,
Но прозвучал вдруг голос детский -
наивный, чистый и живой...

«Чулочки тоже снять мне, дядя?»
Не упрекая, не грозя,
Смотрели, будто в душу глядя,
трехлетней девочки глаза.

«Чулочки тоже»... и смятеньем
на миг эсэсовец объят...
Рука сама собой в смятенье,
вдруг опустила автомат.

Овеян он невольной дрожью,
проснувшись в ужасе душа...
Нет, он ее убить не сможет...
но дал он очередь спеша...

Упала девочка в чулочках,
снять не успела, не смогла.
Солдат, солдат, что если б дочка
твоя вот так же здесь легла?

И это маленькое сердце
пробито пулею твоей.
Ты — человек, не просто немец
или ты зверь среди людей?

Шагал эсэсовец угрюмо,
заре не поднимая глаз.
Впервые сможет эта дума
в мозгу затравленном упасть.

И всюду взгляд светился синий,
и всюду слышится опять,
И не забудется отныне:
«Чулочки, дядя, тоже снять?» ■

Константин Симонов

УБЕЙ ЕГО!

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжаньем пчел
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме немец топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...

Если мать тебе дорога —
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтоб немец, к ней постоем став,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку намотав;
Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,
Мыли гаду его белье
И стелили ему постель...

Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был
И пропал в карпатских снегах,
Что погиб за Волгу, за Дон,
За отчизны твоей судьбу;
Если ты не хочешь, чтоб он
Перевертывался в гробу,
Чтоб солдатский портрет в крестах
Снял фашист и на пол сорвал
И у матери на глазах
На лицо ему наступал...

Если жаль тебе, чтоб старик,
Старый школьный учитель твой,
Перед школой в петле поник
Гордой старческой головой,
Чтоб за все, что он воспитал
И в друзьях твоих, и в тебе,
Немец руки ему сломал
И повесил бы на столбе.

Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел,— так ее любил,—
Чтоб фашисты ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,

И распяли ее втроем,
Обнаженную, на полу;
Чтоб досталось трем этим псам
В стонах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...

Если ты не хочешь отдать
Немцу с черным его ружьем
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем,—
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.

И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.

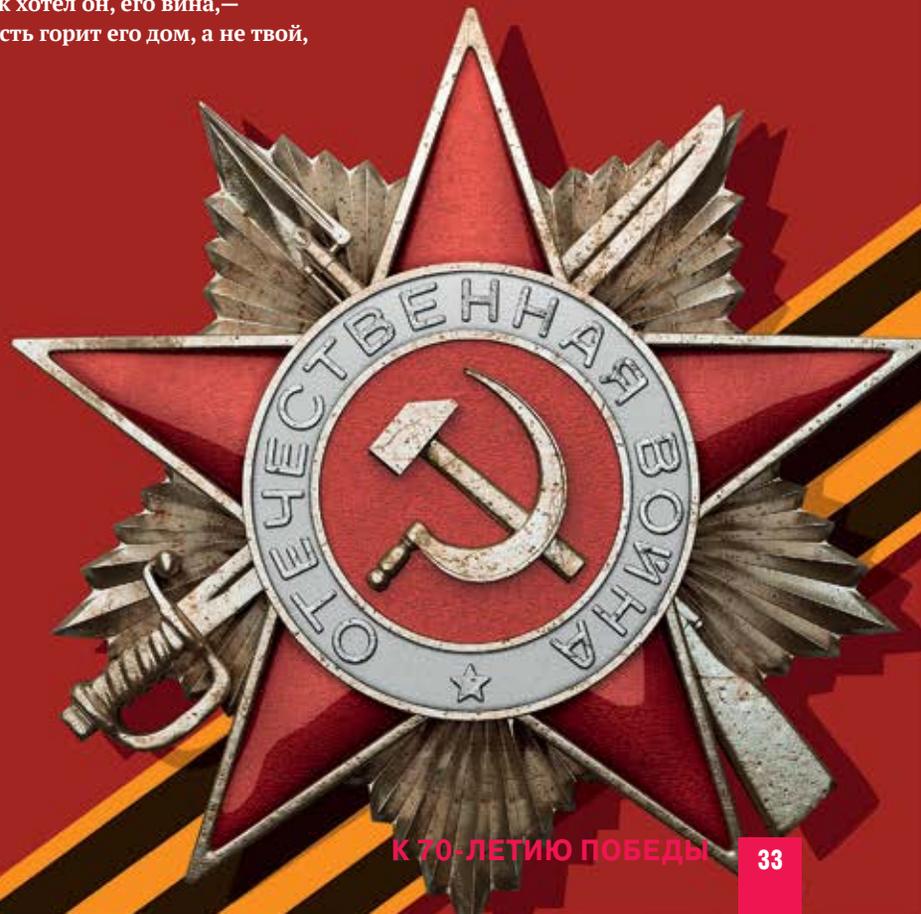
Если немца убил твой брат,
Пусть немца убил сосед,—
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят. Если
немца убил твой брат,—
Это он, а не ты солдат.

Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина,—
Пусть горит его дом, а не твой,

И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть исплachtetся не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей! ■

Павел Шубин

ВОЛХОВСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Редко друзья нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось!

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мёрзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладого, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг.

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу.

Будут навеки в преданьях прославлены
Под пулемётной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.

Пусть вместе с нами семья ленинградская
Рядом сидит у стола.
Вспомним, как русская сила солдатская
Немцев за Тихвин гнала!

Встанем и чокнемся кружками, стоя, мы —
Братство друзей боевых,
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых.

Выпьем за то, что ещё крепче стали мы,
Выпьем за всё, чем живём,
Выпьем за Родину, выпьем за Сталина,
Выпьем и снова нальём! ■
1942

Эдуард Асадов

ПИСЬМО С ФРОНТА

Мама! Тебе эти строки пишу я,
Тебе посылаю сыновний привет,
Тебя вспоминаю, такую родную,
Такую хорошую — слов даже нет!

Читаешь письмо ты, а видишь мальчишку,
Немного лентя и вечно не в срок
Бегущего утром с портфелем под мышкой,
Свистя беззаботно, на первый урок.

Грустила ты, если мне физик, бывало,
Суровою двойкой дневник «украшал»,
Гордилась, когда я под сводами зала
Стихи свои с жаром ребятам читал.

Мы были беспечными, глупыми были,
Мы все, что имели, не очень ценили,
А поняли, может, лишь тут, на войне:
Приятели, книжки, московские споры —
Все сказка, все в дымке, как снежные горы...
Пусть так, возвратимся — оценим вдвойне!

Сейчас передышка. Сойдясь у опушки,
Застыли орудья, как стадо слонов,
И где-то по-мирному в гуще лесов,
Как в детстве, мне слышится голос кукушки...

За жизнь, за тебя, за родные края
Иду я навстречу свинцовому ветру.
И пусть между нами сейчас километры —
Ты здесь, ты со мною, родная моя!

В холодной ночи, под неласковым небом,
Склонившись, мне тихую песню поешь
И вместе со мною к далеким победам
Солдатской дорогой незримо идешь.

И чем бы в пути мне война ни грозила,
Ты знай, я не сдамся, покуда дышу!
Я знаю, что ты меня благословила,
И утром, не дрогнув, я в бой ухожу! ■

Юлия Друнина

Машенька, связистка, умирала
На руках беспомощных моих.
А в окопе пахло снегом талым,
И налет артиллерийский стих.
Из санроты не было повозки,
Чью-то мать наш фельдшер величал.

...О, погон измятые полоски
На худых девчоночьих плечах!
И лицо — родное, восковое,
Под чалмой намокшего бинта!..

Прошипел снаряд над головою,
Черный столб взметнулся у куста...

Девочка в шинели уходила
От войны, от жизни, от меня.
Снова рыть в безмолвии могилу,
Комьями замерзшими звеня...

Подожди меня немного, Маша!
Мне ведь тоже уцелеть навряд...

Поклялась тогда я дружбой нашей:
Если только возвращусь назад,
Если это совершится чудо,

То до смерти, до последних дней,
Стану я всегда, везде и всюду
Болью строк напоминать о ней —
Девочке, что тихо умирала
На руках беспомощных моих.

И запахнет фронтом — снегом талым,
Кровью и пожарами мой стих.

Только мы — однополчане павших,
Их, безмолвных, воскресить вольны.
Я не дам тебе исчезнуть, Маша, —
Песней
возвратишься ты с войны! ■

Война!

6 июня 1941 года мне исполнилось 16 лет, а 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Я ученик ремесленного училища №61 проходил в это время производственную практику на 24 авиационном заводе. Мирная жизнь кончилась. Начались воздушные налеты на Москву. Особенно запомнилась первая в ночь на 22 июня 1941. Мы с электромотофом И.В. Сеговым дежурили на крыше пятиэтажного дома на Б.Артировке №7/5 как раз над магазином „Педагогическая книга“ и нам очень хорошо было видно, как по тревоге народ спешил к станции метро „Охотный ряд“.

Чувствовался звук самолетов, в небо устремились стволы прожекторов и стали шарить по небу, затем ударили зенитные пушки, по моему а крыше гостиницы „Москва“ и дома правительства на Тургеневской набережной и других мест. Застопорили пулеметы транслирующими муляжи. Чувствовался токкой фейерверк, взрывное не увидишь в большой праздник. Пролетели осколки от зенитных разорвавшихся снарядов, пробивая железную крышу, мы прижались к каменной стене, ожидал, что могут и фашистские зажигательные бомбы падать. Но зажигалок в эту ночь не было. Ходил слух, что где-то били фашистский бомбардировщик. Это было мое первое дежурство.

В сентябре 1941 года завод №24 эвакуировался из Москвы. Я остался в Москве и поступил работать слесарем на Велозавод. Собирали военные мотоциклы М-72 с карданной передачей.

Но поработал немного, 16 октября завод работу прекратил, а 17 октября я по призыву Свердловского районного комитета ВЛКСМ отправился на Трудовой фронт. В течение месяца на берегу Царицынских прудов в холод и дождь мы возводили земляно-земляное противотанковое препятствие, а затем противолетные проволочные заграждения. Спасали нас галоши, которые привезли к батинкам проволочкой, это бы не пофрты, ни знобить в галине.

По возвращении домой я поступил волонтером в лагерь при Коллеум эвакопункте №12 /121-12/ на Западной фронте.

Истра была первым городом освобожденным от фашистов в который мы вошли. Но города не было, были тяжелые труды от 1700 домов, сожженных фашистами, разрушен дом-музей Я.П. Сехова, разрушен Ново-Иерусалимский монастырь, и вогнаны Волоколамского шоссе забитые разбитой фашистской техникой.

В конце декабря 1941 перебазировались в Волоколамск и первое, что поразило, это виселица на которой фашисты повесили восемь советских молодых ребят. Черный закопченный дом в котором фашисты заживо сожгли 126 советских красноармейцев. Они загнали их в дом и сказали набирайте небольшие соломы теплее jackets будит. После этого фашисты здание зажгли, а кто пытался выскопить расстреливали. Кроме этого фашисты расстреляли 86 мирных жителей.

Работали мы тогда без отдыха, поступало очень много раненых, особенно из под Ржева и Тейтшиков /Златский район/, где шли тяжелые бои.

Осенью 1942 года командование гаси призвало мне закончить службу и вернуться в Москву, ведь меня могли призвать в армию, так как мне исполнилось 17 лет.

Материал подготовлен **Татьяной Жариковой**, Заслуженным работником культуры РФ

КАК БЫЛА УНИЧТОЖЕНА ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА

Тридцать лет назад, 23 апреля 1985 г. Михаил Горбачев объявил перестройку, которая закончилась в 1991 году величайшей трагедией для всего постсоветского пространства — распадом великого государства Союза Советских Социалистических Республик, крушением огромного русского мира.

Перестройка — общее название реформ и новой идеологии советского руководства, используемое для обозначения больших перемен в экономической и политической структуре СССР. В международной политике основной доктриной становится «Новое мышление» — курс на отказ от классового подхода в дипломатии и улучшение отношений с Западом. Такая политика в международных делах обернулась смутой и гибелью суперимперии.

Перестройка в СССР длилась с 1985 по 1991 год. За короткий промежуток времени грандиозные идеологические, политические,

экономические и социальные перемены потрясли всю страну, изменив всю совокупность утвердившихся после Октября 1917 года государственных и экономических структур. После Великой Октябрьской Социалистической революции, повлиявшей на весь ход мировой истории, впервые возникло государство нового типа, уникальное государство трудящихся — Советский Союз с мощными вооружёнными силами, который просуществовал 74 года.

Реформы перестройки были инициированы М.С. Горбачёвым. 15–17 мая 1985 года состоялся визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва в Ленинград, где он впервые употребил слово

*Прощай, великая держава,
Одна шестая часть земли,
Которую на переправах
Мы сообще не сберегли*

Борис Примеров

«перестройка» для обозначения нового политического процесса. Главный прораб перестройки тогда сказал: «Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться. Всем». Термин «перестройка» был подхвачен СМИ и стал лозунгом начавшейся в СССР новой эпохи.

Серия реформ в стране была разработана группой экономистов, социологов, политологов: Л. Абалкиным, Т. Заславской, А. Аганбегяном, Ф. Бурлацким и др. Ещё в 1960-е годы в Новосибирском Академгородке в рамках Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР под руководством академика Аганбегяна была создана

команда из молодых экономистов для разработки концепции ликвидации «неперспективных деревень».

Суть концепции заключалась в том, что если та или иная деревня объявлялась неперспективной, то в ней не рекомендовалось строить ничего, что нужно для нормальной жизни: ни школ, ни магазинов, ни медпунктов; не проводить дороги, электричество и телефонную связь. По сути это был второй смертельный удар по русской деревне, первый удар по русской жизнедеятельности был нанесён ещё в 1930-х годах, раскулачиванием и расказачиванием. В перестройку в период разграбления и уничтожения колхозов, те селяне, кто ещё помнил весну 1929 года, когда на селе проводились мероприятия, направленные на принудительное вступление в колхоз, увеличение числа коллективных хозяйств за счёт обобществления их собственного имущества с применением жестких административных мер, чувствовали себя в который раз обманутыми и обделёнными. Потому что коллективное хозяйство для большинства из них было не просто работой, а способом и смыслом жизни. А когда их начали разрушать, то сёла и деревни стали вымирать, поскольку все держалось на колхозах. Уничтожение лица земли нескольких тысяч «неперспективных» деревень практически стало смертельным ударом по русской деревне. Раны от таких ударов по деревенской жизни крестьян не зажили и кроветочат до сих пор.

Одним из ведущих ликвидаторов русской деревни была Татьяна Заславская, её наработки по осуществлению «неперспективности» широко освещались в СМИ, она представлялась на телевидении как специалист, решающий государственную задачу. За операцию по ликвидации «неперспективных деревень» Т. Заславская получила докторскую степень, затем звание «академик».

Историки и философы постоянно пишут о неожиданных катастрофах как особенности русского развития. Историк, философ

начала XX в. Василий Осипович Ключевский в своём наблюдении по этому поводу отметил: «Чтобы согреть Россию, некоторые готовы её сжечь». Политика «неперспективных» деревень в СССР позже была признана ошибочной, но тенденцию сокращения численности малых сёл и деревень остановить было уже невозможно.

Как говорится, процесс пошёл. Эта политика негативно отражается на социально-экономическом развитии российской деревни. Уровень заселённости территорий во всех регионах России резко снизился. Как только деревня теряла людей, она гибла. Большинство её жителей покинули свою малую родину навсегда.

«Сергей Кара-Мурза пишет, что советский строй «вырос, прежде всего, из крестьянского миропонимания. Отсюда исходило представление о том, что человеку необходимо, что желательно, а что — лишнее... Потребности человека велики, но на селе они удовлетворялись малыми средствами. Туман над рекой, роса на траве, пение жаворонка — всё это наполняет человека ощущением бытия, неосознанным счастьем. Думаю, стратегической ошибкой было принятие в период индустриализации ориентации на промышленное развитие в крупных городах (мегаполисах). Опора советского строя — село и маленькие города, их надо было укреплять и развивать. Видимо, на это не хватало средств... Этим советский строй создал своего могильщика».

Сергей Станкевич, демократ, бывший первый заместитель московского градоначальника Гавриила Попова, признался позже: «До выборов я часто думал, глядя на нашу бюрократическую структуру: «Что может быть хуже? Что может быть отвратительнее этого? Теперь я знаю, что может быть отвратительней. Наш приход к власти» («... Наш приход к власти» — журнал «Тюмень литературная». № 4(120) 2014 г.).

С приходом к власти Горбачева и демократов в стране сразу же возникли межнациональные конфликты, которых

не было в СССР почти 70 лет. Первый конфликт на межнациональной почве возник в Алма-Ате и Караганде 16—20 декабря 1986 г. В августе 1987 г. начался спор между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, который перерос в полномасштабную войну в пределах СССР. В 1989 г. из-за действий Михаила Горбачева полилась кровь разных наций в межэтнических конфликтах по всему Советскому Союзу: в Грузии (Тбилисские события), в Молдавии (Приднестровский конфликт), в Казахстане (Новоузская резня), в Узбекистане (Ошская резня), конфликт между Грузией и Абхазией; 1990 год: массовые беспорядки в Душанбе, погром армян и евреев в Андижане, резня армян в Баку, бои в Ереване. Всё это происходило в совершенно спокойной до Горбачева стране. За эту пролитую кровь народов СССР Михаил Горбачев получил в конце 1990 года Нобелевскую премию мира.

За шесть лет правления страной Михаилом Горбачевым золотой запас сократился более чем в десять раз: 2500 тонн в 1985 г.,

В результате развала СССР Россия отброшена на десятки лет назад

а в 1991 г. осталось только 240 тонн. Внешний долг вырос с 31,3 млрд долларов до 70,3 млрд. Официальный курс рубля к доллару вырос с 64 копеек до 90 рублей, а официальные темпы роста экономики снизились с +2,3% до -11%. Но самый главный результат перестройки и руководства страной Горбачевым, что с карты мира исчезла великая держава СССР. Страну раскололи на 15 частей.

Русские, проживавшие на территории бывших советских республик, в результате распада некогда огромной страны в одночасье стали самой разделённой нацией в мире, в большинстве случаев оказались притесняемым

национальным меньшинством и постепенно вытесняемым.

Под лозунгом «насиленной русификации» закрываются русскоязычные школы на Украине, в Прибалтике, Закавказье, Средней Азии. Более того сегодня уже можно с определённой уверенностью сказать, что причиной вооружённых конфликтов и началом гражданских войн во многих бывших советских республиках явился русский язык. Носители русского языка, когда стали запрещать его в некоторых республиках, стали защищать его, с целью самосохранения самих себя. Глобальные изменения политического, экономического и идеологического характера коренным образом изменили не только жизнь людей, но и самого человека, произошёл слом менталитета как в нашей стране, так и в бывших республиках.

Известный писатель Валентин Распутин утверждал после распада СССР: «Сегодня мы живём в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения... Что такое оккупация? Это устройство чужого порядка на занятой противником территории. Отвечает ли нынешнее положение России этому условию? Ещё как!».

Разрушительные последствия этого масштабного события изменили геополитическую ситуацию не только внутри нашей страны, в Европе, но и во всём мире. СССР оказался осью, сдерживающей силой и гарантом мира на Земле, балансом стратегических сил на планете. С его распадом была утрачена координирующая роль в существовании, развитии и процветании многочисленных народов на обширной территории мирового пространства. Как только исчез с карты мира СССР, мировой прогресс как результат общечеловеческих усилий посыпался, и чем больше говорили о демократии в США, тем больше возникало военных конфликтов в мире. Всё больше государств уничтожалось или попадало в экономическую кабалу и теряло свою независимость. А что может быть

трагичнее и унижительнее для любой нации, любого народа, чем потеря своей государственности.

Горбачёв Михаил Сергеевич — сегодня пенсионер. Восприимчивости М. Горбачёва как политического деятеля в России и на Западе существенно разнятся. Если на Западе его рассматривают как национального героя и освободителя (Германия), то в глазах бывших советских людей Горбачёв — это человек-катастрофа, не обладавший ни умом, ни талантом государственного масштаба. Принёсший своему народу рабство, он посеял в стране хаос, вверг её в национальные военные конфликты, в круговорот бед и несчастий. В России его действия на высоком государственном посту квалифицируются, как национальное предательство, которое привело не только к разрушению нашего Отечества, великой сверхдержавы, но и к разрыву когда-то дружественных и родственных связей среди многих народов нашей страны.

«Горбачёв оказался хамелеоном и иудой, предавшим свою страну, партию и народ «цивилизованному» Западу. Такова предательства не знала история. Ему помог окончательно разрушить страну Б.Н. Ельцин, по указке Запада совершивший в 1991 г. государственный контрреволюционный переворот, 4 октября 1993 г. расстрелявший Советскую власть и расптавший Конституцию РСФСР, которую клялся защищать» (Богданов В.А. Книга «Правду о самом главном — помните!» С. 184).

В журнале «Наш современник» (№ 10 за 2005 г.) в статье «Как иголкой убить слона» Александр Зиновьев — бывший диссидент, учёный и политолог, многие годы проживавший на Западе, изучивший его «изнутри», писал: «Деятели «холодной войны» с самого её начала изучали советское общество. В составе советологии возникла особая её отрасль — «кремленология». Она изучала структуру советской государственности, партийный аппарат, ЦК КПСС, Политбюро и лично работников аппарата власти.

Основное внимание — идеологическая и психологическая обработка широких слоёв граждан, фактически игравших роль «пятой колонны» Запада, занимавшихся идейно-моральным разложением советского населения. Так было создано диссидентское (инакомыслящее, агенты влияния, пятая колонна) движение «снизу». Но досконально изучив советское общество, они пришли к выводу — разрушить советское общество можно сверху, разрушив его систему власти. Основные усилия — на это направление. Они нащупали самое уязвимое место в советской социалистической организации — аппарат КПСС, в нём — Политбюро, в последнем — Генеральный секретарь... Они выбрали план завершения «холодной войны» — взять под свой контроль высшую власть в Советском Союзе. Такой план стал реальным — «Генсек — агент» стал той «иголкой, которой был убит социалистический «слон»... Этот метод, избранный слабым в борьбе с более сильным противником, ныне взят на вооружение самыми могущественными силами на планете в их борьбе за власть над всем человечеством. В Советском Союзе создание науки о современном Западе было исключено господствующей марксистской идеологией. «Наука для охотников на западного зверя» была в зачаточном состоянии. Это — один из факторов поражения Советского Союза».

В результате развала СССР Россия отброшена на десятки лет назад. Теперь уже многим понятно, что снова надо собирать российские земли в единое, могучее Союзное государство, ибо по одиночке в современном мире никому не выжить. Главными действующими объектами на мировой арене в XXI в. будут: США, Объединённая Европа (Евросоюз), Исламский мир, который всё серьёзнее приковывает к себе внимание, Китай, Индия. Со всеми надо будет жить, взаимодействовать, не ущемляя своих национальных интересов. **ИМ**

Геннадий Белов

За кулисами флота

(Главы из книги) Продолжение. Начало в №№ 7–8 за 2015 г.

Геннадий Белов — капитан первого ранга в отставке, член СП России, более тридцати лет прослужил на флоте, восемнадцать из которых безраздельно отданы Северному флоту. Человек, исполненный любви к России, он и «штатскую» свою жизнь посвящает делу всей жизни — служению Отечеству.

БОЦМАН

Главным боцманом на корабле был замечательный человек — мичман Павел Николаевич Залогин. Образ корабельного боцмана наверняка сложился у любого читателя, кто интересовался морской тематикой и читал рассказы о моряках и флоте. Я не был исключением. Впервые встретив Залогина еще курсантом-стажером, а затем близко познакомившись с ним во время службы на корабле, я был покорен этим человеком. Для меня Павел Николаевич навсегда остался эталоном корабельного боцмана. Чуть выше среднего роста, плотного сложения, с короткой щеточкой усов, придававших ему пижонский вид, и слегка раскосыми глазами, внешне он был похож на кавказца. Несмотря на то, что работа его выполнялась не в белых перчатках (корабельные и покрасочные работы, уход за корабельным такелажем и швартовка корабля), он был всегда чрезвычайно подтянут и опрятен, как будто любая грязь бежала от него. Павел Николаевич носил брюки, китель и тужурку, пошитые из материала «бостон».

Несмотря на то, что по корабельным традициям боцман был всегда «ГРОЗОЙ» команды, матросы и старшины побаивались и одновременно любили его за честность и поразительную справедливость. Со своей боцманской командой Залогин жил одной жизнью, относился к матросам по-отечески, но был к ним требователен. Команда платила ему тем же и почти боготворила. Его слово было законом не потому, что это было слово главного боцмана, а потому, что это было слово Залогина. Доброжелательность и готовность всегда прийти на помощь как магнитом притягивали к нему

окружающих. Он был на корабле вторым, после командования, эпицентром, возле которого группировались люди и крутились корабельные события. В его каюту постоянно заходили офицеры — просто пообщаться. Они никогда не обращались к нему официально «товарищ мичман», а только по имени и отчеству.

Залогин отбирал к себе в команду матросов по своим критериям, среди которых были и хорошие физические данные. Сам Залогин от природы был физически крепким, сильным и выносливым. Когда он пожимал руку, возникало ощущение, что она попала в тиски.

У Залогина был яркий талант организатора, который особенно проявлялся в напряженных служебных ситуациях — при проведении корабельных авральных работ, при швартовке корабля. Он всегда все заранее продумывал и подготавливал. Когда корабли бригады традиционно красились перед днем Военно-Морского Флота, наш эсминец «Настойчивый» первым сиял голубизной своих бортов и надстроек. Швартовкой корабля Залогин руководил виртуозно, офицеры часто приходили посмотреть и полюбоваться работой баковой команды. Всякий раз перед началом швартовки он давал короткий инструктаж команде по мерам безопасности и особенностям работы в условиях сильного ветра, снегопада и дождя, и от его внимания не ускользало ни одно действие матросов. Он всегда берег и жалел матросов и никогда не жалел себя.

Однажды, во время швартовки, матрос, расписанный на носовом шпиле, зазевался, не поставив носовой шпиль на тормоз, и тот начал самопроизвольное

вращение. Залогин бросился к шпиле и буквально выдержал матроса из-под толстой деревянной вымбовки, вставленной в головку шпиля, которая могла бы не просто ударить, а перебить позвоночник зазевавшемуся. Иногда, особенно в ненастную погоду и пронизывающий северный ветер, швартовка затягивалась, и боцман проводил под снегом, ветром и дождем по несколько часов.

В один из штормовых февральских дней корабль, возвращаясь с моря, едва успел зайти в базу до объявления по Флоту штормового предупреждения, при котором движение всех судов по Кольскому заливу запрещалось и корабли отставались на якорях перед входом в залив, ожидая улучшения погоды. Командир корабля капитан третьего ранга Юрий Крылов пришвартовал

корабль, когда погода уже расхождалась и дул сильный прижимной ветер. Затихли машины, сыграли отбой «аврала», а швартовые команды продолжали заводить концы на причал и крепить корабль по штормовому.

Командир БЧ-5 капитан-лейтенант Глеб Шуваев оставил пост энергетики и живучести на командира группы для вывода из действия паросиловой установки и поднялся к себе в каюту, чтобы оформить заявку на топливо и расходные материалы. Через 20 минут в дверь каюты постучали, и Шуваев увидел на пороге чью-то фигуру. Шапка, штормовка и сапоги стоявшего у входа были залеплены снегом, и только живые, хитрые карие глаза вошедшего напоминали Залогина.

— Что случилось, Павел Николаевич?

— Все нормально. Забежал на несколько минут погреться.

Залогин отряхнул с себя снег перед дверью каюты, снял шапку и, войдя, присел на диван.

Несколько минут они поговорили о корабельных делах, а потом боцман со свойственной ему вежливостью спросил:

— Глеб Николаевич, не найдется ли у вас лишних 50 грамм «шила»? (Так на флотском жаргоне называли питьевой спирт.)

— Конечно, найдется,— ответил Шуваев и показал на умывальник, где в графине у него всегда был спирт.

Залогин, не мешкая, подошел к умывальнику, налил в стакан спирта по самый край, неторопливо выпил его. После этого деловито сполоснул стакан и запил

водой. Поблагодарив механика, Залогин ушел руководить швартовкой. Когда Шуваев сообразил, что боцман выпил почти поллитра водки, закусив только своим рукавом, он вышел на бак проверить боцмана. Работа швартовой команды кипела. Матросы, подбодряемые зычным голосом боцмана, перемежавшего команды солеными шутками и прибаутками, таскали швартовые тросы, подавая их на причал. Шуваев посмотрел на Залогина, на его раскрасневшееся до бордового цвета под резким ветром и снегом лицо, сказал про себя: «Здоров мужик!» — и спустился в каюту.

Залогин был немного пижоним и большим сердцеедом. Он был женат, но детей у них не было. Его жена Катя, которую он ласково называл Катюша, смотрела за ним, как за большим ребенком. Она была грузинкой и свято соблюдала культ мужчины в своем доме. Залогин так же нежно относился к ней, и все на корабле об этом знали. Однажды в середине дня дежурный по кораблю доложил командиру, что на КПШ пришла жена Залогина и хочет видеть командира корабля. Бойцов знал жену Залогина и об их хороших отношениях. Он понял, что произошло что-то необычное, и решил сам выйти на КПШ и встретиться с ней. Катя в слезах обратилась к Бойцову с просьбой отпустить мужа домой, потому что он уже три недели не сходил с корабля. Тот обещал разобраться и сказал, что сегодня же разрешит Залогину сойти на берег. Сам он был в недоумении. Корабль не находился в дежурстве, выходил в море за три недели только на четыре дня и никаких ограничений со сходом на берег не было. Он вызвал Залогина к себе. Пришел Залогин, ожидая поручения от командира, но вместо поручения услышал вопрос, от которого оторопел.

— Павел Николаевич, когда вы последний раз были дома?

Боцман помолчал, соображая, зачем ему был задан этот вопрос, и ответил уклончиво.

— Не так давно.

— Ну, а конкретнее?

— Три недели назад.

— Ко мне обратилась ваша жена и просила почаще разрешать вам сход с корабля, потому что вы не приходили домой три недели. Что вас держало на корабле?

— Готовлюсь к покраске корабля ко дню Военно-Морского флота.

— Организуйте вашу работу так, чтобы она не мешала вам бывать дома. Передайте старшему помощнику, чтобы он разрешил вам сегодня сойти с корабля вне графика.

Бойцов понял, что боцман где-то загулял, но не стал доводить это событие до сведения замполита и решил не делать никаких официальных выводов. Чего не случается на флоте! Попытал боцмана бес в женской юбке. Ему нравился Залогин, потому что работать с ним было легко и надежно.

Залогин умел работать, относился к кораблю как к живому существу, и командование корабля знало — на главного боцмана всегда можно положиться.

ДЕЖУРНЫЙ ГОРНИСТ ОСИПОВ

Традиционно в боцманской команде был горнист, в обязанности которого входило подавать по корабельной трансляции сигналы на стоянке, а в море еще и сигналы «захождения» — приветствия встречным военным судам и старшим по рангу — флагманам. На нашем корабле горнистом был матрос Осипов. Горнистом он был превосходным. При исполнении «захождения» старшим начальникам по рангу его горн пел, как оперный тенор, с высокими и низкими переливами. Осипов исправно выполнял свои обязанности, но имел одну не приемлемую для корабельной службы особенность. Он обращался к командиру, старпому и помощнику командира только по имени и отчеству, что считалось недопустимой вольностью. Старпом Виктор Константинович Коннов был человеком обстоятельным и немного медлительным. Он неоднократно отправлял

Осипова на гауптвахту за несоблюдение субординации, но тот, не обращая внимания на наказания, продолжал величать его только по имени отчеству. Так как других нарушений за горнистом не водилось, то к началу третьего года службы все на корабле привыкли к его чудачеству и смирились с этим. Однако сам Осипов не забыл гонений старпома и иногда ухитрялся вставлять ему шпильки, делая это тонко и расчетливо.

Губа Ваенга в Северноморске была оборудована таким образом, что корабли, отходя от причала, должны были проходить мимо стоявшего на бочках крейсера, на котором держал свой флаг командир дивизии. Поравнявшись с крейсером, эсминцы играли сигнал «захождение», и от начальственного глаза не ускользали эти флотские атрибуты чинопочитания. Каждый раз, когда корабль отходил от причала, в самый последний момент выяснялось, что горниста нет на мостике и захождение играть некому. Старпом нервно вызывал по трансляции: «Горниста наверх!» — и ждал, когда Осипов изволит прибыть. Осипов влетал на мостик прямо к пульту трансляции, бросая на ходу: «ДГ (дежурный горнист) Осипов прибыл», — и, не говоря ни слова, включал «Верхнюю палубу» и начинал играть «захождение». Это происходило в тот момент, когда корабль был уже на траверзе крейсера. Старпом начинал выговаривать Осипову за отсутствие на мостике, а тот каждый раз ссылался, что по авралу должен находиться в ютовой швартовой команде. Эта ситуация повторялась неоднократно. Однажды, перед съемкой со швартовых, старпом вызвал Осипова на мостик.

— Сходи и принеси мне капроновый конец длиной метров 20, — приказал старпом.

Через некоторое время Осипов прибежал с капроновым концом.

— Повернись ко мне спиной, — сказал старпом.

Осипов повернулся спиной и старпом привязал к хлястику его шинели капроновый конец.

— Теперь ты никуда не убежишь и будешь вовремя играть «захождение». Иди в ПРЦ и сиди под иллюминатором, пока я тебя не позову наверх.

Осипов послушно сел под иллюминатором и принялся насвистывать какую-то мелодию. Старпом время от времени дергал за конец и спрашивал:

— Осипов! — на что тот послушно отвечал: «Есть Осипов!»

Через некоторое время старпом перестал окликать горниста и только дергал за конец, чтобы удостовериться, что тот на месте. Когда, наконец, корабль закончил самый неудобный поворот около буев, ограждающих банку (мелководье), лег на курс выхода из губы Ваенга и через некоторое время должен был поравняться с крейсером, старпом в очередной раз дернул за конец — Осипов был на месте.

— Осипов! Наверх! — командовал старпом, но горнист не появился. Старпом дернул сильнее и позвал Осипова громче, но тот по-прежнему не появлялся. Старпом заглянул в ПРЦ и увидел, что Осипова нет, а конец привязан к иллюминатору. Осипов исчез.

— Горнисту на мостик! — раздалось по корабельной трансляции. Осипов влетел по трапу на мостик, включил трансляцию и, как всегда, начал играть свое филигранное «захождение». Корабль разошелся с флагманом, соблюдая флотский ритуал.

Разгневанный старпом обратился к Осипову.

— Почему Вы удрали из ПРЦ несмотря на мое приказание находиться там?

— У меня расстроился желудок. Вы были заняты, я не хотел Вас отвлекать и думал, что успею вовремя. Но, к сожалению, не смог договориться с желудком и получился конфуз.

И смех, и грех! И наказывать вроде бы не за что.

Это противостояние продолжалось и дальше. Однажды на противолодочном поиске произошел еще один курьезный случай, о котором офицеры часто вспоминали и посмеивались между

собой. Корабль получил гидроакустический контакт с подводной лодкой и выходил в торпедную атаку.

— Старпом! Боевой курс? — запросил командир корабля капитан третьего ранга Крылов.

— Штурман! Боевой курс для выхода в торпедную атаку! — прокричал старпом в иллюминатор.

Из-под иллюминатора раздался голос Осипова:

— Курс 180 градусов!

— Товарищ командир! Боевой курс 180 градусов, — продублировал старпом.

— На румб 175, — командовал Крылов, всегда старавшийся подправить старпома, чтобы доказать свое командирское превосходство.

Корабль начал маневр выхода в атаку, но дистанция до подводной лодки стала увеличиваться, и от гидроакустика поступил доклад:

— Пеленг меняется на корму! Прошу сократить дистанцию с подводной лодкой!

В суматохе сложного маневрирования командир, видимо, потерял пространственную ориентацию положения корабля относительно подводной лодки, и через минуту от гидроакустика вновь поступил доклад:

— Контакт с подводной лодкой потерян!

— Старпом! Какой боевой курс для выхода в торпедную атаку вы мне дали? Почему мы потеряли контакт с лодкой? — запросил командир.

Старпом сконфуженно спустился в штурманскую рубку и выяснил, что от штурмана никаких рекомендаций на боевой курс не поступало.

— Осипов! Кто вам дал боевой курс для атаки?!

— Никто, — ответил Осипов. — Вы спросили — и я ответил.

Пройдоха Осипов сидел под иллюминатором в ПРЦ и решил пошутить со старпомом, дав первый пришедший в его голову курс. Контакт с лодкой был восстановлен, атака выполнена, но проделка Осипова достигла цели, оконфузила старпома. И опять нельзя было ни в чем обвинить пройдоху Осипова. **НМ**

Геннадий Гусев

СТРАНСТВИЕ ВЕЛИКОЙ МЕЧТЫ

В далекой древности родилась мечта о справедливом устройстве общества, о торжестве добра над злом. Мы продолжаем рассказывать о приключениях этой мечты на сложном пути среди людей до наших дней. Читайте начало в №№ 4, 6–23 за 2013 г., 1–24 за 2014 г., 1–8 за 2015 г.

Смелый взгляд в будущее

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889 гг.) — духовный вождь, высшая точка взлета революционно-демократической мысли в России.

Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную крестьянскую общину, и который не видел и не мог видеть в 60-х годах прошлого века, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей.

Он был признанным лидером и теоретиком русской революционной партии «шестидесятников», вдохновителем второй (после декабризма) волны

революционного движения против царизма и крепостничества. Николай Гаврилович гордо и мудро называл свое учение «теорией трудящихся». Целая эпоха в жизни России по праву называется «эпохой Чернышевского».

Он — прямой, кровный, самый близкий по глубинной сути личности, судьбы и творчества предшественник великого Ленина. А потому — самый любимый его герой. Известно, что юный Владимир Ульянов написал письмо Н.Г. Чернышевскому, которое — увы! — не сохранилось. Однако не подлежит сомнению, что послание это было проникнуто горячей симпатией к великому революционеру-демократу, желанием из первых рук получить столь необходимые в начале пути советы старшего товарища, служившего эталоном мужества в борьбе с самодержавием.

Как боялись умного, бесстрашного, хладнокровного Николая Гавриловича царские сатрапы! Замысел их был зловещим: изолировать вождя от соратников, от народа, изъять, выключить из общественного движения, погасить яркий

светильник разума. И немало преуспели в этом: заточили в каторгу и ссылку более чем на полжизнь...

Однако шпага, которую сломали палачи на эшафоте над головой Чернышевского во время иезуитской «гражданской казни», не сломила дух бойца. Свершилось чудо! Свершился беспрецедентный творческий и гражданский подвиг «русского Кампанеллы»: за четыре месяца в каземате Алексеевского рavelина Петропавловки родилась необычайная книга века — яркая вспышка великой Мечты, озарившая будущее. «Он меня всего глубоко перепыхал, — писал В.И. Ленин о романе «Что делать?». — Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь».

Роман-утопия, роман-подвиг, роман-воззвание, роман-правда — таковы грани удивительного творения Чернышевского. Знаменитый «Четвертый сон» Веры Павловны в советское время все изучали в школе. «Будущее светло и прекрасно» — сродни пушкинской «звезде пленительного счастья» и в своей возвышенной поэтичности, и в поэтической проничтательности. Но, думается,

к школьной ступеньке (первой в освоении гениального произведения) надлежит достраивать новые и новые ступеньки: высок Идеал, глубока и, словно воздух в горах, свежа дерзкая Мысль, маняще ярк факеЛ Мечты!

Свободный труд, направленный на служение людям, научная деятельность, революционная работа, благородная этика взаимного доверия, чуткости и самоотверженной дружбы — вот слагаемые борьбы за воплощение Идеала. Думая о личных интересах (они не фанатики, не аскеты, никоим образом!), новые люди глубоко сознают их неразрывную связь с интересами других людей. Они подчиняют страсти не рассудку даже, а идеалу; они выше частных страстей, ибо им открылось «упоеание в бою», упоение добром и дружеством. Красивые, гармоничные, прекрасные люди!

Это — люди дела, а не прекраснотушной мечтательности. Они не мыслят жизни без труда и глубоко ненавидят тунеядцев и эксплуататоров. Их деяния и помыслы проникнуты мечтой о социализме: она движет ими, наполняет повседневность борьбы и работы сокровенным смыслом и светом.

Новизна героев «Что делать?» не только в том, что они благородны, открыты добру и состраданию. Главное — они социально активны, они — сила, умножаемая единением. Чернышевский поэтически «схватывает» революционную формулу: вожди — партия — класс — масса. Неточно и неполно, ибо поэтически, но вместе с тем гениально! От революционеро-одинок типа Рахметова к группам единомышленников (Кирсанов, Лопухов, Вера Павловна) и далее к «людям из подвалов» — такова геометрическая прогрессия роста революционных сил. Чернышевский угадал и показал неодолимость нарастания «девятого вала» новой жизни — в недрах старого мира, подвального, однако, коллективному революционному преобразованию.

Сквозь все сны Веры Павловны Розальской красной нитью проходит идея раскрепощения женщины. Эта идея становится

символом подлинно социалистического обновления человечества. Чернышевский художественно изображает всю историю как поступательный процесс освобождения Любви, торжества высокой Человечности и Гармонии.

Утопия Чернышевского, как никакая другая, приближена к действительности, вырастает из нее, с нею соизмеряется. Мечта автора в высшей степени активна — она не созидает воздушные манюловские замки, а стремится к перенесению социалистических начал из будущего в настоящее и из настоящего — в крупицах, зернах, зачатках — в будущем: «Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его!»

Он вполне доверял потомкам — детям, внукам и правнукам «новых людей» — и потому не унижал их мелочной регламентацией, дотошным расписанием деталей будущего быта. Важны верные принципы и борьба, а уж «технические подробности даются практикой, самим исполнением дела и местными условиями».

Высшим пиком оптимистической мечты Чернышевского является мысль о том, что идеал социализма, его мораль, его культуру способны воспринять и выработать самые широкие массы трудящихся. Способны — но только в труде, борьбе, образовании. Не случайно, что «золотые сны» о будущем сняты в общем-то вполне обычной женщине, но подготовленной к ним и упорной учебой, и долгими размышлениями, и практическим опытом организации мастерских.

Подготовленной также и беседами с социалистами. Вся сила в народе; это было для революционера-демократа непреложно. Но народу остро нужны Рахметовы — люди, вооруженные передовым знанием, огромным умом и волей, окрыленные мечтой и жадной деяния ради человечества. «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало, — писал Н.Г. Чернышевский о революционерах, — но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила

и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, соль соли земли». Трудно найти во всей мировой литературе строки более яркие и точные о рыцарях борьбы за народное дело!

В то же время мечта Чернышевского летит дальше и выше: «На той высоте, на кото-рой они стоят, должны стоять, могут стоять все люди». Все люди! Это был смелый взгляд в будущее, в тот мир, где гармония, благородство, разум станут нормой. Такой великой была его вера в свой народ — и в социализм!

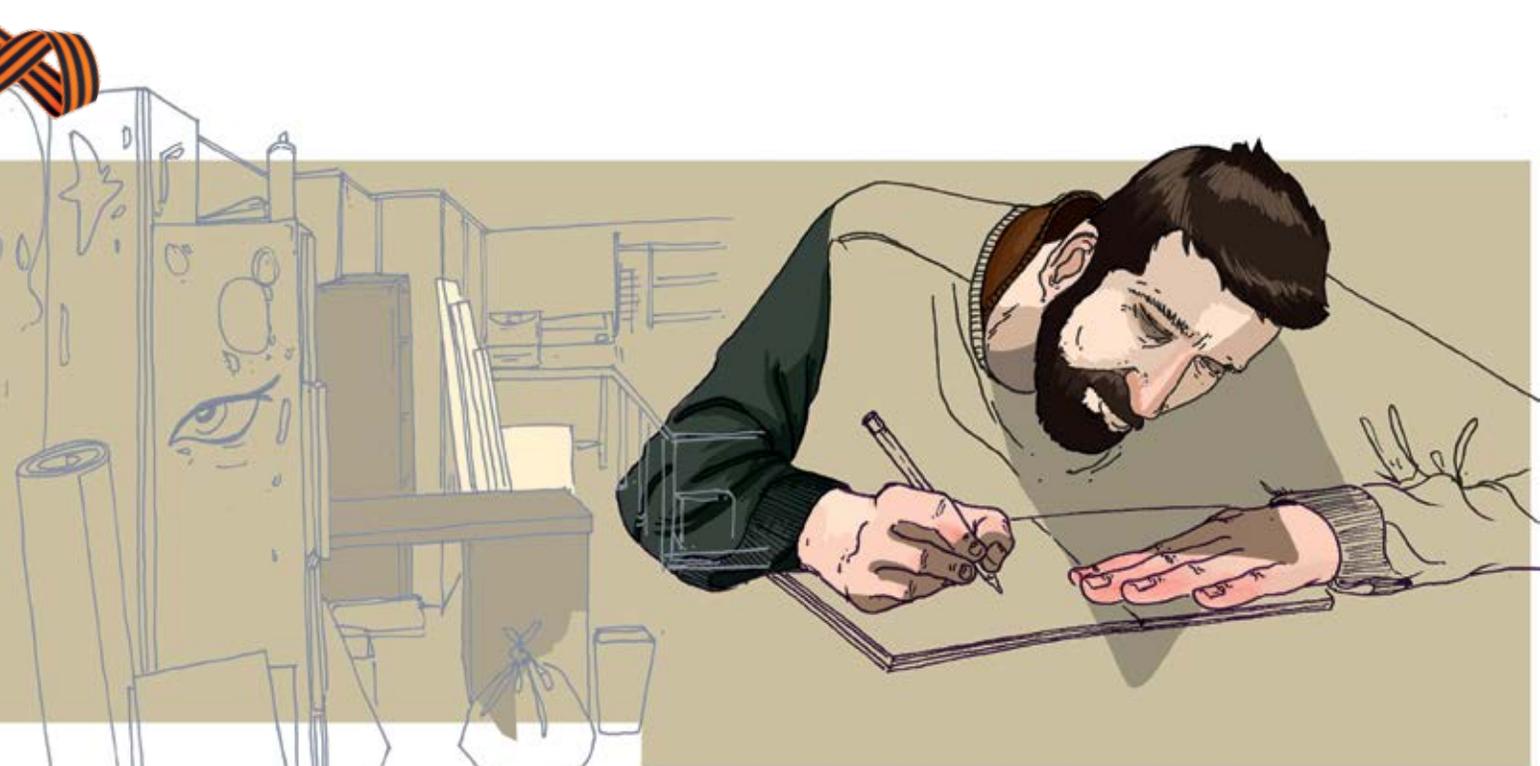
«Что делать?» не зря сравнивают с огненной молнией, которую Чернышевский метнул в страшное чудище царизма, в змеиную мерзость собственничества. Трагедия великого сына России — в невозможности «служить добру, не жертвуя собой». Так сказал об этом Некрасов. И вновь, скорбя о Совети России, заточенной царями в сибирские холода, вспоминаешь

«Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало, но они [революционеры] в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, соль соли земли»

трагический афоризм его старшего духовного собрата — Александра Грибоедова: «Мученье быть планетным мечтателем в краю вечных снегов...».

Он был самый умный русский человек XIX столетия. Из книг его чистым ключом била «струя правды», правды без всяких прикрас. Это один из главных, воодушевляющих уроков Чернышевского. Гениально сказано Лениным: «От его сочинений веет духом классовой борьбы».

Сегодня, в пору великого обновления, в высшей степени важно, чтобы во всю мощь засияли своим истинным, немеркнущим светом деяния и труды таких славных сынов Отечества, как Николай Гаврилович Чернышевский — плоть от плоти революционной России. **НМ**

Рауль Мир-Хайдаров

Переводчики

Глава из мемуаров «Вот и все... я пишу вам с вокзала». Окончание. Начало в №№ 7–8 за 2015 г.

Когда я жил постоянно в Доме творчества в Переделкино, на коммерческой основе в комнате № 106, в течение восьми лет я встречался со многими писателями, там мне выпало увидеться еще с одним замечательным переводчиком с французского. Я уже упоминал обрусевшего француза, профессора **Ф.С. Наркиьера**, писавшего о французской литературе и занимавшегося для души переводами, он еще и преподавал в университете французскую литературу — многогранный человек. Но сейчас речь пойдет не о Федоре Семеновиче, мы к нему еще обязательно вернемся.

Как-то зимой, уже после развала СССР, я дописывал ретро-роман «Ранняя печаль», из-за стола не вставал день и ночь, потому что законченную главу тут же печатал московский журнал «Мы», с которым я сотрудничал в течение пяти лет. Видя мою крайнюю усталость, супруга Ирина стала за час до обеда буквально выталкивать меня на прогулку. У меня даже сложился маршрут, рассчитанный на час — до дома Е.А. Евтушенко

и обратно. Однажды, постояв у безжизненного дома Евгения Евтушенко (зимой он обычно преподавал в Америке), я вернулся на улицу Серафимовича и стал подниматься по ней, время обеда близилось. Впереди меня шел, заметно прихрамывая, высокий мужчина; судя по тому, как он был одет, он явно обитал в нашем писательском доме. Когда я собрался его обогнать, мужчина неожиданно вырвал журнал, который был у него в руках, я быстро поднял и передал какой-то французский буклет хозяину. Он меня поблагодарил, и мы дальше пошли вдвоем. «Я видел вас здесь в прошлом году. Любите Переделкино?» — спросил он меня артистически-бархатным баритоном, и я впервые внимательно оглядел его. Я неплохо знаю кино, в 60-х годах на наших экранах впервые появился Максимилиан Шелл в двух прекрасных немецких фильмах: «Я ишу тебя» и «Пока ты со мной», во втором снималась и его сестра Мария Шелл. Позже Максимилиан Шелл прославился в Голливуде, снимался в главных ролях, получил «Оскара», а в 90-х и сам снимал кино. Одно время Шелл

был женат на советской актрисе Наталье Андрейченко.

Мой новый знакомый очень походил на Максимилиана Шелла в его лучшие годы, а глаза у моего спутника были гораздо привлекательнее: крупные, карие, с жгуче-черными бровями, а его ресницам, наверное, завидовали женщины. Я ответил, что живу здесь постоянно уже два года и объяснил — почему. Так мы и разговорились. Я полюбопытствовал: «Читаете по-французски?» Он ответил: «Немного». Дальше разговор зашел о французской прозе, о последних публикациях в «Иностранной литературе», я чувствовал, что он неравнодушен именно к французской литературе. Но он не пытался говорить, больше старался расспрашивать меня.

У каждого серьезного писателя есть книги, которые сформировали его вкус, характер, определили жизненную позицию, взгляд на мир. Есть такие книги и у меня — прежде всего, книги И.А. Бунина, В.П. Катаева, «Условия человеческого существования» Дзюмпэя Гомикавы, «Бильярд в половине десятого» Генриха Бёлля, «Степной волк» Германа Гессе, «Взгляни на дом

свой, ангел» Томаса Вулфа, «Ночь нежна» Фрэнсиса Скотта Кея Фицджеральда, «Путешествие» Станислава Дыгата.

Есть среди моих обожаемых авторов и молодой француз Ален Фурнье, погибший в Первую мировую войну. Он успел написать всего одну небольшую книгу «Большой Мольн», после его смерти она выдержала более пятидесяти изданий и переведена на многие языки мира. Вот об этом романе и его авторе я и стал рассказывать своему спутнику, обожающему французскую литературу. Эта книга произвела на меня впечатление на всю жизнь, каждые пять-шесть лет я ее перечитываю, восторгаюсь не только текстом, но и блестящим переводом. Когда я начал рассказывать про Алена Фурнье, мой собеседник стал очень внимательно прислушиваться ко мне, задавать уточняющие вопросы, чаще стал спрашивать — почему? Когда уже показался новый четырехэтажный краснокирпичный корпус Дома творчества, у которого нам приветливо помахал рукой Ярослав Голованов, живший напротив на даче, я сказал, как бы подытоживая наш разговор: «Жаль, что вы не читали эту великую книгу, вам бы она понравилась, рекомендую». Он очень весело рассмеялся и вдруг спросил:

— Почему вы решили, что я ее не читал?

— Вы же меня так подробно расспрашивали о ней, — ответил я обиженно.

— Да, расспрашивал, мне было интересно выслушать ваше мнение об этой действительно великой книге и ее авторе, потому что... — он остановился, перевел дух, сделал большую паузу, — потому что, я ее и перевел, — и он протянул мне руку. — Очень рад знакомству, я — **Морис Ваксмахер**, вы для меня — глубокий читатель, вы оценили мой давний выбор автора, книги и мой перевод. «Большой Мольн» не был заказом издательства.

...Настали очень тяжелые 90-е годы, и хотя я еще шесть лет прожил в Переделкино, Морис Ваксмахер в Дом творчества

не приезжал. Еще года через два из «Литературной газеты» я узнал, что издательство «Художественная литература» перешло к частному владельцу, и заведующего отделом иностранной литературы, талантливого переводчика Мориса Ваксмахера уволили... за ненадобностью.

Когда я пересматриваю фильмы с Масимиллианом Шеллом, перечитываю книги Алена Фурнье и другие переводы с французского моего случайного попутчика в Переделкино, я всегда слышу бархатный голос Мориса Ваксмахера, большого знатока французской литературы и великого переводчика. Уверен, его книгам уготована вечная жизнь.

Хотел бы обязательно отметить еще одного любимого мною выдающегося переводчика, без упоминания о нем, его книг разговор о переводах несерьезен. Благодаря ему я прочитал «Свет в окне» и «Когда я умирала» Фолкнера, «Теофил Норт» и «Мост короля Людовика Святого» Уайлдера, «Другие голоса, другие комнаты» Капоте, «Над кукушкиным гнездом» Кизи, «Заблудившийся автобус» Стейнбека, «Вся королевская рать» Уоррена — бестселлер 70-х. Он перевел Вулфа, Стайрона. Перевел у Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», у Макьюэна «Мечтатель» и «Амстердам».

Я имею в виду знаменитого **Виктора Петровича Гольшева**, он старше меня на четыре года, и в этом году у него юбилей — 75 лет. К сожалению, я с ним не знаком, видел его несколько раз в ЦДЛ в конце 80-х, однажды столкнулся с ним лицом к лицу в приемной директора издательства «Художественная литература» Георгия Анджапаридзе. Не судьба. Но это не меняет моих глубоких симпатий к нему. В молодые годы он находился в ближнем кругу друзей Иосифа Бродского, тот посвящал Виктору Гольшеву одно из лучших своих стихотворений — «1972 год», в нем подводится некий итог жизни его тридцатилетних друзей. Не могу не отметить, что Гольшев и в ЦДЛ выделялся аристократической внешностью, манерами, очень

элегантно и стильно одевался. Даже издали в нем чувствовался независимый характер, понимание собственного места в литературе. «Штучный человек» — как сказал когда-то о нем Валентин Петрович Катаев.

Годом позже после знакомства с Морисом Ваксмахером там же, на улице Серафимовича, на прогулке рядом с дачей Роберта Рождественского у меня произошла еще одна трогательная встреча. Стояла поздняя осень, уже почти опали листья, но погода выпала солнечная, теплая, и наша главная переделкинская улица преобразилась, канадские клены еще щеголяли золотом и багрянцем. Особенно красиво выглядел сад

Встречу с вами и со своими стихами считаю ниспосланными мне Аллахом, оттого до конца дней своих я буду помнить нашу встречу, осеннее Переделкино, сад Роберта

за высоким забором дачи Роберта Рождественского. Возле нее стоял высокий поджарый старик, и я не понял — то ли он стучался в калитку, то ли разглядывал сад вблизи. Я и сам, гуляя, частенько задерживался возле него. Поравнявшись с зеленой калиткой, я поздоровался с незнакомцем по-восточному, на всех тюркских языках приветствие звучит одинаково: «Салам Алейкум!» Незнакомец неожиданно улыбнулся и ответил: «Алейкум вассалам!» И спросил: «Откуда вы, молодой человек?» Я ответил: «Из Ташкента». Дальше мы, как и с Морисом, пошли вместе. Теперь уже полюбопытствовал я:

— Кто вы? Откуда? Я видел вас утром на завтраке?

— Я из Ашхабада, из Туркмении, а моя фамилия вам ничего не скажет. В литературу пришло новое поколение, оно не знает нас, мы — их. Вот вас я тоже не знаю, — сказал он печально и продолжил: — В 50—60-х я часто бывал в Переделкино, у меня в Москве вышло с десяток книг. Я очень

Анна Ковусович Ковусов

любил Москву, пять раз бывал на съездах писателей...

— И все-таки, как ваша фамилия? Может, я знаю вас, читал ваши книги... Мы, пятидесятилетние, знаем предыдущее поколение, — настаивал я.

Старик грустно поглядел на меня.

— Если хотите разочароваться — пожалуйста. Я — **Анна Ковусов**, народный поэт Туркмении, меня Роберт в молодости переводил, поэтому я оказался возле его дома.

— Анна Ковусов... — словно раздумывая или припоминая, произнес я протяжно. И вдруг, на удивление самому себе, не говоря уже об ошеломленном старике, я начал читать отрывок из лирической поэмы.

Всегда, когда слышу выражение «рояль в кустах», я вспоминаю этот случай. Старый поэт из Ашхабада, приоткрыв рот от волнения, не мог ничего сказать, ни понять реальность происходящего, принимая это за сон или за розыгрыш. Вдруг он остановился, взглянул на меня просветлевшим лицом и дальше продолжал смотреть на меня уже с нежностью. А я, не сбиваясь, выуживал из самых глубин памяти строку за строкой и все читал и читал, вдохновляясь, как некогда в юности на вечеринке у Галочки Старченко в Актюбинске на улице Панфилова, 15. И видел как у Анна-агая от волнения и неожиданности потекли слезы, наверное, это были слезы о чем-то давнем, личном. Он был уже стар, далеко за семьдесят,

и идти дальше не мог, ему нужно было где-то присесть. У дачи Николая Павловича Воронова, прекрасного прозаика, незаслуженно забытого, у ворот стояла скамейка, и я подвел Анна-агая к ней. Мы долго сидели молча, наверняка оба думали о чем-то очень давнем, но связанном с этими строками о несбывшейся любви. Потом он вдруг спросил:

— Откуда вы знаете этот отрывок, самый главный в моей поэме «Мой аул»? Я ведь написал эти строки давно, в молодости, в год смерти И. Сталина, в 1953 году...

Мне пришлось рассказать о себе, своей студенческой юности, о далеком, продуваемом ветрами Актюбинске, о нашей юной компании, о вечеринках, на которых у нас было заведено читать стихи. Как мы, юноши, для того чтобы привлечь чье-то девичье внимание, обходили библиотеку за библиотекой, перебирали десятки томов поэзии, чтобы выудить хотя бы одно подходящее стихотворение. Рассказал я Анна-агаю, что отыскал только два лирических стихотворения, которые пришлось мне по душе, они принимались на наших встречах всегда на ура. Это монолог Арбенина из «Маскарада» М.Ю. Лермонтова и отрывок о Гульджалма из поэмы «Мой аул». Я даже назвал Анна-агаю год издания и издательство — «Советский писатель», 1957 год. Рассказал ему, что когда-то я даже написал рассказ «Монолог Арбенина» об этих поэтических вечерах.

— Пойдем ко мне, — неожиданно предложил пришедший в себя поэт. — Я привез редкостный коньяк, который простоял у меня в серванте лет пятнадцать, мне его подарила Сильвия Капутькиян, когда я посетил Армению. Я думал — встречу старых друзей, но судьба поступила иначе — подарила мне нового друга, достойного старых. Надо отметить нашу встречу, отблагодарить вас за стихи, вы хранили их в памяти тридцать пять лет, чтобы сегодня меня обрадовать и разогнать мою печаль. Я ведь слышу этот отрывок по-русски впервые — хорошо звучит, мы стареем,

а стихи о любви не увядают, они вне времени...

Мы пошли к Анна-агаю в старый корпус на второй этаж. Коньяк «Васпуракан», действительно, оказался очень старым. Мы сидели долго, даже не пошли на обед. Старый поэт, оказывается, воевал, дошел до Берлина, прожил достойную жизнь. Дружил с видными людьми своего времени: Мирзо Турсун-заде, Гафуром Гулямом, Берды Кербабеевым, Расулом Гамзатовым, Мустаем Каримом, Константином Симоновым, Степаном Щипачевым, Мухтаром Ауэзовым, Карло Каладзе, Самедом Вургуном...

Анна Ковусов оказался интереснейшим человеком, по-восточному мудрым. Рассказывая о далеких годах, он влетал в события стихи своих старых друзей, которых он переводил на туркменский, и теперь уже поражался его памяти и тому, что он успел сделать. Осенний день короток, за окном потемнело, словно вырубил свет, и я стал собираться, меня дома на столе ждал недописанный роман...

Наливая на пошолок, он сказал:

— Я здесь уже три дня, и считал, что зря приехал, растревожил сердце и память, помните у Сергея Есенина: «Я никому здесь не знаком, а те, что помнили, давно забыли», поэтому я вчера переформил обратный билет на завтра. Благодаря вам, я улетаю не с печалью и обидой на время и место, а улетаю с легкой грустью и большой радостью. Встречу с вами и со своими стихами считаю ниспосланными мне Аллахом, оттого до конца дней своих я буду помнить нашу встречу, осеннее Переделкино, сад Роберта. Буду счастлив принять вас у себя дома. Если судьба занесет вас в наши края, вы будете желанным гостем, как и все мои друзья, о которых я вам сегодня рассказывал.

На этом мы и распрощались. Больше я никогда Анну Ковусова не видел, только недавно случайно встретил его фамилию в Википедии. Пути и дела Господни, поистине, неисповедимы. **ИИИ**

Москва

Мы

Друзья, я предлагаю вам внимательно прочитать два стихотворения двух молодых поэтов. Разница во времени в написании стихов ровно сто лет. И оба стихотворения поэты написали о своем поколении, о своем времени. Первое было написано, когда Россия процветала, была первым государством в мире после разгрома наполеоновской Европы. Второе — в то время, когда Россия (СССР), как теперь все наши СМИ твердят, была под пятой тирана, когда, по их словам, вся страна по ночам дрожала, ожидая черной воронок, когда, мол, полстраны сидело, а другая половина их охраняла. Но поэт, который жил тогда и на себе ощущал, чем жила страна, воспринимал те дни, как великое время созидания. Он был убит на фронте в январе 1942 года, недожив до 23 лет. Прочитайте внимательно эти стихи, вздумайтесь!

Петр Алешкин

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

1838

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

Мы

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не всё умрёт. Не все войдет в каталог,
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображён.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых
ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах
устных

Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатога плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.

Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.
Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва,
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово: «Человек»!

Евгений СОРОКИН

Связь восстановлена

Моему отцу, ветерану Великой Отечественной войны, посвящается.

Солдатский блиндаж на передовой. Что может быть угрюмее? Свет от сальной свечи на дне алюминиевой кружки и узкая полоска света из-под плащ-палатки над входом. Лица четверых солдат едва освещены. Нехотя идет беседа. Солдаты невольно вжимают головы в плечи не из страха, разрывы далекие, но и их хватает, чтобы обсыпать солдатские шеи, давно не мытые, песком с бревенчатого потолка.

По линии окопов второго батальона одиноко, но методично стреляла немецкая гаубица. Солдаты давно научились отличать ее по низкому гулу летящих снарядов. Они рвались с большим перелетом, но иногда врзались в самую гущу окопов и тогда через траншеи, расталкивая всех, бежали санитары. Полевой госпиталь в виде большого блиндажа располагался неподалеку.

— С одной стороны то, что лазарет рядом, неплохо, — заговорил рядовой Ерохин. — Быстрее приползут... — Его густые брови, сросшиеся над переносицей, поднимались и опускались в такт словам: — С другой стороны, если санитаров не останется...

Разговор никто не поддержал. Связисты, а это было отделение связи, готовились перед атакой, как всегда, к худшему. Худосочные провода в черной обмотке разлетались длинными кусками в разные стороны от лубого осколка. И тогда — в этом месте связистам становилось не по себе, иначе не получалось, — начальству связь понадобится немедленно, сколько бы солдат не легло по полю.

— Сейчас атаку объявят. Резанут по нам от немца кому не лень — и минометы, и пушки, и «Ванюши». И тогда бежать тебе, Сорокин, и тянуть за собой эту нитку... — быстро

заговорил Митрофанов, высокий и оттого вечно сутулый. — Да ты никак спишь? Вот нервы у парня... А ну просыпайся!

— Пусть поспит, — остановил Митрофанова Семенов, самый пожилой в отделении. — Может, в последний раз ему боженька разрешает.

Сорокин проснулся, схватился за автомат.

— Что, наступают?

— Да спи ты, душа молодая, — сказал негромко Семенов, — вбежит еще на твою голову наш Колобок.

Так солдаты называли командира отделения, маленького и толстенького сержанта из новобранцев. И тут же, словно услышав слова Ерохина, в блиндаж вкатился маленький, кругленький сержант Агафонов.

— Так, хлопцы. Готовьтесь. Сейчас наши пойдут. Немец зажарит из всех стволов. От нашего батальона связь с полком держать вот так, — сержант сжал кулак, на который одна за другой капнули со лба крупные капли пота.

Сержант сел на бобину с проводами, провел рукавом по лбу и с удивлением посмотрел на мокрый рукав гимнастерки.

— Видали? — простодушно спросил сержант.

— Не переживай, — успокоил Ерохин. — Первый бой всегда первый. — Он помолчал и добавил. — Ко всему привыкаешь: и на смерть посылать, и живых встречать...

— Вы это, ждите приказов, а я в штаб батальона, — сержант поспешно поднялся, пригнув голову. — Поняли?

— Так точно, товарищ сержант, все поняли, идите в штаб, — ответил Ерохин за всех.

Сержант вышел, и тут же донеслось громкое «ура!». Батальон пошел в атаку.

В ответ с немецкой стороны с большим перелетом хлопнул один взрыв, другой, третий, а дальше началась канонада, от которой блиндаж заходил ходуном.

— Почему до атаки наша артиллерия немцев не утюжила? — спросил Митрофанов.

— Может, разведка боем? — неуверенно ответил Ерохин.

Плащ-палатка распахнулась. Весь в жаркой июльской пыли показался сержант.

— Ерохин, на выход! От штаба батальона к штабу полка проверить и восстановить связь.

Ерохин встал. В отвесах сквозь откинутую плащ-палатку стала видна бледность на его лице.

— Слышь, — окликнул его Семенов, — возвращайся...

Ерохин задержался на мгновение, будто споткнулся. Не оборачиваясь, он кивнул и поднырнул под плащ-палатку.

— Свечу, что ли новую воткнуть? — спросил Митрофанов.

— Я тебе трону НЗ. Спалишь последнюю... — возразил Семенов. — После атаки вернемся и... сиди в темноте.

Плащ-палатка снова распахнулась.

— Митрофанов, Семенов, — сержант всмотрелся в полутьму блиндажа. — А черт, ничего не вижу... Ерохина срезало... Вы, ребята, это, ползком, а то это.... Замордовал комбат. Артиллерия наша молчит. Хочет вызвать ее на квадраты, а связи нет...

— Я пошел...

Семенов посмотрел на посеревшее в темноте лицо Сорокина. Тот вскочил следом.

— Я с тобой. Вдруг помочь нужно.

— Сиди, душа молодая, — улыбнулся Семенов. — Набегаешься сегодня.

Семенов ушел. Обстрел усилился. Атака захлебнулась. Окопы по всей линии батальона наполнялись руганью уцелевших солдат и стонами раненых, которые сумели приползти обратно.

— Митрофанов, — услышал Сорокин.

Сержант возник на пороге в просвете входа и уткнулся глазами в Митрофанова.

— Вставай. Да, ты вставай.

Митрофанов отпрянул.

Сорокину вдруг стало не по себе оставаться одному в блиндаже.

— Разрешите мне? — вскочил он на ноги.

— Успеешь, — злым голосом зарычал сержант в ответ. — А этот, не ровен час, сбежит. — А ну, вставай! — сержант пнул Митрофанова, схватил его за шиворот и поставил на ватные ноги.

— Побежишь не в ту сторону, вот, — сержант сунул под нос Митрофанову кулак.

Голова Митрофанова повалилась вперед, на выходе он опустился на четвереньки на дно окопа и пополз, расталкивая и живых и мертвых.

Сорокин ринулся наружу и наткнулся на сержанта сразу после выхода. Тот лежал с пробитой головой, с открытыми глазами, запорощенными пылью.

— Я один что ли? — мелькнуло в голове и Сорокин где побежал, где пополз в расположение штаба батальона.

Мимо убитого постового у входа он влетел внутрь уже наполовину обрушившегося блиндажа штаба.

— Рядовой Сорокин, — выпалил он в пыль, стоявшую в блиндаже, — прибыл восстановить связь.

— Где командир отделения? — услышал Сорокин, а затем рассмотрел за столом в середине блиндажа комбата.

— Убит, — быстро ответил он.

— Вот что, солдат, — без всякой паузы на гибель сержанта заговорил комбат, — хватай катушку и дуй к штабу полка. Если не докричимся до них, от батальона рожки останутся. Почему артиллерия молчит? Об этом хочу их спросить.

Сорокин осмотрелся, телефонный коммутатор стоял в углу. Он подхватил его, вытянул провод из катушки, вставил в разъем, крутанул ручку для контакта и бросился к выходу.

Сорокин выскочил из окопа и упал в траву. Огляделся. Сплошная стена разрывов в поле накатывала и отступала, накатывала и отступала. Казалось, что еще немного, и Сорокин не выдержит — вскочит и нырнет в спасительный окоп. Он удержал себя, собрался и вскочил.

Сорокину повезло. Когда он поднялся, обстрел ослаб, и он смог без помех пробежать первые сто метров. Без грохота вокруг у него невольное расправились плечи, приподнялась вжатая в плечи голова, и Сорокин уже бежал, разматывая провод и не оглядываясь по сторонам. Но то было затишье перед охотой — охотой за ним, одним в открытом поле. Немцы засекали его и открыли огонь уже не по площади, а по одинокой фигурке, неуклюже бегущей бочком.

Сразу несколько грибов выросли с большим перелетом. Сорокин не обратил на них внимания. Разом грохнули разрывы по бокам и сзади. Кольцо сжималось.

Вначале, Сорокин бежал и считал прыжки через воронки, чтобы хоть как-то отвлекать себя. Воронки вокруг оказалось так много, а бегать между ними стало так сложно, что он из простого связиста превратился в зайца, который прыгал от воронки к воронке и удивлялся сам себе: «Ай да я! Ай да я!».

Ему было чему радоваться, он пробежал среди разрывов и ни разу не упал. Ничто не толкнуло его в спину, ни на что он не натолкнулся грудью, ноги не подкосились от боли, вот только что-то сочилось по руке, и почему-то саднила царапина на шее.

Весь в поту, он бежал среди разрывов снарядов по полю, разматывая провод, во многих местах позади него уже перебитый и никому не нужный.

Сорокин с разбегу прыгнул в окоп около штаба полка и неуклюже завалился вбок, хватая воздух сухими губами. Со всех сторон к нему бежали солдаты. Кто-то поднял его и потащил в блиндаж к командиру полка.

У Сорокина перед глазами поплыли круги.

— Вроде руки, ноги целы, только в крови весь, товарищ полковник, — услышал Сорокин.

Он попытался вскинуть руку.

— Связь восстановлена... — еле слышно прошептал Сорокин. — Разрешите подключить провод к коммутатору. Немцы накрыли наш батальон. Прикажите, батареям открыть огонь.

Командир полка быстро распорядился и тут же склонился над Сорокиным.

— Ты хоть знаешь, сколько немец по тебе снарядов выпустил?

— Не могу знать, — ответил Сорокин из последних сил.

— Сто тридцать снарядов, дорогой ты мой. Сто тридцать! А может, и больше. Под конец считать перестали, смотрели на тебя как на ангела. А может, ты и есть ангел, раз не взяли тебя осколками... **НМ**

Ярослав Кауров

Величальная... Нижнему Новгороду

(Семейные хроники). Главы из книги.

Глава первая

Мне давно хотелось без излишнего морализирования написать историю прошедшего века с его парадоксами свержения невероятно прочных государственных строев, которые вдруг разваливались, как карточные домики. Но казалось скучным и необъективным обсуждать смерти и трагедии людей, философствуя и на самом деле не зная, за что им все это было дано. И мне пришла в голову идея объединить воспоминания моих родных со своими и через реальные судьбы людей разных сословий — дворян, купцов, крестьян, рабочих, военных, ученых, описать историю столетия, судьбу всей России. Может быть, это покажется людям интересным. Во всяком случае, это правда, а правду можно трактовать по-разному, и взгляд на нее меняется в зависимости от времени, в котором вы о ней читаете. В доме сохранилось множество старинных фотографий, так что иллюстративный материал будет богатым.

Мне захотелось написать семейные хроники не только для того, чтобы описать жизнь своей семьи. Дело в том, что в старом доме сохранились записки многих поколений моих предков. Это бесценный исторический материал. И

многое здесь написано их рукой. Я не изменял ни стиль, ни обороты речи. Все это для того, чтобы через жизнь семьи отразить радости и мучения, победы и несчастья России на протяжении ста пятидесяти лет. И об этом рассказали современники событий. Вслушайтесь же в их живые голоса. У правды есть одно очень существенное преимущество — это правда.

Мой дом стоит в центре Гребешка — горе над слиянием Оки и Волги. В доме живёт восьмое поколение нашего рода. В родовом древе сплелись и купеческие, и дворянские корни. Один из предков был ревизором, другой — тайным советником.

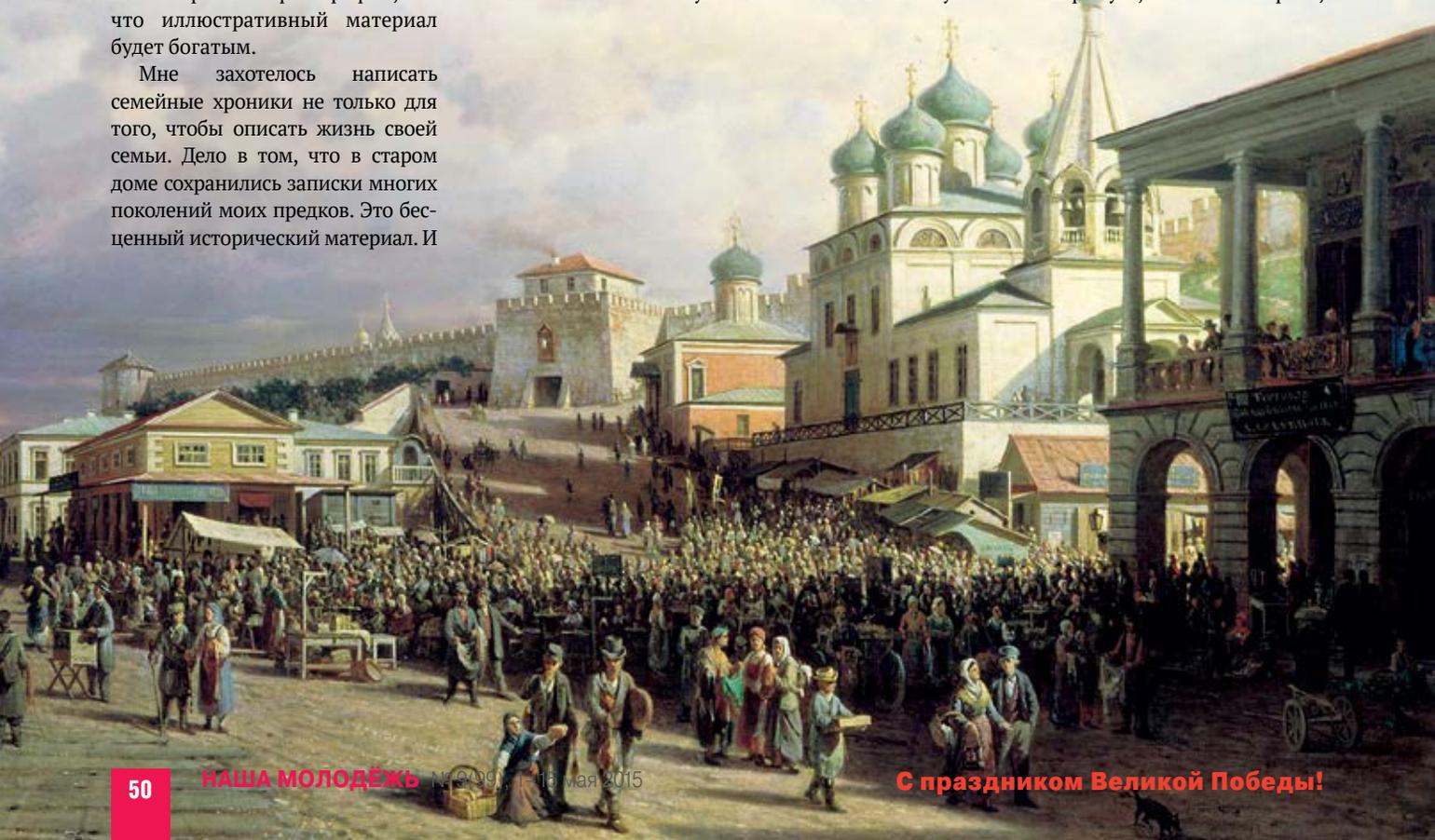
В этом доме родилась и моя прабабушка Инна Федоровна Жаркова-Рудая. Она вышла замуж за потомка дворянского рода с Западной Украины Ефима Варфоломеевича Рудого.

Фаля (так по-домашнему звали жениха) заметил Инночку в церкви и безумно влюбился в тоненькую

синеглазую девушку с очаровательной улыбкой и локонами до плеч. Он был очень добрым человеком, и это его качество покорило всех. От дома до церкви было не более 300 м — поехали в карете. Невеста была потрясающе красива и нежна, жених солиден. Уютный дом скрыл молодожёнов от посторонних глаз.

Когда-то каждый маленький деревянный домик на Гребешке был окружен садом, имел своё лицо, не был похож на другие. Семьи здесь были большие, несколько поколений жили вместе: и дети не были брошены, и старикам находилось место и дело. Мальшица играла в лапту, молодёжь водила хороводы. «А мы просо сеяли, сеяли!» — пели одни. «А мы просо вытопчем, вытопчем!» — пела другая ватага, наступая на первую. А старики сидели на лавочках, вспоминали молодость.

По рассказам бабушки, весной Гребешок благоухал: первой зацвела черемуха, потом — сирень,

яблони, вишни, груши, сливы. (Теперь сады вырублены, и между старыми деревянными домами зияют пустыри, и только наш сад — островок патриархальности.) А раньше весной люди выходили из ставших душными домов. Дымились самовары, пили чай. Открывались окна, выставлялись зимние рамы. Казалось, после зимы оттаивала душа. Звучали романсы и песни под гитару. Дружили здесь домами, ходили друг к другу в гости.

Посвящается маме

*Судьбой неведомой ведомый —
На счастье или на беду,
Я — пленник родового дома
И старой яблони в саду,
И удивительного света,
Что тихо падал сквозь листву.
И будет длиться, длиться это,
Пока смотрю, пока живу.
Пока пишу, пока мечтаю,
Мой старый дом, мой старый сад,
Как колыбель, меня качают
И что-то тихо говорят,
И охраняют это сердце
Минуты, месяцы, года...
И я хотел бы после смерти
Остаться с ними навсегда.
Немного надо одиноком:
Чтобы, как сотни лет назад,
Вздыхал, нашёптывая строки,
Мой старый дом, мой старый сад.*

У нас дома на несколько голов пели «Вечерний звон», вспоминали ушедших. Старожилы рассказывают, что пел на Гребешке и Шаляпин, пытался перепеть его Горький. А осенью в садах на открытом огне варили варенье. Дети ждали пенек, сладкое облако парило над Гребешком. Моя прапрабабушка (Татьяна Павловна Жаркова-Чадулина) выставляла на улицу корзины с яблоками: «Бери, кто хочет, сколько хочешь».

За домом был старый прекрасный сад: семена растений выписывали со всего света, пористые камни для окантовки клумб привозили издалека. За время революций, войн, голода сад был запущен, заглох, липы выросли до небес. Лишь теперь мы его возродили, и он снова стал прекрасен.

*Мой магический сад весь зарос до краев,
Перелился листвой за заборы.
Как зеленый парад — миллионы ручьев,
Заливающих Дятловы горы.*

*И по склонам, бурля, ниспадает листва
И к Оке у подножья стремится,
И звучат, словно заговор млечный, слова,
Что напеты великою жрицей.*

*И поток, как гроза, в жаркий город проник,
Напитав ароматами лето,
Но я знаю, где бьет изначальный родник, —
Он в саду, в нежном сердце поэта.*

Строить мой дом начал в самом начале XIX в. Александр Александрович Жарков, потомственный почётный гражданин, государственный чиновник, ревизор. Его портрет, выполненный маслом, висит у нас на почётном месте. Отец его, тоже Александр Александрович, был купцом второй гильдии. Женат строитель дома был на Анне Павловне Вяхиревой — из мелкопоместных дворян и купцов. Купеческая ветвь Вяхиревых была состоятельной, они подарили городу Карповскую церковь и первый роддом. В 1812 г. в Нижний Новгород хлынули волны беженцев из Москвы. Тогда мои предки познакомились с видными представителями московских знатных фамилий: Карамзиным, Батюшковым, Василием Львовичем Пушкиным, Малиновским, Глинкой.

Предки по линии Жарковых относились к сословию потомственных почетных граждан. Историческим предшественником почётного гражданства являлось сословие именитых граждан, выделенное Екатериной II в Жалованной грамоте 1785 г. из состава городских обывателей. Они были свободны от телесного наказания; им дозволялось иметь сады, загородные дворы, ездить в карете парюю и четвернею, не запрещалось заводиться и содержать фабрики, заводы, всякие морские и речные суда. Почётное гражданство было двух родов: личное, распространявшееся только на данное лицо и его жену, и потомственное, принадлежавшее всем нисходящим членам семьи. К почётному гражданству причислялись дети личных дворян. Особые права и преимущества почётного гражданина заключались в свободе от рекрутской повинности, от подушного оклада, от телесного наказания, в праве именоваться во всех актах почётным гражданством, а также участвовать в выборах по недвижимой в городе собственности и быть

избираемыми в городские общественные должности.

В следующем поколении Фёдор Александрович Жарков, по рождению потомственный почётный гражданин, продолжил отделку и мебелировку дома. В нём зазвучал клавесин, заиграл золотой свет на креслах из карельской березы. Этот клавесин и мебель в революцию солдаты выбросили на снег, когда попытались произвести выселение. Не удалось.

Во второй половине XIX в. Фёдор Александрович, не выбившийся в высокие чины, увлекался тем, что выписывал со всего мира и разводил у себя в саду экзотические растения. На них прихотили полюбоваться многие ниже-

**Мой дом стоит в центре
Гребешка — горе над
слиянием Оки и Волги.
В доме живёт восьмое
поколение нашего рода.
В родовом древе сплелись
и купеческие, и дворянские
корни. Один из предков
был ревизором, другой —
тайным советником**

городцы. Брат Фёдора Александровича был художником. Фёдор Александрович был женат на Татьяне Павловне Чадулиной, купеческой дочери. Чадулины прошли путь того самого сословия, которое так любовно описано Мельниковым-Печерским в романе «На горах». Сестра Татьяны Павловны Ольга, которую дочь Татьяны Павловны, Инна, звала Баболей (баба Оля), вышла замуж за пожилого купца Кожевникова. После его смерти Ольга Павловна не захотела заниматься предприятием мужа и продала дело. Отступных от компаньонов получила более миллиона. Детей у нее не было, и занималась она преимущественно собой — выстроила огромный каменный особняк с монументальными конюшнями, была страстной театралкой и любительницей лошадей. Имела лучший выезд в Нижнем Новгороде. **НМ**

Ильдар Садриев — координатор проекта «Будущее Земли зависит от Тебя!» по Татарстану

Будущее Земли зависит от нас!

Часть третья: во имя Любви, Вечности и Жизни!

Окончание. Начало читайте в №№ 7–8 за 2015 г.

«Вырубая леса, мы подрубаем непосредственно свои родовые корни. Пришло время созидания, эпоха творчества, то есть пора высаживать деревья, леса, сады, рощи во имя Жизни и Любви на планете с прекрасным названием Земля!»

В последнее время я стал пересматривать свою жизнь. Осознал, что заявленные желания не соответствуют действительности. По прошествии времени, когда я многое пережил, прочувствовал, я уже по иному смотрю на происшедшее, с других сторон. В других красках, тонах. На тот момент искал я единомышленников, чтобы высаживать в Кульметьево, в первую очередь, Школу «Счастье». Только мысли мои кривые были — хотел я для себя, своего счастья, а это гордыня. Не совсем гармонично все сложилось... В подробностях описывать не буду, слишком много всего произошло. Да и словами описать, выразить эмоции и чувства трудно, иногда совсем невозможно. Когда меня выгнали в осеннюю пору из бабушкиного дома и я переночевал в заброшенной избушке, мысли были совершенно о другом... Я после этого уехал к друзьям в том же Сармановском районе, прожил у них с месяц, там мне было морально тяжело. Аж было ощущение, что хотелось сбегать, вырваться... И потом я отправился в Минск на Солестол, то есть съезд, совещание проекта «Будущее Земли зависит от Тебя!» общественного экологического движения «Подари Земле Сад». Вот тут и произошло озарение, почувствовал я, что это мое! Хотя я давно уже был в этой теме. Понял, что это как дыхание, как жизненно необходимое! Хоть у меня и экологическое образование, тогда я был до глубины поражен, когда узнал, что 90% деревьев на Планете вырублено за последние всего лишь 150–200 лет! Вот зачем мне тогда этот диплом эколога-специалиста?.. Ведь в университете об этом не говорили, а говорили, как зарабатывать

на загрязнении и уничтожении Земли и всего живого... Вот тогда были сильнейшая ломка, изменения, зачастую неприятные...

После Солестола я поехал в Москву на экологическую конференцию Движения дружин охраны природы. А затем к друзьям в Казань. А с Нового года я отправился в Волгоградскую область, участвовал в проведении эко-праздников и подготовке акции «Во имя Любви, Вечности и Жизни!», прожив там до весны. Вернувшись в родные края в Татарстан, я очень хотел хотя бы немного деревьев посадить около Кульметьево, но на тот момент не осталось ни моральных, ни физических, ни финансовых воз-

Главная цель для меня — чтобы Земля была счастливая и радовалась!

можностей — я остался один и без денег. Но намерение сделать этот участок нашей Земли-Матушки осталось и даже окрепло. И я уехал домой, в Камские Поляны. Там я почти все время проводил в нашем саду на даче. Пару раз участвовал в посадках, когда друзья приглашали меня. Первый раз — в деревню Старые Ерыклы под Набережными Челнами, а второй — на посадку Школы «Счастье» в новом селении с названием «Быть Добру» в Камско-Устьинском районе.

В какой-то момент на даче, около леса, среди только отцветших деревьев с маленькими еще плодами и родилась у меня мечта — посадить сады Счастливых Семей в Камских Полянах уже осенью. За год до этого я подходил в администрацию поселка, но как-то не было четко оформленного образа. А сейчас он был живой, яркий, и выразился в виде стихов, песни души. Посадку

я наметил на октябрь. Что и как будет, я даже не представлял! Но я четко знал, для чего я это делаю — я очень хочу, чтобы Земля-матушка стала вся цветущей.

Думал я, что будем только в одном месте сажать, что посажу и «успокоюсь». Не тут-то было! Той осенью я участвовал дополнительно еще в 10 посадках! Летом я, чтобы подкормить немножко денег для посадки, попал к «бизнесмену», у которого я проработал два месяца в невыносимых порой условиях и который меня обманул, заплатив лишь небольшую часть. Да к тому же, как оказалось, он зарабатывал, вырубая деревья и продавая пиломатериалы... На эти вот средства я и прожил все время до посадок и даже после них, то есть это два с половиной месяца... Оказывается, деньги и вовсе не нужны, но их можно и нужно использовать. Зачастую важнее была

поддержка друзей и родных, причем не выражаемая ни в чем материальном. Саженьцы или колышки перевезти, в конце концов. Как и произошло один раз: например, мне нужно было перевезти саженьцы, но никто не соглашался, все берегли свои машины, и вот тут сразу же буквально позвонил друг и сказал: «Мне нужен помощник, утеплить дом, не хочешь помочь? Я тебе немножко даже оплачу работу...» Таким образом, я и подкормил немного средств, которые практически все ушли на всякие перевозки! То есть дружба и любовь, поддержка друзей и близких, родных людей — бесценна! Огромная благодарность всем, кто меня поддерживал в жизни, особенно в эти ее периоды!!!

В сентябре я съездил в садовое общество в Нагорном под Казанью, к другу Ленару Абдуллину, накопил саженьцы очень вкусной сочной груши. С ними поехал в Удмуртию,

недалеко от Ижевска, в поместье к Елене Егоровой, в котором она живет уже 12 лет. Посадили эти груши и саженцы, привезенные другими людьми. Затем в Селтинский район, в поместье к Гусевым Диме и Наташе, только пакет с грушами кто-то случайно увез на посадку в Пермский край. Посмотрели также Школу «Счастье» в селении Счастливом, как же там поживают деревца, которые мы сажали вместе года полтора назад. Еще раз побывали около почти столетнего кедра. Рядом с ним я ощутил такую благодать, негу, что даже лег на землю, закрыл глаза и... унесся в какие-то вселенские пространства! Сродни тем же ощущениям, как будто в животике у мамы или в колыбели... А что будет, когда возродятся кедровые леса!

Вернувшись в Камские Поляны, я снова почти все время проводил на даче. И вот как-то возвращаясь домой и проходя мимо родника, я остро в душе ощутил, что нужно как-то возродить его. Ведь несколько лет назад кто-то повредил водоносный слой, и он стал течь тоненькой струйкой, плача от боли... И я понял, что можно это сделать, посадив деревья на склоне выше родника. Так с мыслью о том, чтобы Земля-Матушка была здоровой и счастливой, я посадил слово «Здоровье» из разных плодовых деревьев из заброшенных садов и из леса. Правда, хотелось, чтобы были рядом еще люди, но так я в одиночку все и посадил...

В декабре я посадил проросший желудь, который мне подарила Розамила!

20 января 2015 года появился первый росточек дубочка! Скорее всего, это именно тот, который был проросшим.

В какой-то момент родился ответ... Пришло осознание, что для меня важно! Словами объяснить трудно, но это целостное восприятие — осознание важности семьи, слитое воедино с осознанием важности посадки деревьев для Земли! Стало спокойно на душе!

Что-то меня притянуло в эти места. Скорее всего, это сама Земля... Хочется, чтобы здесь, в Челнах, были тоже посажены Школы

«Счастье». Под них я определил территории, как минимум, в трех местах. Через мэрию города выделить землю под посадку не удалось, и эко-праздники проводить толком пока не получается. Поэтому я ищу людей, которые готовы посодействовать в этом деле! И самое главное — двигаться и действовать! Также будут продолжаться посадки в Сарманово, Кульметьево, Камских Полянах, в Казани! Главная цель для меня — чтобы Земля была счастливой и радовалась! и чтобы деревья росли, чтобы сады цвели по всей планете! И всех, кто тоже пожелает идти по этому пути, — приглашаю к сотворению! Но только те, кто воистину, от всей души этого хочет!

Друзья, единомышленники! Все, кто хочет изменить мир к лучшему! Дадим детям возможность вырасти чистыми и неиспорченными! Дадим им возможность быть счастливыми, сделать счастливой нашу Землю-Матушку и всё живущее на ней! Дадим именно детям возможность посадить своё дерево. Объясним, что Земля живая, что она сейчас очень сильно более и страдает. Что Она

у нас только одна такая, единственная! Что Она по-прежнему любит нас, каждого из нас, и ждёт, и всегда будет любить своей бескорыстной и чистой любовью, несмотря ни на что! Спросим у наших мудрых детей, как можно все изменить, расскажем, что такое деревья и какое значение они имеют для Планеты и для самих людей! И самое главное — нужно стать осознанными самим! У нас есть еще время. А действовать нужно! И кто, если не мы! Нужно вернуться к чистым истокам души, стать добрыми, светлыми, бескорыстными, с широкой душой!

Присоединяйтесь к новому поколению созидающей, то есть истинно творческой молодёжи! Присоединяйтесь к международному проекту «Будущее Земли зависит от тебя!». Для обсуждения возможных вариантов мероприятий, обмена опытом создана соответствующая группа <http://vk.com/podari.derevo.zemle>, в которую может вступить любой желающий, задать любые вопросы, пообщаться с теми, кто уже проводил подобные мероприятия, а также — просто для вдохновения! **НМ**

ecosopsadri@mail.ru

Подготовлено газетой «Городок»

КИРИЛЛ ДЯГИЛЕВ: «Я МОГУ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ ДЛЯ ГОРОДА — И ЭТО ЗДОРОВО!»

С Кириллом Дягилевым нас познакомили специалисты, работающие с молодежью в Комитете по спорту и молодежной политике. Кураторы студенческой городской организации «Флагман» очень хорошо отзывались об этом студенте Горного техникума. А поговорив с самим Кириллом, я просто искренне порадовалась: среди киселевской молодежи есть отличные ребята — активные, неравнодушные, умеющие мечтать и воплощать свои смелые идеи в жизнь. С удовольствием спешу познакомить и вас, уважаемые читатели, с нашим молодым земляком.

Сегодня Кирилл Дягилев — студент последнего курса Киселевского горного техникума. Он изучает теплоснабжение и теплотехническое оборудование. Еще немного, и Кирилл станет выпускником, а затем ему предстоит служба в армии. В каком направлении двигаться потом, после того как отдаст воинский долг родной стране, 19-летний киселевчанин пока не решил. У него на примете — целых три варианта будущей профессии: либо театральное искусство, либо молодежная политика, либо менеджмент предприятия. Все эти сферы входят в круг его сегодняшних интересов.

Кстати, об интересах. Чем поразила меня история Кирилла, так это разнообразием его увлечений. Здесь — и любовь к сцене, и волонтерство, и занятие поисковой работой, и участие в самоуправлении. О каждой из граней личности нашего героя я расскажу вам во всех подробностях.

Своим счастьем можно поделиться через песню

Пожалуй, самым первым из всех сегодняшних увлечений в жизни Кирилла появилось пение. Пел он с детства — дома, в караоке. И получал от этого процесса колоссальное удовольствие. Просто так — без зрителей, без оваций, без сцены.

— Я понял, что музыка открывает для меня какой-то новый мир. И это само по себе дарит удовлетворение, — пытается опи-

сать свои ощущения Кирилл.— Поразмыслив, я пришел к выводу, что петь я хочу не ради славы, а потому, что это дает возможность делиться своим эмоциональным состоянием. Понимаете, я будто бы дарю своё счастье другим людям через песню!

Так продолжалось до тех пор, пока Кирилл не стал студентом Горного техникума. Только окончившись в студенческую жизнь, он осмелился последовать настойчивым советам друзей и заняться вокалом всерьез.

На втором курсе он пришел на отборочный тур «Студенческой весны-2012». Для выступления выбрал одну из популярных песен в стиле «диско» 1980-х годов. Он пел «Бона сэра». Но акцент решил сделать не на вокале, а на ярком интересном номере — игре с публикой. Конечно, дебютант фестиваля очень сильно сомневался в успехе, боялся, что члены жюри презрительно скривятся: «Что за старье?» Но, к удивлению начинающего певца, представление прошло на «ура!». Когда Кирилл увидел, что ему аплодируют не только товарищи по горному техникуму, но и весь зрительный зал, то понял: публика его приняла.

— Потом, уже в гардеробной, я слышал, как кое-кто из ребят напевает мою песню, — рассказывает Кирилл о том первом шаге в большой мир сцены. — Многие захотели стать моими друзьями в социальных сетях. В Интернете выкладывали текст песни, которую я исполнил, видеоролики с моим выступлением на фестивале...

С тех пор Кирилл выступает на сцене. Он — постоянный участник концертов и праздников в Горном техникуме. А прошлым летом вышел и на городской уровень. Кирилл выступил на концерте ко Дню шахтера. Сначала спел на общегородском празднике в составе вокальной группы, а потом было и сольное выступление на районном празднике.

Впервые увидев перед собой глаза сотен зрителей, испытал неведомую прежде мощнейшую энергетику живого концерта,

увидев, как можно зажигать людей своим настроением, Кирилл понял: теперь он вряд ли сможет без этого обходиться. Всё-таки, петь для кого-то — гораздо интереснее, чем заниматься творчеством наедине с равнодушным караоке.

До сих пор Кирилл предпочитал исполнять музыку 1980-х — старое доброе диско. В его репертуаре были песни Mauro, Fancy, Silent, Cricle, Joy. Он и сейчас любит такую музыку. Но отныне репертуар Кирилла Дягилева будет меняться. Летом, во время подготовки к концерту ко Дню шахтера, он познакомился с преподавателем вокала Маргаритой Николаевной Гранкиной. Собираясь на прослушивание, боялся: профи раскритикует его, самоучку, в пух и прах. Но Маргарита Николаевна нашла в его вокале и сильные стороны! Теперь он совершенствует технику исполнения под её руководством.

Вахта памяти — лучшая школа патриотизма!

Поисковой работой Кирилл увлекся в школе — после знакомства с руководителем школьного музея Галиной Александровной

Спасибо родителям!

Мой собеседник уверен: всем, чего он добился, он обязан... своим родителям. Именно они, считает Кирилл, привили ему интерес к общественной работе и активной жизненной позиции. И все его награды, все его достижения — это и их успех.

— Я благодарен моим родителям за своё воспитание. Маме — за то, что научила меня быть грамотным человеком (она у меня учитель). За то, что показала, как важно делиться с другими душевным теплом, добротой. А отцу большое спасибо за то, что он своим примером научил меня целеустремленности, помог выработать характер, силу воли и терпение.

Гильмутдиновой (её Кирилл считает человеком, который сыграл довольно важную роль в его воспитании). Активистом школьного музея наш герой стал в седьмом классе. А в поиск влюбился после того, как побывал, пока что в качестве лишь отдыхающего, на слете поисковых объединений. Кстати, там он исполнял обязанности летописца — работал с боевыми листками отряда.

Отдых на слете не прошел бесследно. Именно там, уверен Кирилл, ему удалось впервые преодолеть свои страхи и раскрепоститься. Теперь он не боится высказывать свои идеи, участвовать в конкурсах и акциях. А в 2012 году Кирилл впервые отправился вместе с другими поисковиками из Киселевска на Вахту памяти. Это была международная учебно-тренировочная Вахта памяти в Смоленске.

— Самое большое впечатление на Вахте — это огромная жажда поиска. Все мы горели желанием найти солдатский медальон или даже останки солдат. Но, к сожалению, не удалось. И этот момент тоже играет важную роль: на Вахте ты учишься терпению. Чтобы отыскать хотя бы что-то, надо проделать огромную работу, отнимающую много сил и времени. Здесь ты понимаешь: невозможно получить всё и сразу, — рассказывает Кирилл. — Плюс — развивается внимательность. Ведь во время поиска нужно обращать внимание и замечать каждую мелочь.

И даже это — еще не все навыки, которым, по наблюдениям Кирилла, учит поисковая работа. Живя в военно-полевых условиях,

Не работа — мечта!

Минувшим летом Кирилл получил первый трудовой опыт. Работать ему довелось вместе со спасателями.

— Официально мы — я и еще один студент — назывались помощниками спасателей, — рассказывает Кирилл о первой работе во время каникул. — По сути, мы были их ушами и глазами. Дело в том, что самим спасать людей мы пока не можем, да и не умеем. А вот следить за обстановкой — нам по силам.

Утром вместе с сотрудниками аварийно-спасательной службы их юные помощники совершали на моторке рейды по Чумышу, проверяя, нет ли в воде незаконно установленных сетей. А днем следили за тем, чтобы отдыхающие не заплывали на глубину.

Месяц, проведенный на Чумыше, оказался очень насыщенным новыми впечатлениями. Чего только стоит знакомство с искусством управления моторной лодкой! А рассказы спасателей? Слушать их было очень интересно, только вот желания выбрать такую же профессию, что и их наставники, у ребят не возникло. Чтобы спасать людей, нужны крепкие нервы, — убедились парни.

ребята между делом учатся разводить костер и готовить каши и супы, делить с товарищами не только палатку, но и обед. В полевом лагере — всё общее. И, конечно, на первом месте здесь дисциплина, дисциплина и еще дисциплина. Во время поиска надо быть предельно осторожными, недопустима никакая самодеятельность. Приказ командира не обсуждается. Всё-таки на местах бывших сражений до сих пор много опасностей.

Кирилл считает: Вахта памяти стала для него отличной подготовкой к службе в армии. Надо сказать, перспектива отправиться на службу этого молодого человека ничуть не удручает. Как он относится к необходимости идти в армию? Как к своему гражданскому долгу.

— Мой дед — служил в армии, отец — тоже служил. Значит, и мой долг — пойти на службу, — просто объясняет студент.

Не исключено, что он и во время службы будет продолжать вести поиск останков российских солдат, погибших во время Великой Отечественной войны. Это — если его направят в поисковый батальон. Такой вариант возможен!

И главное: мой собеседник убежден, что участие в Вахтах памяти как ни одно другое дело воспитывает в молодежи настоящий патриотизм. Он судит хотя бы по себе: побывав на Вахте, уверяет Кирилл, начинаешь по-другому относиться к ветеранам войны. С гораздо большим уважением.

Я могу быть полезным для города! И это здорово!

Уже на первом курсе техникума Кирилл отличился: разработал сайт для своего учебного заведения, за что даже получил впоследствии губернаторский грант. Став студентом, он сразу же вступил в студсовет и через год его возглавил. А на втором курсе вошел в состав городской студенческой организации «Флагман». Жизнь с «Флагманом» оказалась очень интересной и насыщенной.

— Сегодня мы раздаем какие-нибудь буклеты в рамках акции, завтра помогаем пожилым людям, послезавтра нам поручат еще какое-нибудь важное и интересное дело, — поясняет Кирилл. — Быть участником «Флагмана» мне нравится именно потому, что здесь много разнообразных дел. А еще приятно осознавать, что я могу быть полезным для своего города. Знаете, приятно дарить улыбки людям, делать их немного счастливее, а их жизнь — ярче, даже если ты просто раздаешь им воздушные шарик.

Активист и волонтер считает: каждое из поручений, которые дают флагмановцам, помогает ребятам раскрывать в себе какие-то — хорошие — новые черты. Да и город, его жители предстают перед молодыми людьми в новом свете. Например, Кирилл за время участия во всевозможных акциях пришел к выводу, что большинство киевлян — очень добрые и приветливые люди. Вообще студент навскидку предложил такой расклад: примерно 40 процентов из тех, к кому ребята-волонтеры обращаются во время акций, встречают их инициативу настороженно. Кто-то просто прибавляет шаг — игнорирует. Кто-то начинает ворчать на тему: «Молодежь — плохая. Устраны — нет будущего...» Зато 60 процентов прохожих останавливаются, улыбаются, благодарят. Кстати, многие интересуются: «А вы — кто? Зачем вы это делаете? Вам за это платят?»

— Нет, нам за это не платят! Просто нам это интересно! — дает ответ всем интересующимся Кирилл.

Восемь дней в сказке

За отличную учебу и активное участие в жизни города Кирилл получил в этом году замечательную награду. В составе сотни студентов из Кемеровской области он на восемь дней отправился в Объединенные Арабские Эмираты.

— Это было просто волшебю! Мы попали в сказочную страну, где были созданы отличные условия для отдыха, — делится впечатлениями Кирилл. — В нашем распоряжении были пляж и бассейн, спортивный зал, удобные номера и т.д. Такой отдых — это очень хорошая награда!

Мне давно хотелось узнать, так сказать, из первых рук, как сегодня относятся в молодежной среде к таким, как Кирилл — активистам и волонтерам, словом, к тем, кому хочется действовать.

— Еще года 2—3 назад почти все отвечали на предложение что-то сделать отказом: «Зачем мне это надо?». А сейчас ситуация меняется, — поделился наблюдениями Кирилл. — Большинство ребят заинтересованы в общественной работе. Даже если они не входят в состав «Флагмана», то готовы оказать поддержку. Многие одобряют наши дела, акции, ценят нашу работу. Молодые люди начинают понимать, что иначе нельзя. Уходят те времена, когда люди возмущались: «У нас — плохая страна, плохой город. Что город сделал для меня?» Конечно, такая позиция — самая легкая. А попробуй спросить сначала себя: «А что я сделал для своего города? Что дал своему учебному заведению? Многие сегодня не боятся задавать себе такой вопрос. И пытаются в меру своих сил сделать родной город лучше».

Поговорили мы с участником волонтерского движения и о добрых делах.

— Я считаю, возможность делать добрые дела есть у каждого человека. Мне кажется, по-настоящему важное дело — это прямая благотворительность. Например, отправить деньги больному ребенку или навестить его в больнице. По-моему, дарить внимание, заботу — ничуть не менее важно, чем помогать материально. Я могу судить об этом хотя бы по словам моей бабушки. Она всегда говорит, что ей не нужно никаких подарков. Только прийти в гости и пообщаться с ней. Не зря же говорят, что лечит не только лекарство, но и доброе слово! — высказал свое мнение волонтер.

Кстати, он считает, что пока еще не сделал по-настоящему весомого доброго дела. Ну что ж, у Кирилла впереди вся жизнь. Времени на добрые дела будет предостаточно. Главное, не утратить желания их делать! **НМ**

Владимир Путин:

«Будем работать вместе с вами»

Из ответов на вопросы на «Прямой линии».

О. Ушакова: Владимир Владимирович, у нас в студии сегодня собралось большое число представителей малого бизнеса, и, конечно же, у них много вопросов. Сейчас я хотела бы дать возможность задать один из них предпринимателю из Нижнего Тагила, владельцу мобильной кондитерской Сергею Партину. Пожалуйста.

С. Партин: Я хочу сказать, что меры поддержки молодых предпринимателей и начинающих эффективно работают. Мы тому пример. Открыли два года назад производственную фирму и в этом году стали лучшим молодёжным бизнес-проектом России. Поэтому не опускаем руки, работаем эффективно, чего и всем желаем.

У нас существует трудность с молодыми кадрами, мы её решаем локально. Она заключается в том, что молодёжь, закачивая школу и даже вуз, они так и не знают, в чём их талант, какую пользу они могут принести России, чем они хотят заниматься. Поэтому вопрос такой. Как на государственном уровне у нас будет решена проблема ранней профориентации молодёжи?

О. Ушакова: И Вы готовы поделиться своим опытом, как я понимаю.

С. Партин: Да, я уже сказал, что есть определённые наработки, и они очень круто работают.

В. Путин: А что вы производите?

С. Партин: Сейчас мы занимаемся сладостями и расширяемся франшизой, учим людей классно готовить, детей и взрослых.

В. Путин: Ну вот видите, это самый лучший пример того, что и как нужно делать. Вообще подготовка профессиональных кадров, особенно в сфере производства, является одним из ключевых элементов роста на ближайшее время, потому что само производство усложняется и, конечно, нам нужны, прежде всего, высококвалифицированные рабочие кадры.

Мы очень много работаем по этому направлению с объединениями предпринимателей — и с теми, кто пред-

ставляет малый и средний бизнес, и с теми, кто представляет крупные предприятия. Договорились с ними о целом наборе мер, совместных действий. Это и компетенции в различных областях, это совместная работа по организации производственной практики и так далее. Без этого просто невозможно двигаться [вперёд], очевидный факт. У Правительства есть целая программа работы по этому направлению.

Но, конечно, Вы абсолютно правы, лучше бы начинать эту профориентацию на самой ранней стадии, ещё в школе. Вот я вчера с коллегами обсуждал: в крупных городах, таких как Москва, чуть ли не 100 процентов стремится поступать в высшие учебные заведения. Тяга к знаниям, кстати говоря, это очень хорошая вещь, но это в том числе говорит о том, что у нас плохо организована та самая профориентация (ещё на школьном уровне), о которой Вы сказали. Будем работать вместе с Вами.

Вопрос (задают школьницы из Санкт-Петербурга): Мы от лица всех

школьников России хотели бы попросить Вас заменить экзамен ЕГЭ на экзамен по билетам, который был в Советском Союзе. Мы считаем, что экзамен по билетам — это очень удобная система, которая позволяет показать все свои знания. И, даже если ученик очень старается и очень способный в каком-то предмете, ЕГЭ не позволяет ему показать всех своих знаний и навыков, и при достаточных, обширных знаниях можно получить маленькое количество баллов.

И ещё мы бы хотели попросить, чтобы Вы ввели больше произведений, которые должны школьники проходить по литературе, в 10-м и 11-м классе особенно.

В. Путин: Понятно.

Мне бы сейчас не хотелось открывать полномасштабную дискуссию по ЕГЭ. Я думаю, что это тема, которая постоянно находится в поле зрения и внимания общественности, и в конечном итоге всё-таки окончательную точку в этом должны поставить специалисты, которые глубоко понимают проблему.

Есть и минусы, есть и плюсы, я сейчас не буду вот об этом обо всём говорить, но фактом остаётся то приятное явление, что количество молодых талантливых людей из провинции в гораздо большем объёме поступает в ведущие вузы страны при этой системе оценки знаний. Там есть, безусловно, и свои минусы, о которых я сказал, начётничество такое: это как бы не погружение в глубину темы, а подготовка, как будто экзамен — это сдача экзаменов на водительское удостоверение.

Там есть свои минусы, но Министерство образования пытается корректировать эти минусы за счёт чего: ну, вот возвращена на экзаменационное испытание такая форма, как сочинение по литературе; в некоторых вузах разрешено (в ведущих — в МГУ, в частности, разрешено) проводить дополнительное экзаменационное испытание, учитывая результаты на различных конкурсах и олимпиадах. Согласен с вами в том, что эта система нуждается в совершенствовании.

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ПОБЕДУ!

Уважаемые Ветераны Великой Отечественной войны и труженики тыла!

Вы совершили героический и трудовой подвиг во имя жизни на земле, ваши самоотверженные дела привели к Великой Победе. В 1945 году весь мир рукоплескал защитнику — советскому солдату.

Примите наши искренние поздравления с праздником — 70-летия Великой Победы!

Этот Великий Святой день, самый долгожданный, желанный, богоугодный и самый славный для нашего Отечества.

Дорогие ветераны, участники Великой Отечественной войны и труженики тыла, вы не щадили своей жизни, проявляли мужество и отвагу за наше счастье.

Вы, ныне живущие, и те, кто на полях сражения превратились в «белых журавлей», навсегда останетесь достойным примером служения Родине, верности долгу и присяге. Мы низко кланяемся Вам за всё, что Вы сделали для нашей страны.

**Всем, кто пал в боях за Родину, Вечная Слава!
Всех, кого коснулась война!
Всех, кто боролся за нашу Победу!
Всех, кто гордится славными делами наших предков!
С 70-летием Великой Победы!**

От всего сердца желаем Вам, Ветераны, крепкого здоровья и долголетия, бодрости духа и оптимизма, житейского благополучия и достойной жизни!

Всегда с Вами, «Наша молодёжь»

В этот День Победы мы хотим выразить слова благодарности ныне живущим фронтовикам — ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла. На их долю выпали тяжкие испытания. Их жизнь — пример мужества, героизма и преданности Родине.

Наш долг — вспомнить также всех, кто погиб в боях и не дожидаясь сегодняшнего дня. Мы перед ними в неоплатном долгу. Все они внесли огромный вклад в Победу, чем заслужили вечную память и признание потомков. Помним, гордимся, благодарим!

Лилия Варюхина

Наше поколение глубоко благодарно вам за проявленное вами мужество и героизм. От всей души поздравляю вас с этим знаменательным Днем, Днем Победы! Ваш подвиг бессмертен, в России его будут помнить всегда. С праздником!

Василиса Мурадова

«День Победы остается для нас самым дорогим и значимым праздником. А подвиг наших ветеранов, невероятная сила духа и самоотверженность — это пример для многих поколений. Мы все равняемся на вас, мы учимся у вас. Спасибо Вам наши дорогие ветераны! Сил Вам и здоровья!»

Алексей Подойников

Пусть дни войны тянулись очень долго,
Пусть быстро мчались мирные года.
Победы под Москвой, под Курском и на Волге
История запомнит навсегда.
Пусть Вы сейчас отцы и деды,
Виски посеребрила седина.
Во век Вам не забыть весну Победы,
Тот день, когда закончилась война.
Пусть многие сегодня не в строю,
Мы помним все, что делалось тогда
И обещаем Родину свою
Сберечь для дела, мира и труда.

Мария Кузнецова

У русского народа есть заветные имена, которые никогда не забываются! Эти имена каждого из вас, дорогие ветераны и труженики тыла! Имена тех, кто, не боясь врага, шел вперед, не зная усталости работал, обеспечивая фронт всем необходимым. Вы боролись за наше светлое будущее, за Россию! Ваш подвиг не оценим, а Вы народные герои и составляете его национальную славу. Каждый из Вас — это звезда на небосводе нашей Родины, который освящает весь дальнейший путь русского народа! Спасибо Вам! Мы бесконечно рады тому, что можем стоять рядом с Вами!

Александр Мусин

33169

Вы можете оформить подписку в отделениях почтовой связи по любому каталогу. Наш индекс 33169 в каталоге Агентства «Роспечать» в рубрике «Детские и молодежные издания».

Оформить подписку можно в редакции по телефонам 8 495 625-44-61, 8 495 625-54-28, а также в агентствах:

000 «Межрегиональное агентство подписки». Тел.: 8 495 648-93-94.

000 «Урал-пресс». Тел.: 8 495 789-86-36.

ЗАО «Прессинформ». Тел./факс: 8 812 335-97-51.

